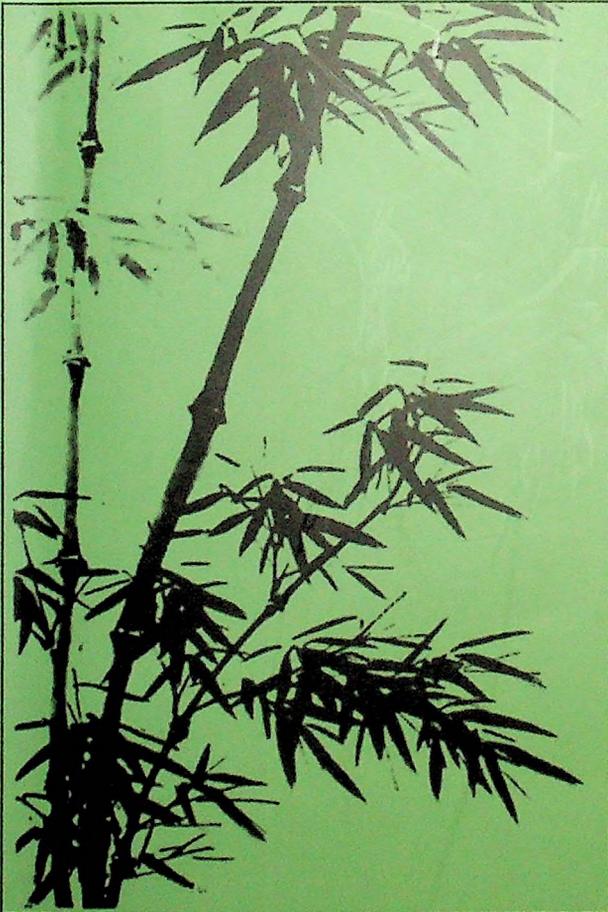

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2019

Инициатива «Пояс и Путь» и Россия

●
Развитие бассейна реки Янцзы

●
Китайско-германские отношения

●
Столетие «Движения 4 мая»

●
К пониманию глобальной
стратегии Китая

●
Советские юристы в Китае
(1949–1960)

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2019

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. *отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. *отделом внешней политики*
А.Н. Карнеев
зав. *отделом истории и*
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. *отделом культуры*
А.С. Крушинский
зав. *отделом экономики*
В.В. Кузьминков
зав. *отделом Японии*
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. *редакцией*
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. *отделом идеологии и*
философии

1/75650

Содержание

ПОЛИТИКА

- А.К. Галимзянова.* Китайско-германские отношения: стремление к эталону 4
- Э.Р. Ширгазина.* «Мягкая сила» Китая и страны БРИКС 13
- Ван Хуань.* КНР — РФ: возможности совместного освоения Северного морского пути 26

ЭКОНОМИКА

- Б.А. Хейфец, Н.С. Степанов.* Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия 34
- З.А. Мурамцева.* 40-летие реформы и проблематика общей факторной производительности в КНР 50
- М.В. Александрова, О.А. Татуева.* Особенности развития Экономического пояса реки Янцзы 59
- Ли Янь, Сюй Сянцян.* Экономический имидж Китая в российских социальных сетях 71
- К.А. Гемуева.* Иностраный капитал на рынке недвижимости Великобритании (на примере инвестиций из Большого Китая) 81

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- В.В. Малявин.* К пониманию глобальной стратегии Китая 96
- А.В. Семёнов, А.В. Цвык.* «Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая 109

ИСТОРИЯ

- Н.Л. Мамаева.* К 100-летию «Движения 4 мая» 1919 г. 125
- Т.А. Орнацкая.* Деятельность Коминтерна на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) 132
- Тан Шичунь.* Советские юристы в Китае (1949–1960) 142

КУЛЬТУРА

- В.В. Самойленко.* Глобализация традиционной китайской медицины 150
- Н.А. Чеснокова.* Придворные геоманты в Корее в период Чосон (1392–1897) 156

ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Ю.А. Дрейзис.</i> Школьный литературный канон в системе китайской средней школы высшей ступени	163
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н.Н. Бектимирова.</i> Хенг Самрин. Народная борьба. Возрожденная Камбоджа	171
<i>В.Е. Петровский.</i> Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Китайские общины в США и Европе: история, культура, религия	174

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Андрею Владимировичу Островскому — 70 лет	176
К 70-летию В.М. Мазырина	178
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2019 год.....	180
Contents.....	186
Summary	188

Китайско-германские отношения: стремление к эталону

© 2019

А.К. Галимзянова

В статье рассматривается современное состояние двусторонних китайско-германских отношений. Показано, что в сотрудничестве между странами существуют как успехи, так и трудности. Анализируя их состояние, автор приходит к выводу, что в целом взаимоотношения Китая и Германии носят конструктивный и дружественный характер и постоянно направлены на укрепление стратегического диалога.

Ключевые слова: Китай, Германия, ЕС, Си Цзиньпин, Ангела Меркель, международные отношения, внешняя политика, «Один пояс, один путь», «Сделано в Китае — 2025», «Индустрия 4,0».

DOI: 10.31857/S013128120007990-0

Современный мир стоит перед лицом новых вызовов и угроз. В мировой политике происходят глобальные изменения. Мир движется к полицентричности. Возрастает значение отдельно взятых государств и их лидеров. В этой обстановке еще большую значимость приобретают способность стран противостоять возникающим вызовам и умение найти правильный выход из сложившихся ситуаций. Борьба с вызовами лучше сообща, поэтому двусторонние отношения между странами играют важную роль.

Большой интерес сегодня представляют отношения в треугольнике Китай — ЕС — Германия. В 2015 г. отмечалось 40-летие установления официальных отношений КНР и ЕС. Германия и ее партнеры по ЕС придерживаются политики «одного Китая». Масштабными темпами развиваются экономическое сотрудничество, отношения в сфере культуры и образования. А общие интересы зафиксированы в «Стратегической повестке дня сотрудничества ЕС — КНР 2020»¹. Вместе с тем существуют некоторые трудности во взаимоотношениях КНР и ЕС: присутствует конкуренция между странами ЕС за китайский инвестиционный ресурс. Под влиянием США Европейский союз сдерживает свое военно-техническое сотрудничество с Китаем, регулярно выступая за сохранение эмбарго на поставки оружия и военной техники в КНР². Немецкое правительство критикует политику Пекина в отношении Тибета и Тайваня. Европу не устраивает, что Китай

675

принуждает европейских бизнесменов делиться коммерческой информацией и выставляет завышенные требования для экспорта.

Однако, несмотря на ряд трудностей, с некоторыми странами Европы Китай наладил хорошие отношения. Из всех стран ЕС наиболее тесные сложились у Китая именно с Германией, и важно подчеркнуть, что они носят особый характер. В марте 2014 г. китайско-германские отношения приобрели статус «всеобъемлющего стратегического партнерства»³. Такое определение подразумевает «всеобъемлющее» совпадение позиций стран по всем вопросам мировой повестки дня. Страны совместно противостоят новым вызовам и угрозам международной безопасности, борются с международным терроризмом. Китай и Германия выступают за построение многополярной системы международных отношений, стремясь противостоять укреплению позиций США. Они поддерживают друг друга в вопросе расширения Совета Безопасности ООН. «В Китае многие воспринимают взаимоотношения с ФРГ как «особый тип партнерства», который эволюционирует от сугубо экономического к политико-стратегическому»⁴.

Трудности в развитии китайско-германских отношений

В двусторонних отношениях между странами всегда имеются не только успехи, зачастую встречаются и трудности. Так и отношения Германии и Китая не лишены этих проблем. Наиболее заметное влияние на двусторонние отношения оказывают вопросы соблюдения прав человека в КНР. Немецкие правозащитники требуют от Китая уважать индивидуальные свободы личности и вероисповедание, это касается ограничений в правах на рождение ребенка, запрета на иностранные религиозные организации⁵. Критикуется отсутствие свободы слова и свободы прессы в КНР, где все высказывания подвергаются тотальному контролю властей, а все СМИ должны служить средством общественной пропаганды и укреплять престиж властей.

Еще одним неразрешенным противоречием остается проблема Тибета. Наиболее острые фазы конфликта были после принятия резолюции Бундестага от 20 июня 1996 г. «Об улучшении соблюдения прав человека в Тибете», что в итоге привело к отсрочке до сентября того же года официального визита министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля в КНР.

В 2007 г., после встречи Ангелы Меркель с духовным лидером Тибета далай-ламой, конфликт вспыхнул вновь и был улажен, когда Германия признала единый Китай. Можно утверждать, что постепенно Германия встает на сторону Китая в большинстве его пограничных споров и разногласий⁶.

Есть разногласия и по позициям стран в отношении обстановки на «большом» Ближнем Востоке (ливнийский вопрос, сирийский кризис, ядерная программа Ирана) и конфликта между Северной и Южной Кореей. Но в последнее время эти противоречия, оставаясь пока неразрешенными, уходят на второй план, так как экономики Китая и Германии становятся все более зависимыми друг от друга, и выгод от двустороннего сотрудничества получается больше.

Что касается противоречий по поводу соблюдения прав человека, то они, как представляется, так и не находят разрешения из-за разного восприятия природы этих прав европейцами и китайцами (западной и восточной цивилизациями). Также Германия не имеет никаких обязательств перед Тайванем и поэтому может свободно демонстрировать свою позицию в вопросе территориальной целостности Китая.

Успехи в 2017 г.

Тщательный анализ итогов официальных встреч на разных уровнях между Германией и Китаем позволяет сделать вывод, что особенно успешным в сотрудничестве между Китаем и Германией был 2017 г. Полученные результаты позволяют утверждать,

что год был не просто удачным, а открыл реальные перспективы для дальнейшего сотрудничества. Функционирует более 70 двусторонних механизмов и консультаций сотрудничества, включая правительственные консультации Китая и Германии, что продвигает китайско-германские отношения стратегического партнерства на еще более высокий уровень. Двустороннее деловое сотрудничество непрерывно обогащается новым содержанием: страны совместно поддерживают инициативу «Один пояс, один путь», укрепляют сотрудничество по поддержке малого и среднего бизнеса, оказывают двустороннюю поддержку в развитии внешних рынков. Кроме того, развивается двустороннее сотрудничество в области интернет-бизнеса и высоких технологий. Китай все больше интегрируется в мировую экономику и торговлю⁷. Так, например, китайская компания Midea Group приобрела более чем за 4 млрд евро контрольный пакет акций ведущего производителя роботов немецкой фирмы Kuka AG. Также китайцами был приобретен производитель машин KraussMaffei из Мюнхена (1 млрд евро) и производитель агрегатов для сжигания отходов EEW Group из Гёппингена⁸. Немецкие компании вкладывают инвестиции в развитие «кремневой долины» Китая в городе Чжунгуаньцунь.

Во время визита в ФРГ в июне 2017 г. премьер-министра Госсвета КНР Ли Кэцзяна обе стороны приняли решение, что будут поддерживать тесную координацию и общение по основным международным и региональным вопросам с тем, чтобы совместно выступать за мир во всем мире, стабильность и развитие. Можно с уверенностью утверждать, что правительства двух стран продвинулись на шаг вперед в развитии и наполнении содержанием китайско-германских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства, а также добавили новый импульс в двустороннее деловое сотрудничество.

Во время визита обе стороны решили за счет «совместного внедрения инноваций» углублять сотрудничество в таких областях, как интеллектуальное производство, авиация, автомобили на новых источниках энергии, экологическое развитие, создание молодежных стартапов. Деловое сотрудничество между двумя странами будет поводом достичь еще более тесного взаимодействия и добавит в него новый импульс⁹. В течение последних двух-трех лет происходит активное сопряжение программ «Сделано в Китае — 2025» и «Индустрия 4,0», которые являются стержневыми стратегиями китайско-германского инновационного партнерства. В рамках такого сотрудничества Китай стремится сократить свое отставание от западных стран в области интеллектуальных технологий¹⁰.

В настоящее время Европа столкнулась со множеством вызовов с точки зрения экономики и безопасности. Китай всегда поддерживал европейскую интеграцию, и Германия высоко ценит это. Что касается существовавших обеспокоенностей Китая по ст. 15 «Протокола о присоединении Китая к ВТО»¹¹, то Германия поддержала Евросоюз в поиске условий урегулирования спора через внесение поправки в закон. При этом важно подчеркнуть, что антидемпинговый закон после внесения поправки не должен дискриминировать ни одну страну. Эта позиция показывает, что ЕС уважает законные права Китая по членству в ВТО, и все это, несомненно, имеет положительное значение.

В условиях современных веяний «антиглобализации» и роста тенденций протекционизма стороны согласились совместно строить мировую экономику открытого типа, стремясь к взаимной открытости, поддерживая либерализацию торговли и упрощение процедур осуществления инвестиций, а также систему многосторонней торговли. Протекционизм представляет опасность, так как способен оказывать губительное влияние на экономический рост внутри страны. Поэтому Китай и Германия совместно высказались о решительной защите глобальной экономики открытого типа, что не только отвечает общим интересам этих стран, но служит «стабилизатором» торговой политики и экономики всего мира.

Что касается принятого по итогам 21-й конференции Рамочной конвенции об изменении климата (РКООНИК) в Париже 12 декабря 2015 года — «Парижского соглаше-

ния по борьбе с глобальным изменением климата», пришедшего на смену действовавшему до того момента Киотскому протоколу от 1997 года, то Китай заявил, что будет продолжать выполнять свои обязательства и готов сотрудничать с другими странами в реализации повестки дня «Плана устойчивого развития — 2030». Эта позиция также согласуется с позицией других 175 стран (в числе которых и Германия), подписавших «Парижское соглашение по борьбе с глобальным изменением климата».

На основе взаимного уважения и взаимной выгоды Китай и Германия непрерывно обогащают новой энергией двустороннее прагматичное сотрудничество, что приносит новые успехи и несет за собой благополучие для двух государств и их народов. Полученные в ходе исследования китайско-германских отношений результаты позволяют сделать вывод, что они служат примером для установления нового типа межгосударственных отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в июне 2014 г. с речью на юбилейном торжестве в честь 60-летия выдвижения концепции «пяти принципов мирного сосуществования», пояснил, что характеристики нового типа межгосударственных отношений находят отражение в этой дипломатической стратегии. Взаимовыгодное сотрудничество является ядром этого нового типа отношений.

5 июля 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с визитом Берлин, где провел переговоры с канцлером Германии Ангелой Меркель. Лидеры двух стран дали высокую оценку традиционной дружбе между Германией и Китаем, обрисовали новый план развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Германией, определили новые цели и планы. Они единодушно согласились углублять политическое взаимодоверие, укреплять деловое взаимодействие, развивать культурное сотрудничество, что будет способствовать дальнейшему развитию китайско-германских отношений.

Си Цзиньпин отметил, что по прошествии 45 лет установления дипломатических отношений между КНР и ФРГ, китайско-германские отношения стали эталоном успеха. За последние годы механизм китайско-германских двусторонних связей охватил практически все сферы, включая двустороннее торгово-экономическое, техническое и инвестиционное сотрудничество. Содержание культурного сотрудничества стало более богатым, китайско-германские отношения вступили в фазу развития высокого уровня. Китай готов и дальше укреплять взаимное доверие с Германией, выработать взаимопонимание, расширять пути двустороннего сотрудничества, поднять всестороннее стратегическое партнерство между Китаем и Германией на новый уровень¹².

Си Цзиньпин подчеркнул, что в настоящее время мироустройство находится на этапе революционных изменений, усиливаются нестабильность и неопределенность. «Перед лицом нестабильной обстановки мы должны использовать общее стремление народов двух стран к миру и развитию, идти путем взаимовыгодного сотрудничества»¹³, — заявил китайский лидер.

Накануне своего визита в Германию в 2017 г. для участия в саммите G20 Си Цзиньпин дал интервью немецкому изданию Die Welt и отметил, что «китайско-германские отношения уже стали классическим образцом сотрудничества между основными национальными экономиками в мировых масштабах»¹⁴.

В интервью немецкой радиостанции Deutsche Welle Си Цзиньпин заявил о готовности Китая укреплять китайско-германские отношения на самом высоком уровне и, помимо этого, интенсифицировать такие аспекты двустороннего сотрудничества, как инновации, Интернет, интеллектуальное производство, финансы, энергетика, охрана окружающей среды и экоразвитие.

Си Цзиньпин также написал в авторской статье для Die Welt, что «будучи второй и четвертой по величине экономиками мира, Китай и Германия также являются двумя важными гарантами стабильности в Европе и Азии. Укрепление китайско-германских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства отвечает коренным интересам

двух стран, способствует развитию отношений между Китаем и Европой, стабилизирует мировую обстановку»¹⁵.

Си Цзиньпин вспомнил о 45-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Германией, а также о том, что в целом двусторонние отношения развивались в положительной динамике. В 2016 г. объем двусторонней торговли достиг 170 млрд евро, Китай занял место главного торгового партнера ФРГ¹⁶. Культурно-гуманитарные связи между Китаем и Германией становятся все теснее. В Германии обучается более 40 тысяч китайских студентов и, в то же время, более 30 тысяч немецких специалистов работают в Китае, а 8 200 немецких студентов учатся в КНР¹⁷.

Предложения Си Цзиньпина о дальнейшем развитии китайско-германских отношений

Во время переговоров с канцлером Германии Ангелой Меркель в Берлине (5 июля 2017 г.) Си Цзиньпин внес четыре предложения по развитию китайско-германских отношений, которые заключаются в следующем.

1. Необходимо поддерживать тесные двусторонние отношения на высоком уровне, развивать механизмы диалога между странами, повышать политическое взаимодоведение. В полной мере учитывать важнейшие интересы друг друга, укреплять диалоги на основе взаимного уважения и равноправия, находить общие точки соприкосновения интересов, урегулировать разногласия. Укреплять сотрудничество в таких сферах, как борьба с терроризмом, подавление транснациональной преступности, отслеживание похищенных активов на международном уровне.

2. Стороны должны идти по пути открытости, инноваций и взаимного выигрыша, развивать стратегическое сотрудничество, совместно работать над расширением сфер общих интересов. Поддерживать совместно с Германией инициативу «Сделано в Китае — 2025» и сотрудничать по проекту «Индустрия 4,0». Стимулировать еще большее развитие делового сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», интенсифицировать обмен опытом в области реструктуризации старых промышленных баз, углублять сотрудничество в таких сферах, как наука и техника, освоение космического пространства, судоходство, изучение полярных регионов, Интернет, авиакосмическая промышленность, финансы и банки.

3. Стороны должны в полной мере использовать китайско-германский диалоговый механизм в области культурного сотрудничества на высоком уровне. Углублять сотрудничество в таких сферах, как образование, наука и техника, культура, молодежные обмены, политические партии, мозговые центры, средства массовой информации, стимулировать сотрудничество в сфере туризма и обмена персоналом. По словам Си Цзиньпина, нужно организовать разнообразные культурные мероприятия, приурочив их к 45-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Германией.

4. Необходимо интенсифицировать двустороннее сотрудничество на уровне Китай — Европа, а также взаимодействие и координацию в рамках таких международных организаций и структур, как ООН и «большая двадцатка», своевременно поддерживать связи по острым вопросам, затрагивающим международные отношения и региональную безопасность. Си Цзиньпин отметил, что «Китай и Германия должны сделать вклад в обеспечение стабильности во всем мире, способствовать нормальному развитию мировой экономики, содействовать строительству Сообщества единой судьбы человечества»¹⁸ (внешнеполитическая концепция Китая, предложенная Си Цзиньпином).

Си Цзиньпин подчеркнул, что «большая двадцатка» принадлежит не только странам-участницам, но всему миру. Необходимо сочетать экономический рост с глобальным развитием, реализовать благоприятное взаимодействие развития с пресуппозицией. Китай высоко ценит взаимопонимание с германской стороной, достигнутое в

рамках договоренностей на саммите в Ханчжоу, а именно — продолжать развивать повестку дня «устойчивого развития — 2030» и сотрудничество по ключевым пунктам саммита в Гамбурге.

Позиция Ангелы Меркель по четырем ключевым пунктам развития

Ангела Меркель положительно отреагировала на предложения Си Цзиньпина о развитии китайско-германских отношений. Меркель одобрила оценку, данную Председателем КНР китайско-германским отношениям в газете *Die Welt*, а также выразила свою поддержку по четырем пунктам развития китайско-германских связей. Канцлер Германии поддержала идеи о сотрудничестве двух стран в таких областях, как политика, экономика и культура, что принесет выгоду обеим сторонам, и вместе с тем будет обладать огромным скрытым потенциалом. Меркель подчеркнула, что германо-китайские отношения имеют хорошую тенденцию развития. Правительство Германии всецело поддерживает политику единого Китая, готово совместно с китайской стороной укреплять сотрудничество в области торговли и экономики, а также транспортно-коммуникационные связи в рамках стратегии «Один пояс, один путь», осуществлять тесное двустороннее сотрудничество в таких областях, как образование, культура, спорт (футбол), молодежь и дружба народов. При нынешней сложной и изменчивой международной обстановке Германия и Китай должны совместно работать над ростом мировой экономики, осуществлять тесное взаимодействие в рамках таких многосторонних механизмов, как ООН и «большая двадцатка», с тем чтобы скоординировать сотрудничество по развитию международных отношений и по острым международным и региональным вопросам, совместными усилиями отстаивать мир во всем мире, стабильность и процветание. Германия поддерживает переговоры по продвижению инвестиционных соглашений между Евросоюзом и Китаем и готова продолжать прилагать усилия по углублению сотрудничества между ЕС и КНР.

По итогам переговоров Ангелы Меркель и Си Цзиньпина (Берлин, 5 июля 2017 г.) был подписан ряд документов о двустороннем сотрудничестве в области космонавтики, интеллектуального производства, Интернета, цифровизации, а также совместных исследований в разведении большой панды. Китай передал Берлинскому зоопарку двух панд, в очередной раз продемонстрировав приемы «пандовой дипломатии». Китайцы с древних времен «преподносили панд, демонстрируя тем самым уважение, желание выстроить добрососедские отношения, а также выказать благодарность»¹⁹.

Кроме того, во время 9-го китайско-германского форума экономического и технологического сотрудничества (июль 2018 г.) Ангела Меркель вновь дала положительную оценку отношениям ЕС и Китая, в частности ФРГ и КНР. Экономика ЕС демонстрирует хорошую тенденцию роста, евро надежен. Китай внес большой вклад в укрепление экономики ЕС.

Меркель подчеркнула, что китайско-германские отношения характеризуются надежностью и выразила надежду на совместные действия Германии и Китая по борьбе с торговым протекционизмом.

ФРГ и КНР продолжили тесное сотрудничество в 2018 г.

В течение 2018 г. сблизить Германию и Китай вынудила политика президента США Трампа в отношении торгового протекционизма и санкции США. Обе страны укрепили сотрудничество во многих областях и могут считать себя довольно близкими друзьями. Однако по-прежнему существуют некоторые противоречия.

Можно отметить, что 2018 год прошел под знаком постоянных обменов официальными визитами между Германией и Китаем на высоком уровне. В конце мая канцлер Германии Ангела Меркель посетила КНР и встретилась с премьер-министром Ли Кэця-

ном и Председателем Си Цзиньпином. В конце октября министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен посетила Китай с целью развития военного сотрудничества между двумя странами. В середине ноября министр иностранных дел Германии Хайко Маас также нанес визит в КНР и неоднократно заявлял о своей готовности укреплять германо-китайские отношения. В начале декабря президент Штайнмайер нанес шестидневный визит в Китай, установив новый личный рекорд по количеству дней, проведенных в заграничной поездке, и продемонстрировав тем самым значимость Китая для Германии.

Хотя Председатель КНР Си Цзиньпин не посещал Германию в том году, немецкие СМИ высоко оценили визиты министра иностранных дел КНР Ван И и вице-премьера Лю Хэ. Китайская правительственная делегация во главе с Ли Кэцяном посетила Германию в начале июля и приняла участие в 5-м раунде межправительственных консультаций Китая и Германии, который стал главным событием. Стороны подписали 22 договора о сотрудничестве и протоколов о намерениях, направленных на расширение взаимодействия в областях науки и техники, цифровизации и финансовом секторе. На совместной пресс-конференции премьер-министр КНР и канцлер Германии также единодушно подчеркнули важность свободной торговли. Это было сделано в противовес торговому протекционизму Трампа.

Несмотря на то, что немецкая сторона неоднократно критиковала недостаточную защиту Китаем прав на интеллектуальную собственность, а также с осторожностью относилась к новому китайскому проекту «Один пояс, один путь», в настоящее время она принимает активное участие в развитии инициативы «Пояс и путь». Продолжался рост объемов немецко-китайского товарооборота. Немецкое производство завоевало крупный межотраслевой рынок в Китае, по-прежнему хорошо продавались немецкие автомобили. Однако стоит отметить, что в ноябре-декабре 2018 г. продажи автомобилей немного снизились.

По мере повышения уровня экономики и научно-технической сферы КНР, постоянно растет конкурентоспособность страны. Германия постепенно разглядела в Китае конкурента. Действия Пекина по оптимизации внутренних технологий и укреплению своих стратегических позиций путем покупки высококлассных или ключевых немецких компаний вызвали тревогу в Германии. В июле 2018 г. правительство Германии в очередной раз воспрепятствовало плану Государственной электросетевой корпорации Китая (State Grid Corporation of China) о приобретении немецкого сетевого оператора 50Hertz Transmission GmbH. В начале августа оно пресекло попытку China Yantai Taihai Group приобрести активы немецкого производителя техники Leifeld Metal Spinning AG. Германия также решила ужесточить закон о слияниях и поглощениях. В ответ на это Китай раскритиковал Германию за ее торговый протекционизм.

Что касается культурных обменов, то важным событием стало празднование 200-летия со дня рождения Маркса в мае 2018 г. Хотя бронзовая статуя Маркса, подаренная Китаем, вызвала споры, но его родной город Трир все же принял подарок. Кроме того, обе стороны также взаимно провели несколько выставок. Китайские туристы, путешествуя по Германии, не жалеют денег, что тоже способствует развитию немецкой экономики.

В вопросе о правах человека стороны по-прежнему сохраняют серьезные разногласия. Немецкие СМИ продолжают критиковать практику Китая по мониторингу общественности через Интернет и социальные сети, а также постоянно осуждают создание в КНР лагеря перевоспитания в Синьцзяне. Когда в ноябре 2018 г. министр иностранных дел Германии Маас посетил Китай, он сказал о невозможности признания лагерей перевоспитания. По приблизительным оценкам некоторых немецких СМИ, это высказывание могло омрачить отношения между ФРГ и КНР. Однако Китай никак не отреагировал на него.

Во время визита канцлера Меркель в Китай в мае 2018 г. проблема прав человека не затрагивалась. Однако Лю Ся — вдова китайского правозащитника Лю Сяобо, в течение восьми лет находившаяся под домашним арестом в КНР, приехала в Берлин на лечение 10 июля²⁰. Это считается большим успехом немецкой дипломатии. Несмотря на сложности в вопросе прав человека, Германия продолжает вести диалоги с Китаем по этой проблеме и способствовать улучшению ситуации с правами человека в КНР посредством разумной дипломатии.

Если президент США Дональд Трамп своей политикой будет продолжать дестабилизировать международную обстановку, то мировая нестабильность возрастет, а Китай и Германия, превратившись в экономический двигатель и опору Европы и Азии, продолжат сближаться, стремясь усилить свое влияние и найти большее пространство для развития.

* * *

Подводя итоги, отметим, что отношения Китая и Германии носят конструктивный и дружеский характер и постоянно направлены на укрепление стратегического диалога. Однако есть в китайско-германских отношениях и противоречия. В основном это касается вопросов соблюдения прав человека, а также Тибета и проблемы Тайваня. Есть разногласия по вопросам защиты окружающей среды. Китайский промышленный шпионаж вызывает сильную обеспокоенность немецких спецслужб. Имеются разногласия в отношении обстановки на «большом» Ближнем Востоке и конфликта между Северной и Южной Кореей.

Тем не менее Китай и Германия все же предпочитают разногласиям дружбу. Германия, в частности, поддерживает политику «единого Китая» и старается не вмешиваться в вопросы, касающиеся независимости Тибета. Страны сотрудничают в рамках инициативы «Один пояс, один путь», развивают двустороннее взаимодействие в области высоких технологий, углубляют сотрудничество в таких областях, как интеллектуальное производство, авиация, автомобили на новых источниках энергии, экологическое развитие и молодежная политика. На наш взгляд, самым важным является то, что обе страны поддерживают укрепление многополярной системы международных отношений и построение такого миропорядка, где все споры и конфликты решаются мирным путем.

1. EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation // European Union External Action, 23.11.2013. URL: <https://ceas.europa.eu/sites/ceas/files/20131123.pdf>.
2. Байчоров А.М. Политика Европейского союза в отношении КНР // Сборник материалов по итогам Международной конференции «Европейский союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества». Минск: Изд. центр БГУ, 2014. 415 с.
3. Gemeinsame Erklärung zum Besuch von Staatspräsident Xi: Schaffung einer umfassenden strategischen Partnerschaft zwischen Deutschland und China [Совместное заявление, приуроченное к визиту председателя Си: создание всеобъемлющего стратегического партнерства ФРГ и КНР] // Die Bundesregierung. — 28.03.2014. — URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-28-gemeinsame-erklaerung.html>.
4. Почаева Б.А. Проблема стратегии внешнеполитического сотрудничества ФРГ и КНР в условиях формирования нового мирового порядка // Власть. 2018. Т. 26. № 2. С. 113–117.
5. EU-China Human Rights Dialogue. URL: http://ceas.europa.eu/delegations/china/index_en.htm.
6. Граблин А.В. Сближение Германии и Китая: от партнерства до союза один шаг? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 12–16.
7. Schüller M., Schüler-Zhou Y. China als Advokat des Freihandels? [Китай как адвокат свободной торговли?] Aus Politik und Zeitgeschichte: Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament, 2018, 68(4–5), 26–32. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-55948-6>.

8. Китай покупает Германию. URL: <http://expert.ru/2016/12/27/kitaj-pokupaet-germaniyu/>
9. Xinhua shiping: zhongde wushi hezuo zai tianxin dongle. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-06/02/c_1121078616.htm.
10. Тимофеев О.А., Ронжина В.С. Сопряжение программ «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 338–351.
11. Речь идет о разногласиях по поводу признания за Китаем статуса страны с рыночной экономикой. В соответствии со ст. 15 «Протокола о вступлении Китая в ВТО» члены ВТО после 11 декабря 2016 г. должны прекратить использовать так называемые третьи («суррогатные») страны в антидемпинговых расследованиях в отношении Китая. Эти обязательства должны соблюдать все страны — члены ВТО. Вне зависимости от предоставления статуса страны с рыночной экономикой страны ЕС должны соблюдать правовые обязательства пункта 15 протокола ВТО. URL: <http://russian.cri.cn/841/2016/05/17/1s581501.htm>.
12. Xi Jinping tong deguo zongli Moke'er juxing huitan URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0705/c1001-29385486.html>.
13. Там же.
14. Xi Jinping: zhongde guanxi shi "quanqiu dianfan" URL: <http://www.dw.com/zh/a-39532143?&zhongwen=simp>.
15. Там же.
16. Иванова А.К. Германо-китайская хозяйственная кооперация: доверие или протекционизм// Германия. 2016. Сер. «Доклады Института Европы». М., 2017. С. 30–42.
17. Xi Jinping: zhongde guanxi shi "quanqiu dianfan" URL: <http://www.dw.com/zh/a-39532143?&zhongwen=simp>.
18. Xi Jinping tong deguo zongli Moke'er juxing huitan URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-07/05/c_1121270475.htm.
19. Галимзянова А.К. Бамбуковый медведь как символ «мягкой силы»// Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 4 (10). С. 152.
20. Liu Xiaobo yishuang Liu Xia dida Bolin URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-44776137>.

«Мягкая сила» Китая и страны БРИКС

© 2019

Э.Р. Ширгазина

Сотрудничество со странами, входящими в объединение БРИКС, является одним из ключевых направлений внешнеполитического курса КНР. Важность этого формата взаимодействия дополняется для Китая сохраняющимися вызовами эффективной совместной деятельности. Вместе с тем, в условиях нарастающей нестабильности в международных отношениях актуальность применения «мягких» инструментов будет усиливаться. В статье предпринимается анализ сути концепта «мягкой силы», его специфики для Пекина и спектра инструментов его применения КНР в странах — партнерах по объединению, а также их эффективность на данном этапе.

Ключевые слова: Китай, «мягкая сила», БРИКС, диаспора, «Один пояс, один путь».

DOI: 10.31857/S013128120008002-3

В современных условиях практически повсеместным стало применение отдельными государствами механизмов и инструментов «мягкой силы». Примечательно, что эффективно их используют, в первую очередь, мировые державы, стремящиеся упрочить свои позиции и продвигать ценности, идеалы, а, зачастую, свои национальные интересы как в отдельно взятых регионах, так и на глобальном уровне. Связано это не только с державными амбициями, но с объективно имеющимися у них возможностями: использование ресурсов «мягкой силы» подразумевает весьма существенные затраты на их реализацию, а также наличие в суммарном потенциале государств привлекательного элемента в культурном и ценностном аспектах. Вместе с тем, необходимо отметить, что подобные механизмы рассчитаны на долгосрочную перспективу и не всегда могут гарантировать успешное достижение всех целей, поставленных правительством той или иной страны.

Особенности «мягкосилового» воздействия Китая

Совокупности указанных условий сегодня соответствуют немногие страны, и одним из наиболее перспективных субъектов является Китайская Народная Республика. Несмотря на достаточно скептическое отношение некоторых специалистов в данной области к возможностям применения¹, а, следовательно, и к ее эффективности, представляется, что концепция «мягкой силы» в полной мере соответствует философской мысли Китая.

На протяжении истории Китая сформировался ряд идеологических течений, так или иначе подразумевавших применение мягких методов в политике и общественной жизни страны. Идея применения насильственных методов и образцов поведения для воспитания людей прослеживается еще в трудах мыслителей Древнего Китая, к примеру, в сборнике «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), содержавшем главные идеи конфуцианства. Так, в отношении управления государством излагается мысль о том, что правление

Ширгазина Эльза Рифовна, аспирант Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). E-mail: elvenclanor@mail.ru.

при помощи образца намного эффективней, нежели жесткая система законов и наказаний². В свою очередь в каноническом тексте «Дао дэ Цзин» идея о том, что «мягкое преодолевает твердое» и не подлежит сравнению в своей непобедимости³, во многом соответствует сути используемого сегодня понятия «мягкой силы». Интересно, что моизм, который оппонировал ряду положений конфуцианства, также указывает на необходимость применения во внутренней и внешней политике более гибких инструментов. Воинственная политика или военная агрессия не могут разрешить имеющиеся экономические и политические противоречия между государствами. Эффективным для процветания страны является руководство моральными принципами «всеобщей любви» и «взаимной выгоды» на основе «почитания единства»⁴. Подобный лейтмотив преобладает в стратегической культуре Китая, и можно признать очевидным тот факт, что китайская философская мысль в принципе предполагает большую гибкость, особенно если речь идет о каком-либо противостоянии.

Благоприятной почвой для развития «мягкой силы» Китая стала также концепция китаецентризма, которая получила развитие на основе конфуцианства. Срединное царство (Чжунго) распространяло свое влияние на периферийные для него «варварские» территории и народы, выступая в роли проводника культурных ценностей и достижений цивилизации. По этой причине границы китайского цивилизационного ареала определялись не в соответствии с этническим составом, а скорее по признаку культуры⁵. Подобная культурная близость стран Восточной Азии сохраняется и по сей день. Проявляется она в языковом, социально-бытовом, административно-правовом, религиозном аспектах, равно как и в традиционных видах искусства.

Доктринальное оформление применения «мягкой силы» в современном внешнеполитическом курсе произошло в ответ на идею «китайской угрозы» на основе разработанных в начале 2000-х годов концепций, включая идею «мирного возвышения Китая», теорию «гармоничного мира» и ряд других. Уже в 2007 г. в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, наряду с призывами строительства общества среднего достатка и решением насущных экономических и социальных проблем китайского общества, особое внимание уделялось культурному и идеологическому «строительству» с акцентом на повышение международного влияния китайской культуры при применении комплексного планирования⁶. То есть, подобная идеологическая работа изначально ориентировалась не только на внешнего потребителя, но и на граждан КНР, на поддержание репутации и высокой роли действующего правительства в условиях, когда мир вступал в период стремительного развития информационных технологий и социальных сетей, а, как следствие, возможности информационного воздействия на общество извне.

Со сменой руководства в 2012 г. курс на расширение присутствия в международном культурном и информационном пространстве был продолжен. В этой связи следует также отметить идею «китайской мечты», озвученную Председателем КНР Си Цзиньпином в ноябре 2012 г., сутью которой является «великое возрождение китайской нации» с продвижением национального духа, сплочением сил, развитием ценностей китайской цивилизации в политической, экономической, культурной и социальной жизни, а также в экологической составляющей⁷. В 2017 г. в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК идейно-нравственному и культурному «строительству» общества посвящен целый блок задач, которые поставлены перед партией и государственным аппаратом. Эти задачи, наряду с первоочередными, экономическими и социальными, с учетом внутрисоветской и международной обстановки должны не только сплотить китайское общество, но также способствовать более активному и открытому проявлению китайской идентичности в международных обменах. Отдельный акцент делается на работе с соотечественниками, проживающими за рубежом, с резидентами и членами их семей. Особое внимание уделяется дальнейшему повышению эффективности «мягкой силы», расширению влияния китайской культуры, наравне с наращиванием помощи развивающимся странам, в том числе и в рамках проекта «Один пояс, один путь»⁸.

Несмотря на значительные вложения в развитие и расширение программы «мягкой силы», международные рейтинги показывают достаточно скромные позиции Китая в перечнях держав, эффективно использующих ресурсы публичной дипломатии. Например, одним из таких рейтингов является индекс The Portland Soft Power 30, который проводит анализ тридцати успешных в использовании «мягких» ресурсов стран по ряду следующих показателей: культура, цифровая дипломатия и уровень ее совершенствования посредством социальных сетей, дипломатические ресурсы и вклад в общемировое развитие, интерес иностранцев к системе образования в стране, ее политические ценности и общественные институты, привлекательность экономической модели развития и ее конкурентоспособность. Согласно указанной системе, специалисты отдают Китаю лишь 27-е место по результатам 2018 г. (понижение с 25-го места по сравнению с 2017 г.)⁹. Согласно другому источнику ранжирования стран, эффективных в использовании инструментов «мягкой силы» — Future Brand Country Index, — в 2019 г. Китаю отводится 29-е место (примечательно, что его опережает специальный административный район Сянган (Гонконг), занявший 24-е место в списке)¹⁰. Хотя подобные системы оценки являются достаточно усредненными и практикуются в большинстве своем в странах Европы или в США (что может вызвать сомнения в объективности специалистов, проводящих исследования), подобный анализ представляет интерес с точки зрения разработки инструментария для исследований по ключевым сферам общественной жизни страны.

Что касается достаточно скромных показателей эффективности Китая в подобных исследованиях, во многих из них подчеркивается, что вероятной причиной тому может стать достаточно низкий уровень толерантности к либеральным ценностям, уровень политической свободы, некоторые выделяют также степень безопасности личности. Очевидно, указанные соображения справедливы, однако, помимо этого, представляется, что, китаецентричный взгляд на мир, который, по сути, является одним из основополагающих для концепции «мягкой силы» Пекина, одновременно служит своего рода препятствием. Во-первых, многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона в полной мере «прочувствовали» на себе влияние китайской цивилизации. Соответственно, малые страны опасаются включения в ось неких «провинциальных» приграничных территорий Китая. Как справедливо отметил А.В. Фененко, геополитический ограничитель «мягкой силы» будет толкать представителей национальных элит на поиск альтернативных вариантов влиянию подобного рода¹¹. Во-вторых, сегодня признанным лидером в данном направлении (США) значительные ресурсы направляются на поддержание статус-кво в третьих странах и идеологическое противостояние посредством использования «мягких» ресурсов.

Основные направления деятельности Китая в проведении политики «мягкой силы» в большинстве своем стандартны и включают в себя:

- продвижение китайской традиционной и современной культуры посредством популяризации языка, литературы, религиозно-философских учений и практик (фэншуй, цигун), традиционных видов боевых искусств (*кун-фу / гунфу, вин чунь / юн чунь*), поп-культуры, национальной кухни, проведения различных культурных фестивалей;
- налаживание тесных контактов, научных и образовательных программ с вузами третьих стран, создание «мозговых центров»;
- повышение престижа государственной власти посредством дипломатических ресурсов;
- активная работа с китайской диаспорой, проживающей в третьих странах;
- совершенствование технологического потенциала и распространение информационно-коммуникационных технологий под маркой «сделано в Китае»;
- расширение торгово-экономических связей, инвестиционных и инфраструктурных проектов с интересующими странами и регионами.

Рассматривая специфику применения китайской «мягкой силы», представляется актуальным изучение основных ее направлений и анализ эффективности в других стра-

нах-участниках объединения БРИКС, сотрудничество с которыми является одним из важнейших направлений внешней политики КНР.

Распространение «мягкой силы» Китая в странах БРИКС

Еще в 2012 г. Сюй Линь, руководитель Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом при правительстве КНР (сокр. Хашьбань), заявила, что в продвижении проекта институтов Конфуция страны БРИКС рассматриваются как приоритетные¹².

Пожалуй, наиболее успешным введение институтов Конфуция среди стран-участниц БРИКС можно признать в России: в стране насчитывается девятнадцать институтов и три класса Конфуция, организованных при высших учебных заведениях, школах Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Казани, Екатеринбурга, Иркутска, Новосибирска, Владивостока и ряда других городов. В Бразилии функционируют десять институтов и три класса Конфуция, организованных при ведущих университетах страны в городах Бразилла, Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Рио-де-Жанейро, Форталеза, Ресифи, Белен и Нитерой. Если говорить об Индии, то она достаточно сдержанно относится к настоящей инициативе. Здесь организовано четыре института при высших учебных заведениях и два класса в городах Пхавара, Сонипат, Калькутта, Ченнаи, Коимбатур, Мумбаи. Что касается Южно-Африканской Республики, то здесь открыто шесть институтов Конфуция при крупнейших университетах и три класса при школах, Китайском культурном и международном образовательном центре обменов в городах Претория, Кейптаун, Йоханнесбург, Стелленбос, Грейамстаун, Дурбан¹³. Основными направлениями работы этих структур являются обучение китайскому языку (путунхуа), подготовка и прием квалификационных экзаменов на знание китайского языка (HSK), проведение мероприятий по популяризации национальных символов, традиций и праздников, консультации по образовательным программам Китая, а также организация поездок и стажировок обучающихся. Развитие и расширение экономических, культурных, научных связей между странами, в том числе и в рамках БРИКС, объективно обуславливает популярность китайского языка в Бразилии, Индии, России и ЮАР.

В свою очередь практика вовлечения национальных университетов Китая и принимающей страны в учреждение и функционирование институтов и классов Конфуция способствует налаживанию более тесных контактов и открывает возможности для организации академического сотрудничества вузов и развития совместных образовательных программ.

Спецификой китайской «мягкой силы» является то, что в течение большей части XX века популяризация и продвижение таких достижений китайской цивилизации, как восточные единоборства, музыка, язык, национальная кухня и ряд других, осуществлялись не столько коммунистическим материковым Китаем, сколько Гонконгом, Макао и Тайванем при коммерческом участии третьих стран. Принимая во внимание данный факт, можно сказать, что совокупный потенциал китайской культуры достаточно велик, однако пока не может быть использован Китаем в полной мере ввиду сохраняющихся общественно-политических обстоятельств в указанных административных единицах КНР и сложившихся «идеологических» стереотипов у большей части мирового сообщества. Представляется, что отчасти именно в этом кроется двоякость индийского подхода к культуре Китая. Это объясняет, с одной стороны, осторожность в принятии любых инициатив, идущих из Китая, а с другой — популярность в Индии картин с участием актеров Брюса Ли, Джеки Чана и Джета Ли, а также иной кинопродукции последних лет¹⁴.

Сегодня в подавляющем большинстве случаев для распространения современной и популярной культуры в странах — партнерах по объединению БРИКС используются те же каналы: глобальная сеть Интернет и средства массовой информации. За последние десятилетия снизилась степень политизированности в литературе, кинематографе, музыке и иных проводниках культуры Китая. Их ориентация в первую очередь на коммерческий успех способствует большему распространению, в том числе и в странах-конкурентах.

Заинтересованность в культурных традициях, истории, философских и духовных практиках, как и интенсификация экономических связей, вполне закономерно активизирует туристическую отрасль, хотя в рассматриваемом случае и не кардинально. По результатам мягкого воздействия Китая, а также совместной работы стран БРИКС поток туристов с 2008 по 2017 г. рос достаточно скромными темпами. Самую большую активность проявили туристы из России, увеличив турпоток в Китай примерно в 3,2 раза, за ними следуют туристы из Индии — в 1,5 раза, а Бразилия и Южная Африка продемонстрировали паритетный рост количества граждан, въехавших в Китай, — в 1,4 раза¹⁵.

Интересным способом выражения расположения и намерений развивать двусторонние отношения для КНР является передача живых символов страны — панд. Из стран — партнеров по объединению БРИКС на сегодняшний день только Россия имеет такой опыт (начиная еще с 1957 г.). Хотя животные передаются лишь временно (сроком на 15 лет) и за арендную плату, тот факт, что они относятся к уязвимым видам живой природы и обитают лишь на небольшой территории Сычуаня и Тибета, всякий раз придает глубокий символизм жесту Пекина и рассматривается как один из инструментов «мягкой» дипломатии.

Возможности гуманитарного взаимодействия стран, которое ранее носило скорее спорадический характер, значительно расширились после 2015 г., когда (при председательстве России в объединении) значительно расширился круг вопросов для сотрудничества. Кроме того, вводятся такие новые форматы, как: Форум молодых лидеров стран БРИКС, Глобальный университетский саммит БРИКС (работа которого была направлена на расширение сотрудничества в области образования и науки). Сетевой университет БРИКС (образовательный проект, организовавший сеть высших учебных заведений стран БРИКС для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития академической мобильности), Форум молодых дипломатов стран БРИКС¹⁶.

Таким образом, большое внимание уделяется сближению молодежи, диалогу в молодежной среде, что может предопределить будущее объединения, а также пяти стран. Помимо этого, на регулярной основе стали проводиться встречи Гражданского форума, Совета экспертных центров БРИКС, Академического форума БРИКС, Бизнес-форума, Форума «Здравоохранение БРИКС» и целого ряда других форматов взаимодействия, включая даже кинофестиваль стран БРИКС, что, по сути, и представляет собой «мягкую силу» в действии.

В рамках общего курса на выстраивание более открытого общества система образования Китая также претерпела изменения. Согласно главе 16 Государственного плана реформ и развития системы образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2010–2020 гг.) (далее — План), государством всячески поддерживается активизация академических обменов студентами и преподавателями, разработка программ двойных дипломов и создание платформ образовательных и научных проектов. Особое внимание уделяется привлечению иностранных граждан из развивающихся стран и их обучению за счет средств бюджета Китая, обучению их на подготовительных курсах китайскому языку с одновременным ведением обучения на иностранных языках, а также сотрудничеству в сфере высоких технологий¹⁷. В частности, функционирует система стипендиальных программ для студентов, преподавателей и научных работников: двусторонние стипендиальные программы (в рамках соглашений между Китаем и третьими странами); стипендии Института Конфуция: стипендии, выделяемые в рамках квот для отдельных университетов; стипендии, ориентированные на страны отдельных регионов (ЕС, АТР, для стран, входящих в АСЕАН). При предоставлении стипендий большое внимание уделяется странам, входящим в инициативу «Один пояс, один путь». В целом, План нацелен на повышение конкурентоспособности системы образования страны и ее выпускников на международной арене. Для осуществления этой цели стали даже задумываться о создании зарубежных филиалов китайских университетов наряду с совершенствованием системы преподавания иностранных языков в вузах¹⁸.

Как подчеркнул Си Цзиньпин во время своего визита в Россию в июне 2019 г., «сотрудничество в сфере образования представляет собой один из главных каналов укрепления взаимопонимания и дружбы между народами»¹⁹. По официальным данным Министерства образования Китая, уже к концу 2017 г. Индия и Россия входили в десятку стран, из которых приезжает наибольшее количество людей для освоения разных ступеней высшего образования²⁰.

С оформлением курса на стратегическое партнерство России и Китая все большее число высших учебных заведений устанавливают и расширяют контакты с университетами и академиями КНР. Сегодня количество студентов двух стран по академическим обменам, обучающихся по долгосрочным и краткосрочным программам, достигло 85 тыс. человек (из которых 20 тысяч составляют российские граждане)²¹. Однако двусторонние контакты этим не ограничиваются. Помимо академических обменов у российских образовательных учреждений устанавливается сотрудничество с предприятиями, работающими в сферах электроники и информационных технологий²². В сентябре 2017 г. в г. Шэньчжэне начал работать первый совместный российско-китайский университет. Он создан в сотрудничестве МГУ им. М.В. Ломоносова с Пекинским политехническим университетом и Народным правительством Шэньчжэня. Назначенное на 2020–2021 гг. проведение перекрестных Годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества призвано продолжить и расширить взаимодействие в области современных технологий и инноваций.

Количество обучающихся из Индии в последние годы значительно возросло и составило 23 198 человек, подавляющее большинство из которых выбрало медицину²³. Несмотря на значительные культурные различия и имеющиеся вопросы к качеству образования, данные весьма внушительны благодаря относительно невысокой стоимости обучения.

Что касается обучающихся из Бразилии и ЮАР, то их количество в Китае на сегодня не столь велико (например, в 2018 г. лишь 32 гражданина ЮАР получили возможность обучаться за счет средств бюджета КНР²⁴). Между университетами осуществляются программы академических обменов и обучения по программам двойных дипломов.

Несомненно, достаточно сильный импульс для активизации механизмов публичной дипломатии КНР дали инициативы, предпринимаемые в рамках объединения БРИКС. С самого начала оно позиционировало себя как объединение для равноправного диалога развивающихся стран, стремящихся к укреплению своих позиций на международной арене путем реформирования международных финансово-экономической и торговой систем на основе соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права. При этом особо подчеркивалась приверженность стран взаимному уважению, их миролюбивость в целях формирования многополярного мирового порядка²⁵. Настоящие установки соответствуют стремлению Китая создать образ прогрессивного государства с ответственным отношением к проблемам международной политики, поддержанию мирного и конструктивного диалога, вносящего значительный вклад в мировое развитие. В этих целях площадка БРИКС служит дополнением к двусторонним встречам дипломатов и дает больше возможностей для взаимодействия и сближения позиций стран-партнеров. Это тем более важно для отношений Китая и Индии, имеющих, с одной стороны, конкурентный характер, а с другой — достаточно сложный опыт взаимоотношений прошлых десятилетий. Очевидно, что отчасти благодаря необходимости взаимодействия в рамках БРИКС (что отвечает национальным интересам обеих стран) и созданным в этих рамках дополнительным каналам для диалога стало возможным проведение неформального саммита Председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Индии Нарендры Моди в апреле 2018 г. в г. Ухань (Китай). Встреча лидеров двух стран обозначила существенную разрядку в отношениях Китая и Индии, накопившихся после противостояния на плато Доклам и политического кризиса на Мальдивах.

Представляется, что само объединение БРИКС стало перспективной площадкой для расширения возможностей взаимного проникновения «мягких сил» стран-уча-

стищ, а также служит подобным инструментом для них на международной арене, так как является важным дополнением их образа. Встречи лидеров стран БРИКС в рамках проведения иных саммитов и заседаний международных институтов неизменно привлекают внимание СМИ и сообществ этих стран. Они воспринимаются как диалог стран, которые не согласны с существующей системой мировой экономики, что дает возможность обсудить и согласовать позиции по интересующим стороны вопросам и темам, внесенным в общую повестку дня²⁶.

Большая взвешенность внешнеполитических действий руководства Китая в двусторонних отношениях, а также в процессе принятия решений в рамках таких международных институтов, как Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, и неформальных объединений («Большая двадцатка» (G20), БРИКС) способствуют формированию достаточно благоприятного образа государства, уверенно отстаивающего свою позицию. Китай и Россия, как неоднократно подчеркивалось в итоговых декларациях саммитов БРИКС, поддерживают стремление Бразилии, Индии и ЮАР укрепить свои позиции в ООН, а именно в Совете Безопасности Организации. Подобные заявления призваны продемонстрировать не только стремление к многополярности, но значимость для них партнеров по объединению. Более активное участие в глобальных инициативах по поддержанию мира, экологического благополучия, целей и задач устойчивого развития, борьбе с терроризмом и наркотрафиком, коррупцией, противостоянию киберугрозам поддерживает образ ответственного актора.

Другим значительным источником «мягкого» присутствия КНР является китайская диаспора, которая традиционно многочисленна и занимает достаточно высокое положение в странах Юго-Восточной Азии (в первую очередь в Таиланде, Сингапуре и Малайзии), так как по большей части контролирует здесь финансовые потоки. Однако иначе обстоят дела в странах-партнерах Китая по объединению БРИКС. Общеизвестны тесные связи между китайскими эмигрантами внутри диаспоры страны пребывания, а также с исторической родиной, что потенциально представляет собой значительный ресурс «мягкой силы». Помимо непосредственной работы с диаспорами в принимающих странах через посольства и генеральные консульства в мире действует как минимум 91 представительство Всемирной конференции китайцев проживающих за рубежом по содействию мирному воссоединению Китая (Overseas Chinese World Conference for Promoting Peaceful Reunification of China)²⁷ (далее — Конференция). Имеются они в Бразилии, России и ЮАР, однако их нет в Индии²⁸. Ежегодные встречи собирают представителей из всех отделений Конференции. Кроме того, функционирует Китайская народная ассоциация дружбы с зарубежными странами (The Chinese People's Association for Friendship with Foreign Countries), а также проводятся Конференции дружбы зарубежных ассоциаций китайцев²⁹. Все структуры аффилированы с государственной властью и их деятельность финансируется из средств бюджета КНР.

Исторически отношение к китайским переселенцам в Бразилии не всегда было однозначным: были и противники, которые опасались монополизации бизнеса сохраняющими свою этнокультурную обособленность китайцами, были и «сторонники», указывавшие на положительные моменты китайской трудовой миграции — трудолюбие, невзыскательность к условиям труда и оплаты³⁰. Однако, несмотря на подобные сомнения, в целом, отношение к китайской диаспоре здесь положительное. Так, с 2018 г. в Бразилии на официальном уровне был введен День китайской иммиграции с целью дальнейшего распространения китайской культуры³¹. Датой было выбрано 15 августа — день, когда в страну для работы на чайных плантациях прибыли первые в XIX веке иммигранты из Китая, а также день, когда были установлены дипломатические связи между двумя странами (1974 г.). Сегодня, по разным оценкам, здесь проживает около 300 тыс. выходцев из материкового Китая, Гонконга, Макао, Тайваня, из которых приблизительно 200 тыс. человек обосновались в городе Сан-Паулу. Такое значительное представительство

во позволяет диаспоре консолидироваться и проводить общественные мероприятия, посвященные своим культуре и традициям, а также дает возможность осуществлять благотворительную и добровольческую деятельность.

Китайская иммиграция в Россию имеет достаточно непростую историю, прежде всего это связано с развитием отношений двух стран. Периоды приема беженцев из-за лихорадивших Китай социальных и политических потрясений, а также активизации контактов, сопровождавшаяся привлечением трудовых мигрантов для развития инфраструктурных проектов и промышленности, сменялись депортацией и закрытием границ. После ухудшения советско-китайских отношений в конце 1950-х годов восстановление контактов и, как следствие, движения через границу произошли лишь в 1980-х годах. Если говорить о численности диаспоры КНР в России, то сегодня официального источника подобных данных в РФ не имеется, а данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о примерном паритете въезда и выезда граждан КНР (8237 и 7600 человек в 2017 г. соответственно)³². Общее число постоянно проживающих на территории РФ (преимущественно в Москве и в Дальневосточном регионе) оценивается от 300 до 500 тыс. человек³³. Однако и в этом случае большая часть из них приезжает в рамках трудовой миграции, то есть на определенные периоды. Основными сферами трудовой занятости и сегодня остаются торговля, строительство, сельское и лесное хозяйство, обрабатывающие производства³⁴. Как отметил А.Г. Ларин в своем труде «Китайские мигранты в России. История и современность», китайских мигрантов нельзя назвать диаспорой в полном смысле этого понятия, однако данной общности присуща такая важная черта, как наличие организационных форм работы сообществ (землячества, общественные организации, такие, как Союз китайских предпринимателей, Московская ассоциация китайских мигрантов, Ассоциация молодежи китайской диаспоры в России и ряд других, наличие периодических изданий)³⁵.

Хотя двусторонние контакты Китая и Индии уходят корнями вглубь веков, лишь в XVIII веке первые исторические источники фиксируют прибытие переселенцев из империи Великая Цин. Большая часть из них прибывала в страну через процветавшие в те времена порты Калькутта (ныне — Колката) и Бомбей (современный Мумбаи). После войны 1962 года и в последние годы в поисках условий для лучшей жизни наблюдался отток китайского населения, возвращавшегося на историческую родину, либо уезжавшего в США, Канаду, Австралию и другие развитые страны. Сегодня китайская диаспора оценивается здесь приблизительно в 6 тыс. человек, большее число из которых проживает в Колкате³⁶. Однако нельзя сказать, что положение их столь же выгодно, как в странах Юго-Восточной Азии. Значительную часть из них составляют работники, приезжающие сроком на 2–3 года в рамках трудовой миграции для выполнения работ в китайских компаниях, ведущих бизнес в Индии, после чего они вынуждены выезжать для соблюдения требований визового режима. Отмечаются и проблемы с приобретением гражданства у имеющих китайские корни жителей, рожденных до 1950 года³⁷.

В Южно-Африканской Республике сегодня представлена самая большая китайская диаспора на африканском континенте — по разным оценкам от 350 до 500 тыс. человек³⁸. Она достаточно неоднородна: потомки первых переселенцев, предки которых принимали участие в кампании «ненасильственного сопротивления», развернутой в начале XX века М. Ганди; тайваньцы, в период апартеида относившиеся к «почетной белой» категории населения; переселенцы из материкового Китая, переехавшие в 2000-х годах. Они населяют главным образом такие крупные города, как Йоханнесбург, Претория и Дурбан, однако их положение достаточно шатко. С одной стороны, помимо того, что государство значительно пострадало от проводившейся с 1948 г. до начала 1990-х годов политики апартеида, здесь исторически сложились очень сложные отношения и между различными этническими группами, населяющими страну. С другой стороны — местное население, большая часть которого живет за чертой бедности, очень болезненно воспринимает засилье товаров китайского производства, сопряжение экономик Китая и ЮАР, бизнеса. Снижающиеся тем-

пы роста экономики, ухудшающиеся условия жизни населения вызывают в обществе раздражение, которое направляется на иностранцев и «белое» население. Подливает масла в огонь и признание Верховным судом ЮАР отдельных категорий китайцев «черным» населением (родившиеся или получившие гражданство ЮАР до 1994 года)³⁹, а следовательно, подвергавшимся дискриминации в годы апартеида и имеющим право на включение в политику расширения экономических возможностей чернокожих.

Сегодня китайская диаспора остается одной из самых крупных в мире (по количеству эмигрантов ее обгоняют только Индия, Мексика и Россия)⁴⁰. Хотя она не так широко представлена в странах — партнерах по БРИКС, но вполне может помочь в постепенном установлении более дружественных горизонтальных связей между обществами, а активное социально ответственное поведение позволит скорректировать образ Китая в положительную сторону.

Одной из областей, определяющих экономический успех, благоприятный имидж государства и, в перспективе, отвечающих интересам национальной безопасности, является развитие его технологического потенциала. Сегодня Пекин делает все, чтобы отойти от сборки низкотехнологичной продукции и стремится если не вырваться на первое место, то попасть в число лидеров в разработке и использовании новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Все большее распространение получают китайские бренды в сфере телекоммуникаций «Huawei», «Xiaomi», «ZTE» и компания «Alibaba». Хотя остается множество вопросов по качеству производимой здесь высокотехнологичной продукции, в отрасль вкладываются значительные ресурсы и на нее возлагаются большие надежды. Технологические разработки в перспективе могут быть применены для совершенствования и создания новых видов военной техники, для контроля киберпространства всего мира. В рамках БРИКС сотрудничеству в информационно-коммуникационных технологиях уделяется большое внимание. Так, начиная с 2015 г. проводятся ежегодные встречи Рабочей группы БРИКС по вопросам сотрудничества в сфере ИКТ. В план работы стран включены: формирование программы национального развития с учетом возможностей ИКТ; взаимодействие отраслевых информационно-телекоммуникационных компаний на всех уровнях; исследования и разработки, а также инновационное развитие в сфере ИКТ; расширение и укрепление потенциала цифровой экономики; развитие электронного правительства, включая государственные мобильные приложения; международное сотрудничество и координация совместной деятельности⁴¹. Введение и использование цифровых технологий рассматриваются как одно из важнейших условий обеспечения стабильности стран БРИКС, экономического роста и обеспечения их национальной безопасности.

Вместе с тем, важно понимать, что Китай объективно заинтересован в распространении на мировом рынке своих технологий. Это, с одной стороны, служит ответом на вызовы национальной безопасности в киберпространстве, а с другой — отвечает интересам страны в поддержании экономического роста и распространении влияния в масштабах всего мира, что отчасти и явилось причиной развернувшейся между ним и США торговой войны.

Помимо работы в многостороннем формате проводятся и двусторонние контакты научного сообщества по интересным для стран вопросам. Например, в июне 2019 г. по итогам встречи на Третьем китайско-бразильском диалоге высокого уровня по науке, технологиям и инновациям стороны рассмотрели очень широкий круг вопросов для совместной работы. В повестку дня вошли вопросы о сотрудничестве в области биотехнологий, нанотехнологий, «умного города», возобновляемых источников энергии, искусственного интеллекта, «больших данных» и технологий их обработки и использования, космической науки и техники, сельскохозяйственной науки и техники, твердотельного освещения, изменения климата, ИКТ и электромобилей⁴². Однако нынешнему руководству Бразилии с проамериканским креном еще предстоит определиться, последует ли страна примеру США и ограничит роль компании «Huawei» в развертывании мобильной

сети следующего поколения 5G или будет исходить из своей экономической выгоды. В то время как правительство ЮАР, судя по всему, уже определилось в пользу приглашения китайского технологического гиганта на свой рынок⁴³. В России пилотные запуски сетей 5G запланированы уже в 2019–2020 гг.⁴⁴. Кроме прочих проектов следует обратить внимание на российско-китайское сотрудничество в части использования глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и «Бэйдоу», что в целом отвечает интересам стратегической безопасности обеих стран. Гораздо сдержанней к использованию китайских технологий из соображений национальной безопасности и сложившейся конкуренции в IT-области относится Индия, исключившая телекоммуникационные компании «Huawei» и «ZTE» из испытаний технологий 5G в стране⁴⁵.

В разворачивающейся борьбе за лидерство в киберпространстве и телекоммуникациях за звание «технологической сверхдержавы» рынки Бразилии, России, Индии и ЮАР становятся для Пекина одними из самых емких и перспективных, а сотрудничество в формате БРИКС — еще одной площадкой для продвижения китайских технологий.

Если говорить об экономическом базисе межгосударственных отношений, то ситуация достаточно красноречива: Пекин уже сегодня входит в число крупнейших торговых партнеров для четырех государств и лидеров в прямых инвестициях в Бразилии и ЮАР. В большинстве случаев его политика «мягкой силы» явно идет в тесной привязке к инвестиционным и инфраструктурным проектам. На сегодняшний день Китай, несомненно, обладает значимыми финансовыми ресурсами для использования их как рычагов влияния и достижения своих целей в рамках объединения БРИКС. Хотя и ограниченный равными долями участия всех пяти стран, одним из таких инструментов служит Новый банк развития БРИКС, соглашение о создании которого было подписано на саммите в г. Форталеза (Бразилия) в 2014 г. Основными направлениями для финансирования являются строительство объектов транспортной, городской и сельской инфраструктур, программы развития энергоснабжения (в первую очередь — возобновляемых источников энергии) в странах-участниках объединения⁴⁶.

Одним из крупнейших событий в мировой политике стала инициатива Китая «Один пояс, один путь». Она включает в себя развитие имеющихся и строительство новых железнодорожных путей и автомагистралей по нескольким коридорам, в которые будут включены страны Центральной Азии, Персидского залива, Средиземноморья, Россия и Европа (проект «Экономический пояс Шелкового пути»), а также модернизацию и строительство морских портов в направлении через Южно-Китайское море, Индийский океан, Красное море до Европы и ответвление через Южно-Китайское море к югу Тихого океана (проект «Морского Шелкового пути XXI века»)⁴⁷. Инициатива при успешном ее воплощении позволит реализовать целый ряд геополитических и экономических целей КНР. В рамках данной инициативы Москва и Претория подписали с Пекином соглашения о сотрудничестве, причем в случае России речь идет о сопряжении проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с Евразийским экономическим союзом. Выделение средств на поддержку проектов ведется через Фонд Шелкового пути (полностью финансируемый Пекином). Так, например, были приобретены 10% акций ОАО «Ямал СПГ» (2015 г.) и ПАО «Сибур Холдингс» (2017 г.).

В числе финансовых инструментов инициативы также можно назвать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который был основан по предложению Китая в 2014 г. Исходя из общей суммы взноса, здесь за Пекином сохраняется подавляющее большинство голосов — около 27% (не считая САР Гонконг). Хотя Россия и Индия также являются крупнейшими акционерами банка, они имеют лишь около 6% и 8% соответственно⁴⁸.

Несмотря на достаточно резкое неприятие Индией инициативы «Один пояс, один путь» ввиду ряда геополитических противоречий между странами, в данном случае соображения рационального плана, очевидно, преобладают. К примеру, для Индии с 2017 г. одобрено финансирование 10 проектов в части развития инфраструктур водоснабжения, строительства автомобильных дорог в сельской местности, развития метро-

политена (г. Бангалор), энергоснабжения южного региона страны, внедрения проекта по использованию возобновляемых источников энергии, а также финансирование внутригосударственных фондов инвестирования в инфраструктурные проекты⁴⁹.

При рассмотрении межгосударственных связей на долгосрочную перспективу объективным свидетельством взаимной заинтересованности, что может помочь спрогнозировать возможные варианты внешнеполитических решений, следует рассматривать уровень сопряженности экономик стран. С этой точки зрения экономические связи государств, с одной стороны, служат основой для последующего применения инструментов «мягкой силы», а с другой — могут быть включены в широкий спектр ее источников.

Безусловно, экономические успехи Китая во многом обусловили рост интереса к стране, а также возможности применения дополнительных ресурсов для укрепления престижа государства и расширения его влияния. В условиях ужесточения конкуренции на мировой арене применение «мягких» инструментов будет приобретать для Китая все большее значение. В целом характерной чертой распространения китайской «мягкой силы» является тесная сопряженность проводимых мероприятий с совместными экономическими или инфраструктурными проектами. Более того, значительно больше внимания уделяется странам в пространстве инициативы «Один пояс, один путь».

Сегодня у Китая нет как таковой целенаправленной стратегии по «мягкому» влиянию на страны-партнеры по объединению БРИКС: воздействие происходит, прежде всего, в рамках сложившихся двусторонних связей. Кроме того, значительным катализатором служит, конечно, сам формат сотрудничества БРИКС. Следуя принятым на высоком уровне инициативам, многовекторное взаимодействие представителей государственных структур дополняется активизировавшимися научными, культурными и общественными контактами, а также связями представителей бизнес-сообществ стран-участниц. Однако существует целый ряд объективных препятствий для его эффективности, которые заключаются в исторической памяти, геополитических условиях расположения страны, недостаточной активности в научном, образовательном и культурном взаимодействии, внутривнутриполитической ситуации и воздействии третьих стран.

Пожалуй наибольшего успеха в применении «мягкосилового» воздействия Пекин достиг в отношении России, наименьшего — в отношении Индии (ввиду геополитического и исторического факторов). При этом нельзя сказать, что в цивилизационном плане Россия и Китай близки друг другу, несмотря на их географическое расположение. Однако стратегические интересы обеих стран на международной арене сегодня до определенного момента во многом совпадают: ограничение произвола со стороны оппонирующих им государств и, в первую очередь, США; обеспечение стабильного экономического роста; укрепление позиций мировых держав при серьезных вызовах внешней среды. Исторически культурные связи китайской и индийской цивилизаций были намного интенсивней подобных контактов Китая с Бразилией, Россией или ЮАР. Однако, ввиду сохраняющихся сегодня политических противоречий и объективной конкуренции двух стран, эффект культурно-цивилизационного воздействия КНР не столь интенсивен. Хотя с ростом экономики Китая наметилась тенденция усиления интереса к изучению языка и установлению более тесных контактов для развития бизнеса, все же политические соображения безопасности и конкуренции преобладают, и массового характера данная тенденция не приобретает.

Отношение к Китаю в Бразилии и ЮАР сегодня остается достаточно неоднозначным. В первом случае — по причине смены в 2018 г. политического руководства, которое, с одной стороны, ориентируется на сближение внешнеполитического курса с США, затеявшими торговую войну с Пекином, а с другой — явно осознает реальное положение дел в экономических связях (зависимость экономики Бразилии от спроса и инвестиций Китая) и нацелено на расширение сотрудничества с КНР, равно как и на продолжение диалога, в том числе, на достаточно представительном экспертном уровне. Во втором случае сказывается сложность внутривнутриполитической ситуации, ослож-

ненной крайней степенью неблагоприятия местного населения. Хотя власти страны приветствуют приход китайского капитала (объемы которого в последние годы сокращаются), однако решить многочисленные проблемы общества он не в состоянии.

1. Nye J.S. What are the limits of China's soft power? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/07/what-are-the-limits-of-chinas-soft-power/>
2. Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй» / Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Восточная литература, 1998. С. 306, 385.
3. Дао дэ Цзин. Книга пути и благодати / [пер. с кит. Ян Хин Шун]. М.: Эксмо, 2015. С. 47.
4. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 90–99.
5. Tackett N. The Origins of the Chinese Nation Song China and the Forging of an East Asian World Order. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
6. Ху Цзиньтао. Доклад на XVII съезде Коммунистической партии Китая (полный текст). URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.
7. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%A2%A6/60483?fr=aladdin>.
8. Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
9. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>.
10. FutureBrand Country Index 2019. IP FutureBrand, 2019. P. 19.
11. Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/>.
12. Ananth Krishnan. China to train 300 Indian teachers in Mandarin. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/china-to-train-300-indian-teachers-in-mandarin/article3817554.ece>.
13. About Confucius Institute/Classroom. Confucius Institute Headquarters (Hanban) official website. URL: http://english.hanban.org/node_10971.htm.
14. Encyclopedia of India-China Cultural Contacts. Vol. II: The Public Diplomacy Division / Ministry of External Affairs, Government of India. 2014. P. 712–713.
15. Foreign tourist arrivals by top 15 countries or territories — China // BRICS Joint Statistical Publication 2018 / Statistics South Africa. Pretoria: Statistics South Africa, 2018. P. 261–262.
16. Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 годах. URL: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html#7.
17. Outline of China's National Plan for Medium and Long-term Education Reform and Development (2010–2020). Beijing, July 2010. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/planipolis/files/resources/china_national_long_term_educational_reform_development_2010-2020_eng.pdf.
18. China to enhance international cooperation in education. URL: http://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2019/02/23/content_281476534549704.htm.
19. Россия и Китай планируют нарастить число студентов по обмену. URL: <https://ria.ru/20190606/1555346089.html>.
20. Growing number of foreign students choosing to study in China for a degree across multiple disciplines. URL: http://en.moe.gov.cn/News/Top_News/201804/t20180403_332258.html.
21. Gu Liping. Russian official: Exchange students between China and Russia reach 85,000. URL: <http://www.ecns.cn/news/politics/2019-06-05/detail-ifziyurny2109006.shtml>.
22. Китай и Россия углубляют сотрудничество в сфере образования и инноваций. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0731/c31517-9602081.html>.
23. Indian students' arrests puts focus on underbelly of China medical colleges. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/concerns-of-drug-abuse-lack-of-information-hamper-indian-medical-students-in-china/story-1KmZNoQH14Wg5kbP.html>.
24. 32 South African students to pursue studies in China on Chinese gov't scholarships. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/17/c_137398410.htm.
25. Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 года). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/209>.

26. PM Modi discusses terrorism threat at informal BRICS meet on G20 Summit sidelines.
URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/narendra-modi-brics-meeting-at-g20-summit-osaka-1557674-2019-06-28>.
27. В некоторых источниках обозначается как «Совет по содействию мирному воссоединению Китая» («The Council for the Promotion of the Peaceful Reunification of China»).
28. *Dotson John*. The United Front Work Department Goes Global: The Worldwide Expansion of the Council for the Promotion of the Peaceful Reunification of China. URL: <https://jamestown.org/program/the-united-front-work-dpartment-goes-global-the-worldwide-expansion-of-the-council-for-the-promotion-of-the-peaceful-reunification-of-china/>.
29. *Chén Ziyān*. Xi extends greetings to overseas Chinese. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201905/29/WS5cedbe6aa3104842260be578.html>.
30. *Lesser J*. Neither Slave nor Free, Neither Black nor White: The Chinese in Early Nineteenth Century Brazil. URL: <http://eial.tau.ac.il/index.php/eial/article/view/1213/1241>.
31. Brazil sets National Chinese Immigration Day. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/28/WS5b3455eaa3103349141df7ce.html>.
32. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году».
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.
33. *Tselichtchev Ivan*. Chinese in the Russian Far East: a geopolitical time bomb?
URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2100228/chinese-russian-far-east-geopolitical-time-bomb>.
34. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 154.
35. Там же. С. 157.
36. *Deepu Sebastian Edmond*. India election: how will the Chinese community factor play out in Kolkata? URL: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/3010800/india-election-how-will-chinese-community-factor-play-out>.
37. Там же.
38. *Park Yoon Jung*. Living In Between: The Chinese in South Africa.
URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/living-between-chinese-south-africa>.
39. *Oneale Laura*. South Africa Chinese Citizens Reclassified as Blacks. URL: <https://guardianlv.com/2014/04/south-africa-chinese-citizens-reclassified-as-blacks/>.
40. Total number of emigrants (Source: UN DESA). URL: https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_origin&t=2017.
41. Принят план совместных действий стран БРИКС в области ИКТ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/36049/>.
42. The 3rd China-Brazil High-level Dialogue on Science, Technology and Innovation Held in Brasilia. URL: http://www.most.gov.cn/eng/pressroom/201907/t20190723_147874.htm.
43. Cyril Ramaphosa backs Huawei amid US-China trade tussle. URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2019-07-05-cyril-ramaphosa-backs-huawei-amid-us-china-trade-tussle/>.
44. Китай ускоряет развертывание сетей 5G. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/06/803604-kitai-uskoryaet-5g>.
45. China asks India to provide 'level playing field' for its firms in 5G trials.
URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/65871437.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst.
46. New Development Bank. List of All Projects. URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/>.
47. Стратегия экономического развития «Один пояс — один путь». URL: <https://ria.ru/20170514/1494097368.html>.
48. Asian Infrastructure Investment Bank. Members and Prospective Members of the Bank.
URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html>.
49. Asian Infrastructure Investment Bank. Approved Projects. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/index.html>.

16 72

КНР — РФ: возможности совместного освоения Северного морского пути

13

© 2019

Ван Хуань

Регион Арктики — одно из приоритетных направлений стратегического сотрудничества КНР и РФ. Инициатива совместного освоения Северного морского пути является составной частью взаимодействия двух стран в реализации инициативы «Один пояс, один путь». В статье предпринята попытка анализа возможностей КНР и РФ в этой области. Автор приходит к выводу, что указанная инициатива является не только программой взаимовыгодного сотрудничества, но предоставляет уникальные возможности, дает еще больший стимул экономическому и региональному развитию обеих стран. Трудности и вызовы, возникающие в процессе совместного освоения Северного морского пути, легко решаемы за счет преимуществ взаимодополняемости и взаимных консультаций. Северный морской путь безусловно станет стимулятором дальнейшего сотрудничества и развития Китая и России.

Ключевые слова: КНР, РФ, Северный морской путь, Арктика, «Ледяной шелковый путь», «Один пояс, один путь».

DOI: 10.31857/S013128120007989-8

В январе 2018 г. Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало Белую книгу «Арктическая политика Китая». В ней говорится о готовности КНР использовать Северный морской путь для построения совместно с заинтересованными сторонами «Ледяного шелкового пути». «Ледяной шелковый путь», о котором говорится в Белой книге, является морским судоходным путем, пересекающим арктический круг и соединяющим три экономических центра мира: Северную Америку, Восточную Азию и Западную Европу. Участие России в данной инициативе подразумевает совместное освоение Северного морского пути.

Глобальное потепление сделало Северный морской путь важной транспортной магистралью международной торговли. Российский сегмент Северного морского пути проходит через Баренцево и Карское моря, море Лаптевых, Восточно-Сибирское море и Берингов пролив и является самой важной составной частью «Ледяного шелкового пути». Северный морской путь — самый короткий морской маршрут, соединяющий Северо-Восточную Азию и Западную Европу. Поэтому он, вполне естественно, является приоритетным направлением в совместном строительстве Китаем и Россией «Ледяного шелкового пути». На втором форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» в апреле 2019 г. Президент РФ В. Путин отметил, что Россия рассматривает возможность состыковки Северного морского пути и китайского Морского Шелкового пути

Ван Хуань, аспирант Хэйлуунцзянского университета, старший преподаватель Харбинского научно-технического университета (КНР). E-mail: 406739422@qq.com.

Исследование выполнено на базе научных грантов провинции Хэйлуунцзян (проекты № 18GJC213 и № WY2019092-C).

XXI века в целях создания глобального конкурентоспособного маршрута, связывающего Азию с Европой. Это подчеркивает необходимость и актуальность инициативы совместного освоения Северного морского пути в рамках программы взаимовыгодного сотрудничества в ходе продвижения инициативы «Один пояс, один путь» и совместной работы в Арктике. Данная инициатива соответствует характеру китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, отвечает целям мира и развития в современную эпоху.

С постоянным изменением в последние годы природной и геополитической среды Арктики арктическая проблема становится одной из основных проблем современной международной жизни, а вопрос Северного морского пути привлекает все большее мировое внимание. На международном форуме «Один пояс, один путь», состоявшемся в Пекине в мае 2017 г., Россия пригласила Китай для совместного освоения Северного морского пути и выразила желание соединения этой инициативы с инициативой «Один пояс, один путь».

4 июля 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин совершил государственный визит в Россию, во время которого отметил, что Китай приветствует данную инициативу и готов принять активное участие в создании международного транспортного коридора Приморья. Он также выразил надежду, что обе стороны смогут совместно осваивать и использовать морские коридоры. Это стало четким ответом на предложения о совместном освоении Северного морского пути Китаем и Россией, данном на самом высоком уровне. Во время 22-й очередной встречи глав правительств Китая и России (31 октября — 2 ноября того же года), лидеры обеих стран вновь обменялись мнениями по этому вопросу, поддержав совместное освоение и использование Северного морского пути, и пожелали ускорить работу по строительству «Ледяного шелкового пути». Россия, доминирующая в его освоении, станет главным партнером Китая в этом совместном проекте.

При совместном освоении Китаем и Россией Северный морской путь будет иметь уникальные преимущества и огромный потенциал развития. Ведя международную торговлю с европейскими странами по традиционным морским маршрутам, китайские суда должны проходить через Малаккский пролив, Индийский океан и Суэцкий канал, чтобы добраться до европейских портов. В настоящее время по этим маршрутам в Европу нужно проходить через территории Юго-Восточной, Южной и Западной Азии, а также Северной Африки. В этих регионах этнические, религиозные и культурные проблемы чрезвычайно сложны, достаточно часты случаи пиратства, терроризма, происходят экстраординарные события. Эти факторы нестабильности серьезно угрожают безопасности судоходства. По сравнению с традиционным судоходным маршрутом Северный морской путь имеет очевидные преимущества. Расстояние по нему от Шанхая до портов Западной Европы, Северного и Балтийского морей короче на 25–55%. Экономия в случае морских перевозок по нему достигает 53–127 млрд долл. в год. Регионы, расположенные вдоль Северного морского пути, более спокойные. Суда в основном проходят вдоль севера России, и, соответственно, снижаются риски. В то же время особые географические условия Арктики в определенной степени защищают судоходство от ряда опасных факторов, повышая тем самым его безопасность.

Китай и Россия уже добились определенных успехов в развитии арктического сотрудничества, например, в области энергоосвоения Арктики. Проект «Ямал СПГ» является прекрасным примером, который открывает новую главу российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики. Накопленный опыт закладывает благоприятную основу для сотрудничества обеих стран в Арктике и в других областях. В совместном освоении Северного морского пути Китай и Россия исходят из того, что у них имеются общие интересы и действует фактор взаимодополняемости. В последние годы экономика России находится в состоянии внутренней депрессии. К тому же Россия подвергается экономическим санкциям со стороны западных стран, что негативно влияет и на

обеспечение коммерческого судоходства по этому межконтинентальному морскому пути. Россия нуждается в сильной экономической поддержке, поэтому Китай как вторая экономика мира с его рынком, связанным с европейскими и международными рынками, удовлетворяет этим условиям. В силу этого Россия сделала ему предложение о совместном освоении Северного морского пути, что явилось разумным шагом, соответствующим общим интересам обеих стран.

Во-первых, Россия имеет географические и технические преимущества для освоения Северного морского пути, а также большой опыт строительства инфраструктуры в суровых климатических условиях Арктики. В свою очередь, Китай обладает финансовыми преимуществами и доступом к обширным международным торговым рынкам.

Во-вторых, Северный морской путь находится под контролем России, которая обладает преимущественным правом на судоходство по нему и огромным превосходством в спасательных операциях, навигационных технологиях и многом другом.

В-третьих, участие Китая в торговом судоходстве в Арктике может привлечь Южную Корею, Японию и другие страны.

В-четвертых, Северный морской путь не только решает проблему поставки товаров на европейский рынок, но облегчает рыночные поставки в европейскую часть России, благодаря чему значительно повышается коммерческая ценность Северного морского пути.

С точки зрения геополитики, развитие Северного морского пути помогает облегчить решение трудной ситуации с Малаккским проливом, с которой сталкивается Китай, и негативные последствия долгосрочных санкций Европы в отношении России. Все это способствует усилению позиций обеих стран в геополитическом противостоянии с Западом. Китай и Россия имеют общие интересы в плане преодоления геополитических рисков. Сотрудничество в совместном освоении Северного морского пути может способствовать эффективному выходу обеих стран из невыгодного геополитического положения. С точки зрения тенденции сотрудничества совместное освоение СМП соответствует характеру китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия. Китайско-российское сотрудничество по освоению Северного морского пути является отражением политического взаимодоверия, а также конкретным воплощением прагматического сотрудничества между двумя сторонами, соответствующим не только содержанию китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, но и целям мира и развития в современном мире.

Хотя в настоящее время китайско-российские отношения быстро развиваются, и страны поддерживают друг друга на мировой арене, рост объемов и темпов их двустороннего торгово-экономического сотрудничества остается сравнительно медленным. Благодаря совместному освоению Северного морского пути обе страны могут расширять пространство торгово-экономического сотрудничества в таких отраслях, как инфраструктура, освоение ресурсов, промышленное и финансовое сотрудничество, что делает экономические связи между ними более тесными и способствует преодолению дисбаланса между их политическим и экономическим взаимодействием. Таким образом, совместное освоение Северного морского пути является уникальной возможностью развития как для Китая, так и для России.

Основные возможности, предоставленные Китаю, включают, во-первых, сокращение экономических издержек по сравнению с традиционными морскими маршрутами, что облегчает нагрузку на морское судоходство КНР. Северный морской путь имеет большие экономические преимущества для прибрежных районов северного побережья Китая с точки зрения времени и фрахта. Если он будет открыт полностью, это поможет Китаю преодолеть трудности, связанные с проходом морских судов, а также диверсифицировать пути международного судоходства для КНР. Кроме того, Северный морской путь может способствовать развитию Морского шелкового пути XXI века.

В последние годы в Китае бурно развивается морская экономика, но несмотря на растущие объемы морского судоходства, постоянно растущий спрос на морскую торговлю удовлетворяется все-таки не полностью. Поэтому развитие Северного морского пути будет способствовать смягчению нагрузки на морское судоходство Китая в условиях, когда на традиционных судоходных путях возникают серьезные проблемы. Арктический судоходный путь, самый северный, проходящий в Европу, поможет КНР в более активном продвижении инициативы «Один пояс, один путь» и ее всесторонней интеграции в глобальную экономику.

Во-вторых, Северный морской путь предоставляет Китаю надежный и стабильный канал для получения энергоресурсов. КНР серьезно зависит от зарубежных источников энергии. Ситуация на Ближнем Востоке нестабильна, и риски для безопасности на Южном морском судоходном пути высоки. Ускорение создания стабильных и плюралистических источников энергоснабжения очень актуально для обеспечения энергетической безопасности Китая. Арктический регион и его континентальный шельф имеют богатые запасы нефти, газа и метановых гидратов, а также большое количество полезных ископаемых. Освоение арктических ресурсов может открыть для Китая новые зарубежные энергетические базы. Северный морской путь обеспечивает также безопасные морские коридоры для транспортировки морских ресурсов, облегчает нагрузку на внутренние ресурсы страны. В то же время процесс освоения ресурсов стимулирует китайские предприятия и технологии к выходу на зарубежные рынки.

В-третьих, Северный морской путь напрямую влияет на размещение структур экономического развития прибрежных районов КНР, содействует межрегиональной гармонизации. Открытие Северного морского пути оказывает также влияние на разделение и распределение промышленных отраслей в прибрежных районах Китая. Инициатива «Один пояс, один путь» способствует экономическому развитию на юге, юго-западе и северо-западе страны.

Открытие арктического судоходного маршрута и коммерциализация арктического судоходства укрепляют экономическое преимущество восточных прибрежных районов КНР, стимулируют экономику и развитие внешней торговли в северных портах Китая, а также способствуют реструктурированию и обновлению программы развития его внутренних районов, создавая тем самым уникальные возможности для роста экономики во внутренних регионах страны.

В целом, несмотря на устойчивый и продолжительный рост экономики КНР, в ней еще существует ряд проблем, связанных с неравномерным развитием южных и северных регионов, отставанием индустрии на севере и потерей трудовых ресурсов на северо-востоке страны. Если Северный морской путь будет эффективно использоваться, это поспособствует укреплению экономики в северных и северо-восточных регионах Китая, сгладит разрыв в развитии его регионов и поможет их сбалансированному прогрессу.

В-четвертых, арктические интересы Китая становятся сравнительно легкодостижимыми. КНР как страна, обладающая сухопутной и морской территорией, находится все же в невыгодном положении, когда речь идет о ее морских интересах в арктическом судоходстве. В то же время Китай расположен далеко от Арктики, поэтому такое положение невыгодно для него с точки зрения географического пространства. Объективно говоря, стремление к отставанию своих интересов и прав на освоение Арктики является огромным вызовом для Китая. Благодаря совместному с Россией освоению Северного морского пути Китай превращается в важного участника его развития и получает прекрасную возможность повышения своего статуса в будущих сложных геополитических перипетиях и конкуренции между державами в арктических регионах.

Совместное освоение с Китаем Северного морского пути предоставляет также огромные возможности России. Во-первых, способствует облегчению сложного между-

народного положения, в котором она находится. В контексте новой международной ситуации Россия должна найти себе стабильного партнера, чтобы избавиться от нынешних трудностей. Выбор в качестве него Китая может значительно ослабить влияние Соединенных Штатов Америки на евразийском континенте и вынудить США частично изменить свою позицию в отношении России, что создаст более позитивные перспективы для ее развития. Совместное строительство Северного морского пути — хорошая возможность для России в плане дальнейшего укрепления партнерских отношений с Китаем.

Инициатива совместного освоения Северного морского пути является мощным импульсом для полной реализации арктической стратегии России. На политическом, экономическом и социальном уровне Арктика имеет для нее огромное значение. Общая площадь арктических территорий России достигает почти 3 млн кв. км, что составляет около 18% ее общей территории, включая примерно 2,2 млн кв. км сухопутной территории и около 800 тыс. кв. км водных территорий. Кроме того, миллионы квадратных километров территории являются ее исключительной экономической зоной и континентальным шельфом.

Население России в Арктике составляет около 2,5 млн человек — 54% полярного населения в мире. Значение и статус Арктики в развитии российского государства играют важную роль. В качестве примера можно привести энергетическую отрасль: объем добычи газа в Арктике составляет 80% общего объема добычи газа в России, а нефти — 60%. Возрождение Северного морского пути является приоритетом в ее стратегии полного освоения Арктики. Инициатива совместного с Китаем освоения СМП помогает привлекать иностранные средства, технологии и специалистов и тем самым способствует всестороннему развитию российских арктических регионов. В то же время в рамках совместного освоения Россия может потребовать, чтобы соответствующие страны соблюдали правила и процедуры навигации по Северному морскому пути, лоцманские правила, правила гидрологической и метеорологической служб, радиосвязи, безопасности мореплавания и защиты морской среды. Россия может осуществлять суверенитет и юрисдикцию над Северным морским путем.

Освоение Северного морского пути и нефтегазовых ресурсов будет способствовать развитию российского Дальнего Востока и укреплению политических, военных и торгово-экономических позиций РФ в Арктике. В отношении освоения и использования арктических судоходных маршрутов Россия обладает геополитическими и другими преимуществами. Однако ряд причин, включая падение цен на нефть, нехватку финансовых средств, экономические санкции Евросоюза, привели к дефициту средств на развитие российской Арктики. Поэтому можно развивать арктические регионы и Дальний Восток за счет средств и технологий Китая. Более того, средства, полученные за конвоирование судов и другие услуги, способны увеличить финансовые доходы России и ослабить ее финансовую и техническую зависимость от западных стран. Несмотря на то, что Северный морской путь в основном ориентирован на транспортировку, он не ограничивается этой функцией, промышленные и научно-технические парки, построенные вдоль его фарватера, будут обладать экономическим эффектом содействия экономическому развитию даже ее внутренних регионов.

В 2013 г. Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», что в определенной степени вызвало беспокойство России, не приведет ли потенциал этой инициативы к ослаблению ее международного статуса. Россия стала одной из первых стран, откликнувшихся на эту инициативу, и в 2014 г. предложила найти точки соприкосновения с ее собственной инициативой Евразийского экономического союза. Это укрепит политическое и экономическое партнерство с Китаем и позволит ей усилить свою государственную мощь. Таким образом, инициатива совместного освоения Северного морского пути может рассматриваться как стратегическая возможность для со-

стыковки Евразийского экономического союза и инициативы «Большой Евразии» с инициативой «Один пояс, один путь».

Инициатива совместного освоения Северного морского пути не только расширяет возможности развития Китая и России, но оказывает огромное влияние на регион и мир в целом. Освоение Северного морского пути высвечивает геополитические преимущества Арктики, ведет к общему развитию региона Северного Ледовитого океана, что способствует перемещению центра внимания международной политики на север нашей планеты. Поскольку северное полушарие имеет более высокий удельный вес в мировой экономике, арктический фарватер нарушит монополию традиционных морских судоходных путей, и международные экономические структуры станут перемещаться к северу. На фоне развития Северо-восточного морского пути может возникнуть новый мировой экономический центр.

Что касается международной торговли, то использование арктического маршрута приведет к значительному сокращению расстояния от Восточной Азии до Европы, а затраты на торговлю в северном полушарии резко сократятся. В настоящее время, когда общий объем мировой торговли растет с каждым годом, эффективное передвижение судов по широкому арктическому судоходному пути будет, несомненно, содействовать международным экономическим обменам и развитию торговли. Что касается безопасности международного судоходства, то использование арктического пути значительно повысит ее уровень, существующий в настоящее время в транснациональном судоходстве. Серьезными факторами угрозы для его безопасности в последние годы являются пиратство в акваториях западной части Индийского океана, политическая нестабильность на Ближнем Востоке и споры в Южно-Китайском море. Политическая ситуация в прибрежных государствах Арктики является достаточно стабильной на всех направлениях. Совместное освоение Северного морского пути поможет эффективно снижать неконтролируемые риски, с которыми сталкиваются суда в международном судоходстве.

Хотя Северный морской путь обладает рядом преимуществ и значительным потенциалом, нельзя отрицать, что его совместное освоение Китаем и Россией может столкнуться с многочисленными трудностями и вызовами.

Суровые природные условия. Северный Ледовитый океан целый год находится в низкотемпературных условиях и только два–три месяца в году суда могут беспрепятственно проходить по арктическому пути. Из-за низкой температуры в случае аварии нефтяные разливы плохо поглощаются морской водой. Чрезвычайно холодная погода в Арктике также создает проблемы для проектов строительства инфраструктуры. При крайне низких температурах — минус 40 градусов — и скорости ветра свыше 10 метров в секунду работа на открытом воздухе прекращается. Следует отметить, что экологическая среда Арктики очень хрупка, любое техногенное вмешательство может привести к пагубным изменениям в экологии, создать новые проблемы глобального характера. Кроме того, отставание в развитии инфраструктуры северо-восточных судоходных маршрутов, нехватка портов и пунктов снабжения, отсутствие соответствующих данных и т. п. также являются вызовами для регулярного судоходства.

Высокие требования к инвестициям и технологиям. Поддержание регулярного судоходства в Арктике требует создания и совершенствования гидрологических, коммуникационных, снабженческих и спасательных систем, специального оборудования, материалов и технологий. Для разведки и добычи ресурсов необходимы передовое оборудование и огромные инвестиции. При этом риски и затраты достаточно высоки.

Опасения и бойкот со стороны западных стран. После украинского конфликта и кризиса в Крыму Сосединенные Штаты Америки, Европа и союзники США в Восточной Азии запустили несколько раундов санкций против России. Санкции включают запрет экспорта в Россию глубоководных технологий и технологий освоения арктических ресурсов. Западные страны прекратили начатые совместно с Россией проекты со-

трудности, ввели санкции против российских нефтяных компаний и банков, что серьезно повлияло на темпы развития российской арктической стратегии. Противоречия и трения между западными странами и Россией создают серьезные препятствия взаимному доверию между арктическими странами, вносят большую неопределенность в участие экстерриториальных Арктике стран в соответствующих арктических проектах. США, Канада и другие западные страны сохранили свои сомнения относительно их участия в ее освоении. Некоторые западные СМИ муссируют теорию «геополитической угрозы Китая» и искажают цель его участия в Арктическом проекте. Постоянная геополитическая борьба между Россией и западными странами неизбежно оказывает влияние на китайско-российское сотрудничество в Арктике, становится негативным фактором в совместном освоении Северного морского пути. Хотя окончание холодной войны ослабило геополитическую конкуренцию, оно ее не искоренило.

Отсутствие единого международного механизма. В настоящее время существуют определенные недостатки в международных нормативных положениях, связанных с Арктикой. Соответствующие международные организации не могут в полной мере функционировать, интересы арктических стран неоднозначны, что создает неопределенность в освоении и использовании Северного морского пути и его ресурсов. До сих пор не образован единый юридически обязательный арктический механизм для осуществления эффективной интеграции существующих национальных, региональных и глобальных механизмов. Это ведет к фрагментации арктических механизмов управления, в частности, к противоречиям между национальными, региональными и глобальными механизмами, что ограничивает эффективность управления и регулирования в Арктике. Россия и некоторые прибрежные страны Северного Ледовитого океана не достигли единогласия по вопросу делимитации его континентального шельфа. Требования некоторых стран по внешним границам континентального шельфа пересекаются. Правовой статус морского пути, демаркация внешних границ континентального шельфа могут стать основными правовыми препятствиями для совместного освоения Северного морского пути.

В ответ на существующие трудности и вызовы мы предлагаем следующее:

1) Укреплять взаимное доверие и сотрудничество Китая и России. Использование Северного морского пути и освоение ресурсов, связанные с многоформатными правами и интересами, несомненно, нуждаются в укреплении стратегического консенсуса и взаимного политического доверия. Таким образом, предлагаем создать комитет по развитию Северного морского пути, организованный правительствами обеих сторон с участием морских, судоходных и научно-исследовательских секторов, аналитических центров и соответствующих предприятий. Также возможен вариант механизма урегулирования в рамках встреч премьер-министров обеих стран и создания комитета по совместному освоению Северного морского пути, который отвечает за координацию планирования, содействие коммуникациям, разрешение разногласий и поощрение китайско-российского практического сотрудничества в Арктике.

2) Полностью раскрыть преимущества взаимодополняемости. Китай и Россия должны научиться использовать свои сильные стороны, преодолевать слабости в совместном строительстве Северного морского пути. В то же время среди многих областей и звеньев сотрудничества следует выделить главное направление. Инициатива совместного освоения Северного морского пути может включать добычу полезных ископаемых вдоль его маршрута, а также транспортировку, гарантии безопасности. Сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике может сосредоточиться на освоении Северного морского пути, а также в таких областях, как инфраструктура, торговля, технологии, морская торговля, освоение ресурсов, туризм и другие, продвижение комплексного освоения Арктики в опоре на совместные усилия.

3) Разрабатывать и совершенствовать политику и законодательство, обеспечивая сотрудничество в совместном освоении ресурсов Северного морского пути. В случае создания и совершенствования системы соответствующих правовых норм, налаживания сотрудничества в рамках международной правовой системы можно уменьшить разногласия как в России, так и в других странах, а также содействовать продолжительному и стабильному развитию сотрудничества.

4) Повышать уровень технологической инновационной деятельности. Деятельность по совместному строительству Северного морского пути и освоению его ресурсов проходит в чрезвычайно сложных и суровых климатических и географических условиях, которые требуют передовых технологий, оборудования и большого количества высококвалифицированных кадров. Китайская и российская стороны должны укреплять координацию в сфере ресурсов, технологическое и инновационное сотрудничество, а также привлечь передовых специалистов, технологии и международные средства, чтобы полностью удовлетворить потребности в освоении и использовании Северного морского пути в целях взаимного выигрыша.

5) Взаимодействовать с заинтересованными международными структурами. Освоение Северного морского пути и его ресурсов имеет широкий, многопрофильный и многоуровневый характер, и многие страны заинтересованы в этом, что непременно приведет к разногласиям в борьбе за собственные интересы. Поэтому китайская и российская стороны должны открыто и толерантно рассматривать конкуренцию и сотрудничество с третьими странами.

Совместное освоение Северного морского пути — это консенсус, достигнутый на уровне лидеров Китая и России, новейшее направление арктического сотрудничества между двумя странами. Участие Китая в развитии Северного морского пути поможет ему разнообразить транспортные маршруты, развивать внешнюю торговлю и обеспечить стабильные каналы для импорта энергоресурсов. Россия может усилить развитие и строительство арктической зоны, опираясь на возможность совместного с Китаем освоения арктического морского пути, способствовать региональному упорядочению и придать новый импульс своей экономике. Совместное освоение Северного морского пути не только способствует экономическому и социальному развитию арктического региона, но обеспечивает сбалансированное развитие мировой торговли, помогает смягчить глобальные противоречия между спросом и предложением ресурсов. Как мировые державы, Китай и Россия должны совместно строить Северный морской путь в духе взаимного уважения, сотрудничества, взаимной выгоды и во имя прогресса. Необходимо не только пользоваться возможностями развития Северного морского пути, но и брать на себя должную ответственность, вносить свой вклад в мировое и региональное развитие.

Китай и Россия имеют прочную основу политических отношений и богатый опыт практического сотрудничества. Есть абсолютная уверенность в том, что благодаря общим усилиям правительств и соответствующих структур обеих стран Северный морской путь непременно превратится в новый стимул сотрудничества и развития КНР и РФ.

Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия

© 2019

Б.А. Хейфец, Н.С. Степанов

В статье анализируется 6-летний период реализации глобального китайского проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), или Инициатива «Пояс и Путь» (ПлП). Выделяются его позитивные стороны: расширение числа участников и сфер их взаимодействия, создание мощной финансовой базы, создание новых трансграничных транспортных маршрутов, увеличение торговли и инвестиций у стран — участниц проекта. Определены проблемы, среди которых выделяются непрозрачность проектов ОПОП, недостаточный учет национальных интересов и местных потребностей партнеров Китая, усиление их геополитических рисков, «долговая ловушка» китайских кредитов. Предложены возможные пути углубления российско-китайского взаимодействия на новом этапе развития «ПлП 2.0».

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», «мягкая сила», гибридное экономическое партнерство, долговая ловушка, сопряжение с ЕАЭС, четвертая промышленная революция, Северный морской путь (СМП).

DOI: 10.31857/S013128120007999-9

Первые итоги проекта ОПОП

В марте 2019 г. исполнилось 6 лет, как Си Цзиньпином был провозглашен новый геополитический и геоэкономический проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭЛШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП). Ввиду расширения горизонтов проекта и в связи с желанием дать ему более лаконичное название возникли термины «Один пояс, один путь» (ОПОП) и Инициатива «Пояс и Путь» (Belt and Road Initiative — BRI). Но более важно то, что ребрендинг дает более четкое обозначение его главной цели — создание пояса (сети) партнеров (друзей, союзников) на основе общих, прежде всего экономических, интересов.

Активная реализация данного проекта началась уже в 2014–2015 гг. За последние 5 лет состоялось два крупных форума на самом высоком уровне по международному сотрудничеству в реализации проекта ОПОП. В мае 2017 г. на первом форуме было около 30 участников и 70 почетных гостей, свыше 100 государств и международных организаций выразили поддержку проекту ОПОП. В апреле 2019 г. состоялся второй еще более предста-

---

Хейфец Борис Аронович, д. э. н., главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: bah412@ Rambler.ru.

Степанов Никита Сергеевич, к. э. н., старший научный сотрудник Института экономики РАН. E-mail: nikitossstepanov@gmail.com.

вительный такой форум. В его работе приняли участие 37 глав государств, почти 5 тыс. зарубежных гостей из более чем 150 стран и свыше 90 международных организаций.

Согласно официальным данным, на конец марта 2019 г. к ОПОП присоединились 125 стран и 29 международных организаций, было подписано 173 различных документа о сотрудничестве¹. Многие из данных стран не расположены вдоль уже объявленных коридоров ОПОП. В то же время некоторые страны, лежащие вдоль заявленных маршрутов ОПОП, не подписали соглашения об участии в проекте. В целом официального полного списка участников ОПОП до сих пор не обнародовано. В докладе Сити банка, посвященном 5-летию ОПОП, приводится таблица участвующих в ОПОП государств, насчитывающая 84 позиции (табл. 1). В любом случае, по числу участников ОПОП — крупнейший глобальный геоэкономический проект за всю историю существования мировой экономики.

Отчасти неопределенность количества участников связана с тем, что по мере реализации расширяется сам первоначальный проект ОПОП — как в отношении охватываемых секторов человеческой деятельности, так и новых его маршрутов. Это «Цифровой шелковый путь», «Пояс и Путь» в стандартизации, «Зеленый путь», «Инновационный пояс и путь», «Чайный шелковый путь», «Полярный шелковый путь» через акваторию Северного Ледовитого океана², «Степной шелковый путь» через территорию Монголии и т.п. ОПОП охватил огромные территории с населением 4,4 млрд человек по всему миру — от Азии и Европы до Африки, Латинской Америки, южной части Тихого океана. Совокупный ВВП государств-участников оценивается в 23 трлн долл.³

По проекту ОПОП Китай активно сотрудничает с международными организациями и региональными интеграционными объединениями: ШОС, АСЕАН, АТЭС, БРИКС, Центральная и Восточная Европа (16+1), Форум сотрудничества Китая и арабских государств, Евразийский экономический союз, Африканский союз, ЕС, Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна и некоторыми другими.

Таблица 1

Географическое распределение стран, вовлеченных в проект ОПОП (конец 2018 г.)

СНГ, Кавказ, Центральная Азия	Восточная и Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион	Южная Азия	Центральная и Юго-Восточная Европа	Ближний Восток и Северная Африка	Америка	Африка, южнее Сахары
Армения Азербайджан Беларусь Грузия Казахстан Кыргызстан Молдова Монголия Россия Таджикистан Туркменистан Украина Узбекистан	Бруней Камбоджа Восточный Тимор Индонезия Лаос Малайзия Мьянма Новая Зеландия Нигуэ Папуа — Новая Гвинея Филиппины Сингапур Южная Корея Таиланд Вьетнам	Афганистан Бангладеш Бутан Индия Мальдивы Непал Пакистан Шри Ланка	Албания Австрия Босния и Герцеговина Болгария Хорватия Чешская Республика Эстония Греция Венгрия Латвия Литва Македония Черногория Польша Румыния Сербия Словакия Словения	Бахрейн Египет Иран Израиль Иордания Кувейт Ливан Ливия Марокко Оман Палестина Катар Саудовская Аравия Сирия Тунис Турция ОАР Пеман	Антигуа и Барбуда Доминика Гайана Панама Тринидад и Тобаго Уругвай	Эфиопия Малагаскар Сенегал ЮАР

Источник: Citigroup (2018) *China's Belt and Road at Five. A Progress Rept. December. P. 8. [8]*

The Belt and Road Initiative: Six Economic Corridors Spanning Asia, Europe and Africa

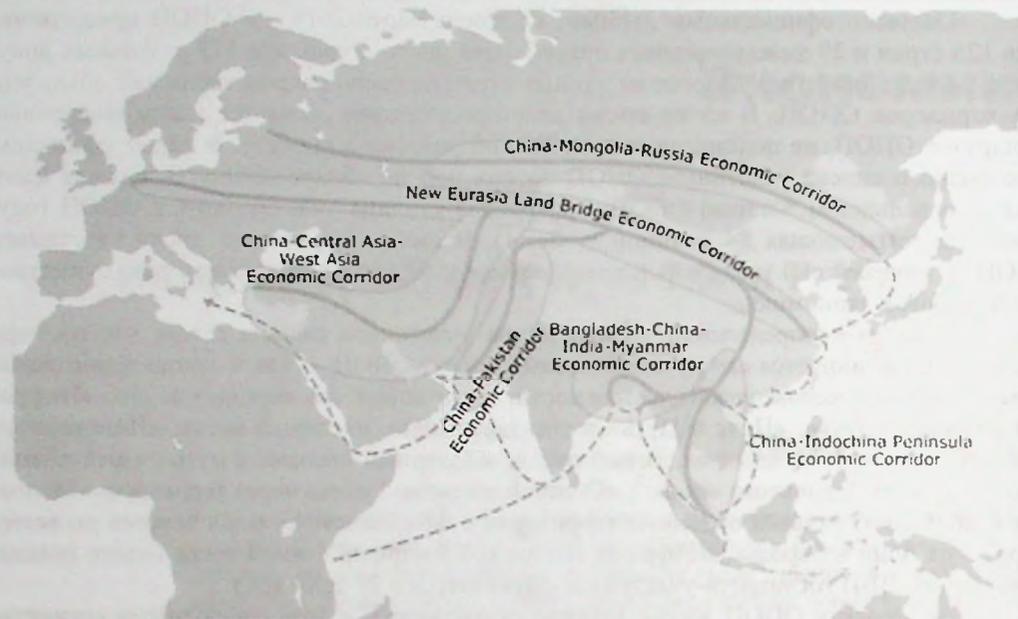

Рис. 1. Трансграничные маршруты ОПОП.

Источник: URL: <https://www.businessinsider.com/chinas-most-ambitious-megaproject-the-new-silk-road-mapped-2018-3>

Реализация ОПОП дает ощутимые позитивные результаты. В 2014–2018 гг. внешняя торговля товарами Китая со странами, поддерживающими ОПОП, превысила 6 трлн долл., ее среднегодовые темпы роста составили 27,4%, то есть были значительно выше темпов экономического роста⁴. При этом еще быстрее развиваются новые формы взаимодействия. Так, в 2018 г. объем интернет-торговли Китая со странами, поддерживающими ОПОП, превзошел 20 млрд долл., увеличившись на 50% по сравнению с 2017 г. В 2014–2018 гг. ПИИ Китая в страны ОПОП превысили 90 млрд долл., а объемы подрядных работ, выполненных китайскими компаниями, составили более 400 млрд долл.⁵

ОПОП по данным финансовым показателям уже превзошел знаменитый План Маршалла, предложенный после Второй мировой войны США европейским странам. В рамках плана Маршалла с 1948 г. по 1951 г. США вложили в реконструкцию Европы 13 млрд долл. (эквивалентно 115 млрд долл. в текущих ценах). Это соответствовало примерно 1% ВВП США и принимающих помощь европейских стран в расчете на год. Объем китайских вложений в страны ОПОП в 2014–2018 гг. составлял 0,8% китайского ВВП и 0,7% ВВП принимающих стран ежегодно⁶. По оценкам, общие затраты на реализацию проектов ОПОП могут составить от 4 до 8 трлн долл.⁷

За 2014–2018 гг. между Китаем и странами ОПОП было открыто 1239 новых международных маршрутов, что составляет 69,1% от общего числа китайских международных маршрутов за этот период⁸. Строительство масштабных инфраструктурных проектов будет продолжаться (рис.1).

В 2019 г. большая группа экспертов Всемирного банка опубликовала объемное аналитическое исследование об ОПОП, в котором делается вывод, что данный проект потенциально может существенно увеличить межгосударственную торговлю и инвестиции, а также и улучшить условия жизни граждан. Потенциал роста торговли оценивается

в 30%, инвестиций — в 70%. Многие страны — участницы проекта, особенно государства с низким уровнем дохода, как правило, слабо интегрированные в региональные и мировые рынки и в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, могут получить дополнительные возможности для развития⁹.

Проект ОПОП вызвал широкий резонанс в мировом сообществе. При этом наряду с позитивными откликами и ожиданиями появилось немало критических оценок. Попытаемся дать собственную оценку ситуации в связи с реализацией ОПОП, уделив особое внимание последствиям этого проекта для России.

Гибридное мегартнерство

ОПОП представляет собой новый вид экономического партнерства. Идея его создания была озвучена в период, когда начались переговоры по принципиально новым трансрегиональным экономическим партнерствам — Транстихоокеанскому и Трансатлантическому, с инициативой создания которых выступили США. Их отличала практически полная либерализация взаимной торговли товарами и услугами (упразднилось свыше 90% импортных пошлин¹⁰), а также трансграничного перемещения инвестиций. Кроме того, вводились некоторые современные правила регулирования экономики и взаимного сотрудничества в части защиты интеллектуальной собственности, происхождения продукции, предотвращения недобросовестной конкуренции, охраны окружающей среды и т.п. Эти правила были обязательными для всех участников новых экономических партнерств и нашли практическое отражение в уже вступивших в силу такого рода соглашениях: Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, Всеобъемлющем экономическом и торговом соглашении между ЕС и Канадой, Соглашении об экономическом партнерстве между ЕС и Японией, Соглашении о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕС и Вьетнамом. А такие соглашения являются единственным институтом регулирования отношений стран-участниц, которые пользуются преференциями партнерств.

В отличие от этих экономических мегартнерств, в ОПОП предложен мягкий подход к участию в данном проекте, не предусматривающий принятия на себя конкретных обязательств, то есть заключения одного основного договора. Достаточно публично заявить об одобрении проекта и подписать меморандум. Это открывает путь к политическому, экономическому или научно-техническому взаимодействию с Китаем в рамках ОПОП.

В ОПОП будет несколько ЗСТ с различным уровнем взаимодействия их участников, будут также использоваться другие, апробированные в международной практике формы экономического взаимодействия. Присоединиться к ОПОП могут любые заинтересованные государства, организации и бизнес-структуры, которые самостоятельно выбирают желательный для себя уровень и формат сотрудничества. Поэтому проект может быть отнесен к категории *гибридных экономических партнерств*¹¹. При этом Китай не отказывается от использования других форм регионализации, в том числе по модели либеральных экономических мегартнерств. Так, он выступит основным инициатором создания Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), переговоры по которому ведут 10 государств АСЕАН, Китай, Республика Корея, Япония, Индия, Австралия и Новая Зеландия. В рамках данного партнерства предполагается обнулить более 90% импортных пошлин во взаимной торговле участников¹².

К позитивным сторонам ОПОП следует отнести и уменьшение китайской стороны выбирать привлекательные для других стран приоритеты взаимодействия и оперативно корректировать стратегию проекта. Таким новым приоритетом в 2019 г. стал инновационный «Цифровой шелковый путь», о котором ничего не говорилось в предыдущих документах по ОПОП. Он включает практически все сферы, связанные с технологиями

четвертой промышленной революции (искусственный интеллект, квантовые вычисления, большие данные, «облачные» вычисления, строительство «умных» городов и т. п.). Их развитие уже сейчас определяет экономику XXI века.

С другой стороны, ОПОП является отражением китайской политики «мягкой силы», которая предусматривает последовательную и постепенную внешнеполитическую и внешнеэкономическую экспансию Китая в глобальной экономике. Она выражается в целом ряде стратегических проектов — ШОС, БРИКС и БРИКС плюс, Партнерство для Новой промышленной революции и т. п. При этом ОПОП может стать самым успешным таким проектом в силу охвата большого количества стран и постоянного расширения сфер сотрудничества, учитывающего изменяющиеся условия развития.

Есть еще одна важнейшая предпосылка для реализации ОПОП. Это серьезная материальная база, которой обладает Китай для реализации данного проекта. На начало 2017 г. «большая четверка» коммерческих китайских банков, принадлежащих государству, — Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Китайский строительный банк и Промышленный и коммерческий банк Китая — финансировала займы и приобретение акций для проекта БРИКС. 38% этого финансирования пришлось на государственный Китайский банк развития и только 11% — на Экспортно-импортный банк Китая и совсем недавно начинавшие свою деятельность новые организации — Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС¹³.

В этом плане ОПОП, на первый взгляд, более привлекательный проект для третьих стран, чем выдвинутая Россией в 2016 г. сходная идея создания Большой Евразии от Лиссабона до Владивостока, у которой нет подобной экономической подпитки.

Проблемы ОПОП

Было бы ошибкой считать, что у проекта ОПОП нет серьезных оппонентов как из развитых, так и развивающихся стран.

Многие проекты в рамках инициативы ОПОП отменяются, пересматриваются или задерживаются. Принимающие страны переосмысливают расходы и выгоды, которые они получают в результате сотрудничества с Китаем¹⁴. В ОПОП Китай реализует такую модель финансирования, при которой основная часть займов фактически поступает китайским компаниям — строительным фирмам, производителям различных необходимых товаров и поставщикам услуг. То есть кредитование «самих себя». При этом не надо переоценивать сравнительно небольшую плату за подобные кредиты. Китайские компании, участвующие в подобных проектах, могут заложить свою норму прибыли в цену поставляемых ими товаров и услуг, что дает совершенно другую оценку стоимости китайских кредитов. Кроме того, Китай страхует свои кредиты, беря в их обеспечение с кредитруемых государств ликвидные активы. Например, займы Венесуэле, Анголе, Эквадору обеспечены нефтью.

В докладе экспертов Центра новой американской безопасности¹⁵ указываются 7 основных проблем, которые проявились при реализации ОПОП. Среди них называются следующие.

1. Подрыв национального суверенитета

Китайские инвестиции дают «контроль над отдельными инфраструктурными проектами посредством соглашений о долевом участии, долгосрочной аренды или многолетних операционных контрактов».

2. Недостаток прозрачности

Китайские проекты часто влекут за собой «непрозрачные процедуры торгов по контрактам и финансовым условиям, которые не подлежат общественному контролю». Ситуацию затрудняет механизм реализации проектов в основном с помощью китайских подрядчиков.

3. Усиление финансовой нестабильности

Повышенный риск дефолта, трудности с погашением кредитов, некупаемость ряда проектов.

4. Недоучет местных потребностей

Китайские подрядчики не передают навыки местным работникам, а иногда используют несправедливые механизмы распределения прибыли и не ориентируются на местные экономические нужды.

5. Геополитические риски

Реализуемые Китаем проекты могут поставить под угрозу телекоммуникационную инфраструктуру страны-получателя.

6. Отрицательное воздействие на окружающую среду

Осуществляемые проекты в некоторых случаях не прошли соответствующую экологическую экспертизу, что может привести к серьезным последствиям для здоровья населения.

7. Потенциал для коррупции

В странах, которые имеют высокий уровень клептократии, проекты уже принесли серьезные доходы политикам и бюрократам.

Вот некоторые примеры неудачного сотрудничества в рамках реализации проекта ОПОП.

Так, Пакистан не согласился сотрудничать с Китаем по сооружению мощной дамбы на реке Инд, инвестиции в которую должны составить 14 млрд долл. Пакистан не смог договориться с Китаем и по некоторым другим ключевым проектам. Среди них железная дорога на сумму 10 млрд долл. в Карачи и аэропорт на 260 млн долл. для Гвадара¹⁶.

Непал отменил планы китайских компаний по строительству гидроэлектростанции в Будхи-Гандаки на 2,5 млрд долл., так как заключенные строительные контракты на нарушают правила, которые требуют предложений от многочисленных участников торгов¹⁷.

В Таиланде работа над высокоскоростной железной дорогой стоимостью 15 млрд долл. была отложена в 2016 г. из-за жалоб на то, что в данном проекте мало доходов получают тайские компании¹⁸.

В Танзании правительство возобновило переговоры с Китаем и государствами Оманского залива о доле от владения запланированным там портом стоимостью 11 млрд долл. в городе Багамойо. Танзания хочет, чтобы ее жители получали больше, чем просто налоги, взимаемые с порта¹⁹.

Важно и то, что проект ОПОП сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны США и ЕС, которые имеют собственные планы по противодействию растущему влиянию Китая. Так, США расширяют свою инвестиционную программу до 60 млрд долл. для стран АТЭС через свою Международную финансовую корпорацию. Евросоюз также увеличивает свою программу развития связей со странами Азии, уделяя особое внимание принципам стабильности и прозрачности, которых, по оценкам некоторых экспертов, не хватает проекту ОПОП²⁰. ЕС проводит курс на создание современных экономических мегапартнерств с либеральными условиями трансграничного перемещения товаров, услуг и инвестиций. Заключены соглашения о ЗСТ с Вьетнамом, об Экономическом партнерстве с Японией.

ЕС беспокоит то, что политическое влияние, которое Пекин получает от своих инвестиций в Европу, является серьезным вызовом сплоченности Евросоюза. В 2017 г. Греция наложила вето на совместное заявление ЕС по правам человека в отношении Китая, а в 2016 г. Греция и Венгрия объединились, чтобы избежать критики Китая в совместном заявлении по территориальным вопросам в Южно-Китайском море. ЕС считает, что Китай использует ОПОП для получения контроля над стратегически важными объектами инфраструктуры²¹. За последние 10 лет китайские компании (в основном China

Ocean Shipping (Group) Company — COSCO и China Merchants Port Holdings Company Limited — CMPort) приобрели доли в терминалах 13 портов в Европе и Средиземноморье, в том числе в Греции, Испании, Италии, Бельгии, Франции, Голландии, Турции, Марокко и на Мальте (табл. 2). Эти терминалы обрабатывают около 10% грузоподъемности европейских контейнеров²².

Таблица 2

Китайские активы в европейских портах

Порт (страна)	Терминал	Бенефициары и доля владения
Пирей (Греция)	Piraeus Container Terminal	COSCO, 100%
Зебрюгге (Бельгия)	CSP Zeebrugge Terminals NV	COSCO, 85%
Валенсия (Испания)	Noatum Container Terminal	COSCO, 51%
Касабланка (Марокко)	Somaport	CMPort, 25%
Вало-Лигуре (Италия)	Do Reefer Terminal	COSCO, 40%; QPL — 10%
Бильбао (Испания)	Noatum Container Terminal	COSCO, 40%
Роттердам (Нидерланды)	Euromax Terminal	COSCO, 35%
Стамбул (Турция)	Kumport	COSCO, 26%
Гавр (Франция)	Terminal Nord, Terminal de France	CMPort, 25%
Марсашлокк (Мальта)	Malta Freeport Terminal	CMPort, 25%
Марсель (Франция)	Malta Freeport Terminal	CMPort, 25%
Нант (Франция)	Terminal du Grand Ouest	CMPort, 25%
Антверпен (Бельгия)	Antwerp Gateway	COSCO, 20%

Источник: URL: <https://www.wprl.org/post/chinese-firms-now-hold-stakes-over-dozen-european-ports>

У проекта ОПОП есть немало оппонентов и из развивающихся стран. Это прежде всего Индия, которая не участвовала ни в первом, ни во втором международном форуме высокого уровня по ОПОП. Индия выступает против реализации китайских проектов в Пакистане проходит через оккупированный Пакистаном Кашмир, являющейся спорной территорией. Индия также считает, что данный проект плохо учитывает интересы других стран, многие из которых благодаря сотрудничеству с Китаем загоняются в «долговую ловушку». Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Долговая зависимость

Китай стал крупнейшим мировым кредитором. На начало 2018 г. сумма задолженности всех стран мира перед Китаем составила около 5 трлн долл. (6% мирового ВВП), по сравнению с менее чем 500 млрд долл. в начале 2000-х годов (1% мирового ВВП). Основная часть задолженности приходится на торговые кредиты — 75%, на прямые кредиты — 7% и портфельные инвестиции — 8%. Если же учитывать иностранные активы, приобретенные китайскими компаниями, и прямые китайские инвестиции, общие финансовые требования Китая за рубежом составляли более 8% мирового ВВП в 2017 г.²³

В 2000 г. произошла активная переориентация китайской экономики на внешнюю экспансию в рамках стратегии «Идти вовне». Это особенно наглядно показывает динамика китайских ПИИ за рубеж (рис. 2).

Реализация ОПОП стала новым этапом в политике внешней экспансии. В результате у отдельных стран — участниц проекта увеличиваются долговые обязательства, связанные с количеством кредитов и импортом китайского оборудования и материалов, что приводит к серьезному росту дефицита счетов по текущим операциям и сокращению истощающихся валютных резервов со всеми вытекающими негативными последствиями.

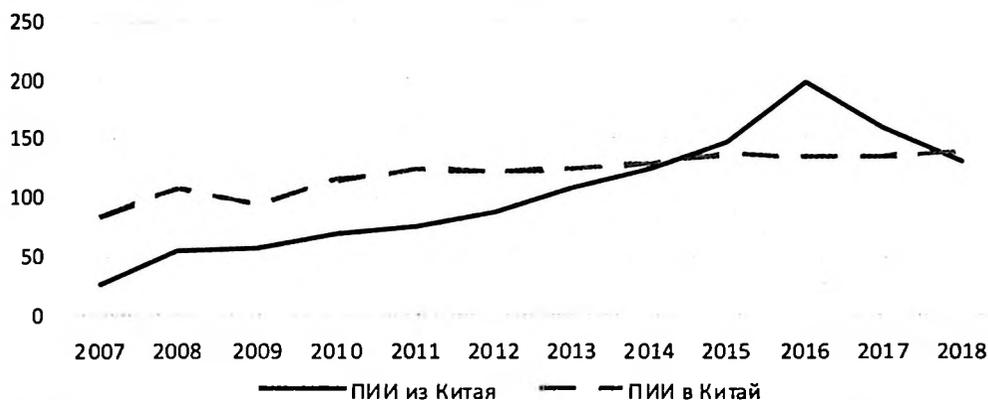

Рис. 2. Китайские ПИИ — новые тренды

Источник: UNCTAD (2019) World Investment Report: Annex Tables.

URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>

О росте задолженности отдельных стран перед Китаем дает представление рис. 3.

Как видно, из 50 должников Китая у 40 задолженность перед ним превышает 10% их ВВП, из которых у 5 (Джибути, Тонга, Мальдив, Республики Конго и Кыргызстана) она составляет более 30%.

Задолженность перед Китаем составляет у многих стран проекта ОПОП существенную часть их общей внешней задолженности. При этом с учетом уже заявленных кредитов она может существенно возрасти (табл. 3).

Таблица 3

Роль задолженности перед Китаем в формировании суверенного внешнего долга отдельных государств (на начало 2017 г.)

Страны	1. Общий внешний долг, млн долл.	2. Долг перед Китаем, млн долл.	3. Отношение 2:1, %	4. Ожидаемый объем кредитов по ОПОП, млн долл.
Кыргызстан	4068	1483	34,5	4564
Лаос	10782	4186	38,8	5471
Мальдивы	2775	879	31,7	1107
Монголия	9593	3046	31,8	2469
Пакистан	195239	6329	3,2	40021
Таджикистан	2906	1197	41,2	2807
Беларусь	25552	3094	12,1	3828
Камбоджа	6465	3191	49,4	3495
Эфиопия	39154	7314	18,7	3719
Кения	36957	4089	11,1	6879
Шри Ланка	69280	3850	5,6	2136

Источник: Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Washington DC: Center for Global Development. 2018. Policy Paper 121. P. 4, 5.

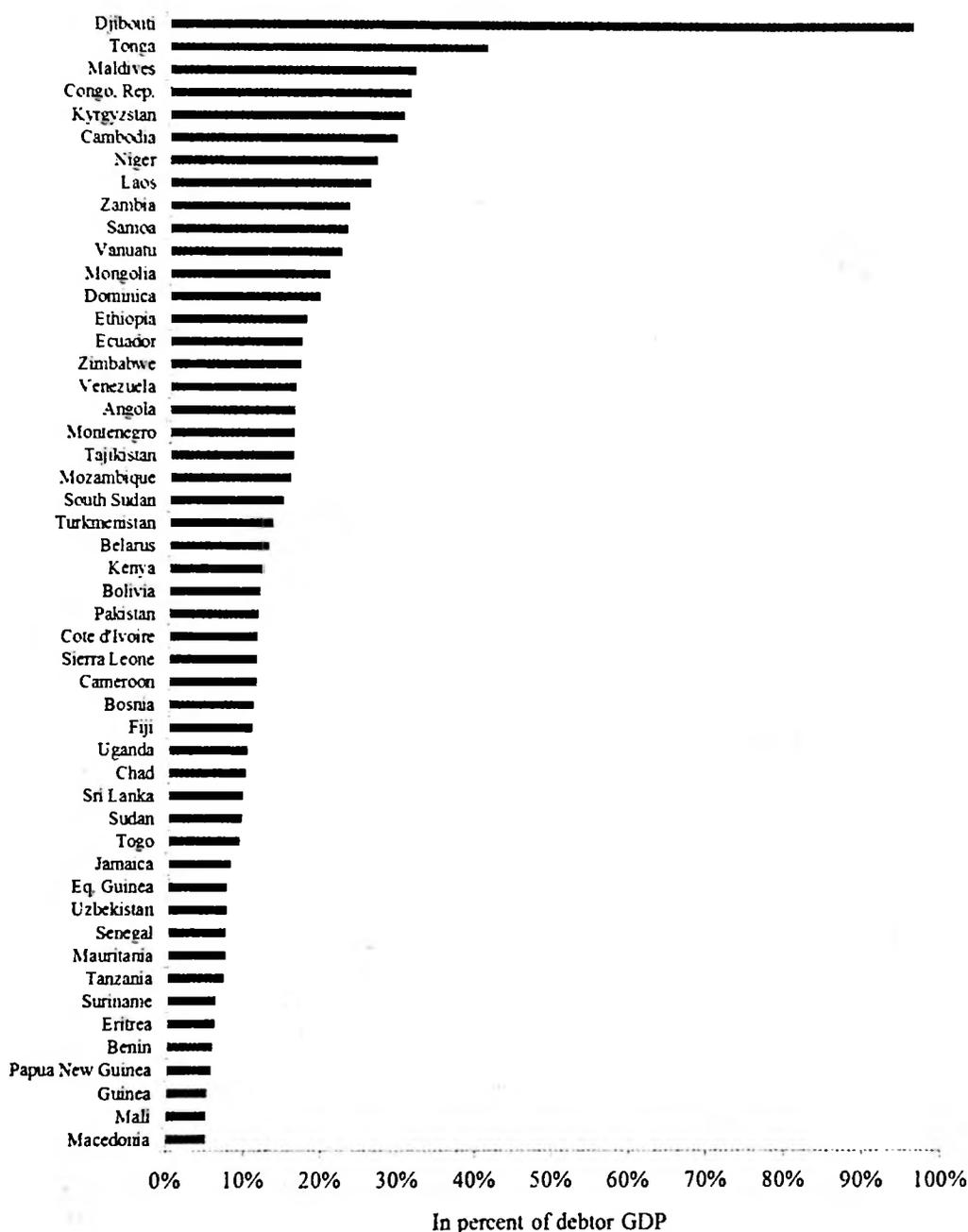

Рис. 3. Доля задолженности перед Китаем его основных должников, % от национальных ВВП, 2017.

Источник: Horn S., Carmen M., Reinhart C.M., Trebesch C. *China's Overseas Lending*. 2019. NBER Working Paper № 26050. URL: <http://www.nber.org/papers/w26050>. P. 4–5.

Даже у тех стран, где задолженность перед Китаем не столь существенна, она может стать проблемой для экономического развития.

Ярким примером такого развития событий может служить Пакистан, где проект строительства первого в стране метрополитена Orange Line с поездами, оснащенными

кондиционерами, столкнулся с проблемой долгового кризиса. Дело не только именно в этом проекте. В целом госдолг Пакистана составляет почти 70% ВВП, что довольно много для развивающейся страны. Китай в свою очередь обещает профинансировать намеченные для строительства объекты на 60 млрд долл. На его долю может приходиться 50% обязательств. С большой вероятностью именно из-за них ведутся переговоры с МВФ о предоставлении финансовой помощи. В январе 2018 г. Пакистану пришлось отказаться от предполагаемого строительства электростанции стоимостью 1,6 млрд долл. совместно с КНР²⁴.

В августе 2018 г. в Малайзии были заморожены китайские проекты на сумму 22 млрд долл. по причине завышенной цены и количества займов. Также было отменено строительство трех нефте- и газопроводов с затратами 3 млрд долл. Продолжаются дебаты по прокладке железной дороги длиной 688 км. на восточном побережье страны, являющейся частью пути из Китая в Сингапур. Изначально речь шла о 13,4 млрд долл., а к сегодняшнему дню сумма возросла до 20 млрд долл. Внешний долг Малайзии приближается к 250 млрд долл., и значительная его часть падает на китайские проекты, на выплату которых и процентов по ним Малайзия предоставила государственные гарантии²⁵.

Шри-Ланка взяла крупные кредиты у Китая для строительства морского порта Хамбантота. Для обеспечения займов Китаю ею был передан контроль над портом и 15 000 акров земли вокруг него в аренду на 99 лет²⁶.

Аналогичные проблемы наблюдаются в Непале, Индонезии, Мьянме, Бангладеш и некоторых других азиатских странах.

В последние 20 лет Китай активно развивает связи с африканским континентом, превратившись в его крупнейшего инвестора и кредитора. По некоторым оценкам, китайские власти, банки и подрядчики одолжили африканским правительствам и госкомпаниям около 143 млрд долл. в 2000–2017 гг.²⁷.

Сейчас Африка для КНР — это прочный тыл, богатый различными природными и другими ресурсами, а Китай стал основным экономическим и торговым партнером всего материка. Результат сотрудничества свидетельствует о выходе на новый уровень этого процесса в XXI веке, включая и дипломатическую сферу. Так, например, по некоторым данным, за каждые 10% поддержки предложений КНР в ООН она увеличивает свои финансовые инвестиции в Африку на 86%. Не остается без внимания военная сфера: в Джибути Китай построил военную базу, где и размещено несколько десятков подводных лодок и присутствует 5 тыс. солдат²⁸.

Начиная с 2010 г. Китай предоставил странам Латинской Америки кредитов на сумму свыше 123 млрд долл. Однако не все они оказались эффективными²⁹.

Так, в ноябре 2016 г. была введена в строй плотина Coca Codo Sinclair, построенная в Эквадоре при помощи КНР. Геологи неоднократно предупреждали об опасности землетрясений и нецелесообразности возведения этого гидротехнического сооружения ввиду неблагоприятных последствий природного характера. Сейчас электростанция работает на 50% проектной мощности. При этом только по процентам Эквадор должен возвращать Китаю 125 млн долл. в год, а кредит выдан под 7% годовых на 15 лет, и долг погашается на 80% нефтью, а не долларами США³⁰.

Взаимодействие Китая со странами Центральной и Восточной Европы начиная с 2012 г. проходит в формате «16+1»³¹. Изначально предполагалось создание специальной кредитной линии в размере 10 млрд долл., финансирование инфраструктурных проектов; развитие высоких технологий; учреждение фонда инвестиционного сотрудничества; предоставление 5 тысяч студенческих стипендий для прохождения учебы в КНР; оживление сотрудничества в области туризма, образования и культуры; выделение Китаем 2 млрд юаней для научных контактов и т.д.³².

Первым крупным инфраструктурным проектом в Европе стал открытый в Белграде (Сербия) в 2014 г. Пупинов мост через р. Дунай. По контракту Министерство фи-

нансов этой страны должно выплатить Экспортно-импортному банку Китая 217,4 млн долл. в течение 18 лет и приобрести товары, технологии и услуги предпочтительно у КНР, а все юридические споры разрешать на китайской территории.

Черногория начала испытывать финансовые трудности из-за строительства автомагистрали, которая должна связать Центральную Европу с портом Бар на Адриатическом море. Сейчас долг Черногории Экспортно-импортному банку Китая и China Road and Bridge Corp составляет около 1,1 млрд долл. за кредит на строительство участка длиной 40 км. Пока работы приостановлены³³.

Усиление долговой неустойчивости в результате участия в ОПОП многих стран вызывают тревогу у МВФ и крупных кредиторов, входящих в Парижский клуб, у которого есть схемы реструктуризации задолженности бедных стран, серьезно отягощенных внешним долгом. Дело в том, что некоторые участники ОПОП уже обращаются за помощью в связи с затруднениями по обслуживанию долга к этим международным организациям³⁴. В свою очередь Китай, понимая всю сложность ситуации с задолженностью зарубежных реципиентов и негативную реакцию авторитетных международных институтов, собирается модернизировать свою политику зарубежного кредитования, включая систему обслуживания и реструктуризации ранее выданных кредитов. Однако пока в этом отношении ничего не сделано.

Россия и ОПОП

Де факто Россия участвует в ОПОП по своеобразной схеме. В мае 2015 г. по ее инициативе было заключено соглашение, предусматривавшее постепенное сопряжение проектов Шелкового пути и ЕАЭС. Использование ЕАЭС, включающий страны из стратегического окружения Китая, как одной из сторон сопряжения также позволяло усилить гибкость переговорных позиций России. В то же время Китай, который был заинтересован в широком международном признании своего проекта, дипломатично согласился с такой схемой, хотя не понимал до конца уровень компетенций и структуру управления ЕАЭС и предпочитал двусторонние договоренности.

Хотя понятие сопряжения толковалось достаточно широко и расплывчато, многие китайские и некоторые российские эксперты считали, что речь должна идти о создании преференциальной ЗСТ³⁵. Именно в это время началась подготовка Соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, а также изучение возможностей подготовки подобных соглашений с другими странами. Однако проработка вопросов образования ЗСТ ЕАЭС — Китай показала, что страны ЕАЭС не готовы к такой форме взаимодействия даже при условии максимального ограничения правил свободной торговли. Не случайно, что обсуждение вопроса проходило в течение 3 лет и закончилось в мае 2018 г. подписанием не преференциального торгово-экономического соглашения ЕАЭС и Китая, которое носит слишком общий и необязательный характер и явилось формальным ответом на несостоявшиеся пожелания лидеров России и Китая по сопряжению. В то же время это соглашение создало определенную базу для дальнейшего развития отношений в таком формате.

В силу различных причин не получили и некоторые широко разрекламированные в СМИ проекты, например, высокоскоростная магистраль (ВСМ) Москва — Казань. Не заинтересовало Китай и участие в модернизации БАМа и Транссиба.

Не оправдались надежды на китайские кредиты, необходимость в которых остро возросла в условиях западных санкций. Китай отказался от финансирования трубопровода «Сила Сибири», для которого «Газпром» был вынужден искать другие источники (9 млрд долл.)³⁶. Не вышло получить китайские деньги на достройку крупнейшего в России завода по переработке газа в Амурской области.

Те немногие кредиты, которые удалось получить, по большей части исходили от государственных ЭксимБанка и Китайского банка развития, ставивших условия закупки

на одалживаемые средства товаров и услуг только в Китае. Многим россиянам, имевшим счета для коммерческой деятельности в китайских банках, приходили сообщения с требованием представить реквизиты для перевода средств, иначе счета угрожали заморозить³⁷. В этом отношении сказались западные санкции против России, к которым Китай хотя и не присоединился де-факто, но связанные с этим риски невольно учитывали китайские компании и банки.

С 2016 г. не удается реализовать проект по размещению на Московской бирже по российскому законодательству бондов, номинированных в юанях. Это позволило бы привлечь в Россию дополнительные капиталы. Однако эта идея противоречит финансовой политике Китая, допускающего зарубежных заемщиков только для приобретения панда-бондов, которые обращаются исключительно на китайском рынке. Для выведения денег за пределы КНР необходимо специальное распоряжение.

Из разовых инвестиционных проектов можно вспомнить сделку Фонда Шелкового пути (ФШП), которую лишь относительно можно отнести к проекту ОПОП. ФШП в 2016 г. купил за 1 млрд евро около 9,9% в проекте НОВАТЭКа «Ямал СПГ», 20% акций которого в 2013 г. приобрела китайская CNPC. В январе 2017 г. Sinopet стала обладателем 10% компании СИБУР за 1,3 млрд долл. В июне 2017 г. «Роснефть» продала компании Beijing Gas 20% акций «Верхнечонскнефтегаза» за 1,1 млрд долл.³⁸.

Не удалось существенно увеличить взаимную торговлю и осуществить позитивные для России сдвиги в ее структуре. Практически весь рост по сравнению с 2014 г. пришелся на группу «топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки». При этом не произошло заметной переориентации торговли с западного направления на восточное (рис. 4).

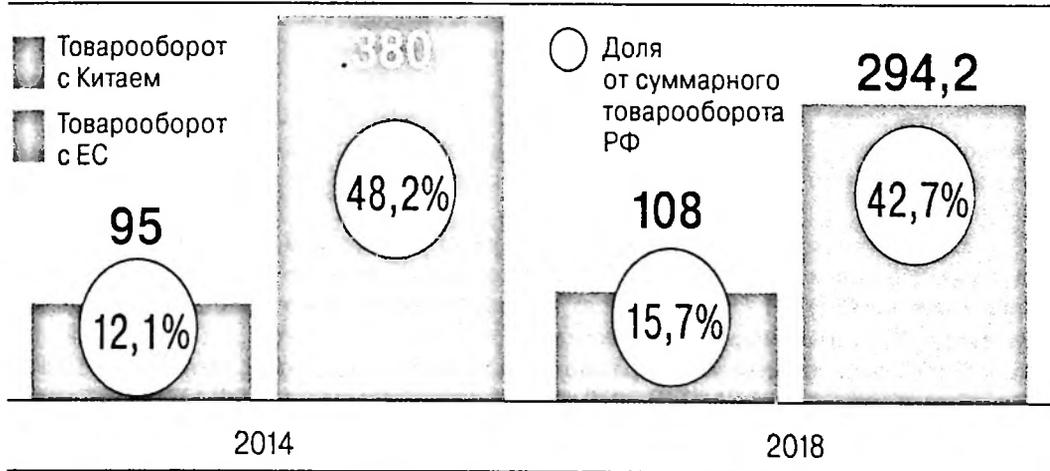

Рис. 4. Торговля России с ЕС и Китаем в 2014–2018 гг.

Источник: Коростиков М. Дружба на расстоянии руки. Как Москва и Пекин определили границы допустимого // Коммерсантъ. 31.05.2019.

Расширяется, хотя и не так быстро, объем расчетов в рублях и юанях во взаимной торговле. К примеру, в 2014–2018 гг. доля таких расчетов в российском экспорте выросла с 1% до 5%, в импорте — с 4,5% до 11,5%³⁹.

Все это несколько охладило отношение России к проекту ОПОП, в то время как некоторые другие страны ЕАЭС предпочитали договариваться с Китаем на двусторонней основе и добились благодаря этому большего прогресса в интеграции с китайской эконо-

микой, чем Россия⁴⁰. Фактически ОПОП стал конкурентным проектом по отношению к ЕАЭС, «размывая» его и вызывая определенные дезинтеграционные тенденции в данном объединении⁴¹.

В 2019 г. произошел очевидный перелом во взаимоотношениях России и Китая и наметилась линия на углубление их экономического взаимодействия. В определенной мере это связано с обострением отношений Китая с США и их усиливающейся экономической войной. Россия, конечно, не может в экономическом плане заменить Америку, однако в столь жесткой геополитической и геоэкономической борьбе Китаю нужен более тесный контакт с таким авторитетным и мощным в военном отношении союзником, как Россия сегодня. Кроме того, в современном мире чисто экономическая выгода не всегда является главенствующим принципом. В напряженной геополитической обстановке на первый план выходят вопросы безопасности. Это касается, например, транзита через Россию, который, может быть, дороже альтернативных вариантов, но более надежен.

Намечается расширение сотрудничества в разных областях. Это прежде всего сфера энергетики. В 2019 г. НОВАТЭК заключил соглашения с китайскими СНООС и СНОДС (дочерняя структура СNPC) по продаже каждому из них по 10% в проекте по сжижению газа «Арктик СПГ-2».

В ответ на такие шаги со стороны России Китай открывает доступ на свой рынок. НОВАТЭК и «Газпромбанк» подписали соглашение с китайской нефтехимической компанией Сипорес, которое не только позволяет гарантировать сбыт производимого СПГ, но и открывает возможности инвестирования в развитие сегмента конечного потребления на одном из крупнейших и быстрорастущих рынков газа и СПГ в мире⁴².

Китай получил согласие России увеличить объем поставок по «Силе Сибири» с 38 млрд до 44 млрд куб. м. В Китае с помощью Росатома будут построены 2 новых энергоблока с реакторами ВВЭР-1200 поколения «3+» на АЭС «Тяньвань». Согласовано строительство в КНР еще одной атомной станции по российскому проекту на новой площадке АЭС «Сюйдапу». При содействии России в Китае также будет возведен демонстрационный реактор на быстрых нейтронах.

Очень важно и то, что начинает расширяться взаимодействие двух стран в сферах высоких технологий. Так, МТС и китайская Huawei подписали соглашение о развитии технологий 5G и пилотных запусках в России в 2019–2020 гг. сетей связи пятого поколения⁴³.

Новым перспективным направлением участия России в проекте ОПОП может стать участие Китая в освоении СМП. По некоторым оценкам, после 2020 г. КНР сможет осуществлять по СМП от 5 до 15% своих контейнерных перевозок из Шанхая и Даляня в Мурманск (РФ) либо Киркенес (Норвегия)⁴⁴.

Китай подключится к программе строительства ледоколов, которые обеспечат постоянную эксплуатацию СМП. В 2019 г. заключено соглашение НОВАТЭКа, «Совкомфлота», COSCO и Фонда Шелкового пути о создании СП по развитию флота ледокольных танкеров арктического класса ООО «Морской арктический транспорт». При этом китайская сторона предоставит большую часть засмных средств для строительства арктического флота.

КНР выступила с предложением к РФ о создании Банка освоения океана, имея в виду в первую очередь Северный Ледовитый. Этот институт будет финансировать совместные экономические и научные проекты в Арктике.

Расширится сотрудничество России и Китая в таких перспективных сферах, как сельское и лесное хозяйство, туризм. Большие возможности в разных сферах открывает взаимодействие в развитии цифровой экономики.

Усиливается участие негосударственного бизнеса в проекте ОПОП. Так, намечается строительство платной автотрассы «Меридиан», которая протянется от Казахстана до Белоруссии и обеспечит кратчайшую сухопутную связь между Китаем и Европой. Ее

сооружение потребует инвестиций примерно в 9,5 млрд долл. Автотрасса станет частью ОПОП и может переместить часть грузооборота между Европой и Китаем с морского транспорта на наземный. Реализация этого проекта будет иметь синергетическое влияние на экономику, в том числе для развития прилегающих районов, для увеличения производства автомобилей для грузоперевозок, в том числе автомобилей без водителей, и т. п.

Выводы

Проект ОПОП фактически вступил в новую стадию своего развития, когда более четко определились его основные контуры, методы и формы взаимодействия, а также проявились многие проблемы реализации. Эту стадию директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард назвала BRI 2.0, когда необходимо извлечь уроки из проделанной работы и решать новые более сложные задачи. По ее мнению, BRI 2.0 может извлечь выгоду из повышения прозрачности, открытых закупок с конкурентными торгами и лучшей оценки рисков при подготовке проектов⁴⁵.

ОПОП не является панацеей для участников проекта, он может стать только важным вспомогательным инструментом для их экономического прогресса. Основная тяжесть своей структурно-технологической модернизации и социальной стабильности лежит на суверенных государствах. На них же приходится вся ответственность по принятию решений о степени, формах и рисках участия в китайском ОПОП.

В связи с этим очень непростые задачи встают перед Россией, находящейся в сложном геополитическом и экономическом положении. Для нее необходимо более эффективно использовать возможности Китая в области инфраструктуры, развития отраслей, обеспечивающих производство больших объемов добавленной стоимости, ряда технологических видов деятельности.

Очень важным направлением взаимодействия двух стран должно стать развитие неформальных связей «снизу» — на уровне частных компаний, прежде всего, малого и среднего бизнеса, регионов, некоммерческих организаций и т.п. Именно данные связи получают все большее развитие в условиях интернетизации и цифровизации мировой экономики и определяют новый этап глобализации (Глобализацию 4.0).

Вместе с тем необходимо учитывать собственный опыт сотрудничества с Китаем, а также уже проявившиеся негативные последствия участия в ОПОП других стран, постоянно корректируя имеющиеся механизмы взаимодействия. Только такой, взвешенный и гибкий, подход может стать рациональным маршрутом России по данному непростому китайскому пути.

1. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» (2019). Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути»: прогресс, вклад и перспективы. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках КНР. С. 15–43.
2. «Полярный шелковый путь» будет раздвигаться в Беринговом проливе. Западный маршрут должен пойти по Северному морскому пути (СМП) и связать Китай с Россией и скандинавскими странами — Швецией, Норвегией, Финляндией. Восточное направление — с Канадой, Данией, включая два ее автономных региона, Гренландией и Фарерскими островами, Исландией.
3. Huang K., Zhou L. China's 'Belt and Road Initiative': after five years, is the bloom off the rose? URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2166727/chinas-belt-and-road-initiative-after-five-years-bloom-rose>
4. Facts and figures: Belt and Road Initiative. URL: <https://www.telegraph.co.uk/china-watch/business/about-belt-road-facts-figures/>
5. Там же.

6. *Kozul-Wright R., Poon D.* (2019) China's belt and road isn't like the Marshall Plan, but Beijing can still learn from it. URL: <https://unctad.org/en/Projects/BRI-Platform/Pages/newsde-tails.aspx?OriginalVersionID=1984>.
7. *Desjardins J.* (2018) Mapped: China's most ambitious megaproject — the new Silk Road. URL: <https://www.businessinsider.com/chinas-most-ambitious-megaproject-the-new-silk-road-mapped-2018-3>.
8. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» (2019)... С. 15–43.
9. The World Bank (2019) Belt and Road Economics. Opportunities and risks of transport corridors. 18 June. P. 13. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors>.
10. Will the Trans-Pacific Partnership Agreement Reshape the Global Trade and Investment System? What's In and What's New: Issues and Options. Global Agenda Council on Trade & FDI. 2016. 52 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_White_Paper_Whats_in_and_whats_new.pdf.
11. Хейфец Б.А. Новые экономические мегартнерства и Россия. СПб.: Алетейя, 2019. С. 76.
12. *Li K.T.; Bell D.R.* Estimation of average treatment effects with panel data: Asymptotic theory and implementation. *J. Econom.* 2017, 197, 65–75.
13. IBON International (2019) The Belt and Road Initiative: A new road or a dead-end for peoples' development? Policy Brief. P. 6. URL: <http://www.iboninternational.org/policy-briefs/BRI-new-road-dead-end>.
14. *Thompson A.* (2019) China's Silk Road Plan Facing Problems. URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/china-silk-road-plan-facing-problems/4203867>.
15. *Kliman D., Rush Doshi R., Lee K. and Cooper Z.* (2019) Grading China's Belt and Road. April. P. 2. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/beltandroad>.
16. Pakistan, Nepal, Myanmar Cancel Chinese Projects. URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/pakistan-nepal-myanmar-cancel-chinese-projects/4150396.html>.
17. Pakistan, Nepal, Myanmar Back Away From Chinese Projects. URL: <https://www.voanews.com/east-asia/pakistan-nepal-myanmar-back-away-chinese-projects>.
18. Thailand says 'making progress' with high-speed Thai-Chinese railway. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-thailand-railway/thailand-says-making-progress-with-high-speed-thai-chinese-railway-idUSKC№1S01F8>.
19. Tanzania's China-backed \$10 billion port plan stalls over terms -official. URL: <https://af.reuters.com/article/tanzaniaNews/idAFL5№22Y26W>.
20. *Huang K., Zhou L.* Op. cit.
21. *Bohman V., Mardell J. Romig T.* (2018) Responding to China's Belt and Road Initiative: Two steps for a European strategy. URL: <https://www.merics.org/en/blog/responding-chinas-belt-and-road-initiative-two-steps-european-strategy>.
22. *Kakissis J.* (2018) Chinese Firms Now Hold Stakes In Over A Dozen European Ports. URL: <https://www.wprl.org/post/chinese-firms-now-hold-stakes-over-dozen-european-ports>.
23. *Horn S., Carmen M. Reinhart C.M., Trebesch C.* (2019) China's Overseas Lending. NBER Working Paper № 26050. URL: <http://www.nber.org/papers/w26050>. P. 4–5.
24. Cash-strapped Pakistan asks China to shelve US\$2 billion coal plant. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2182326/cash-strapped-pakistan-asks-china-shelve-us2-billion-coal>.
25. China yields on Malaysia's ECRL, as 'debt trap diplomacy' re-examined. URL: <https://www.nst.com.my/world/2019/04/478985/china-yields-malaysias-ecrl-dcbt-trap-diplomacy-re-examined>.
26. China signs 99-year lease on Sri Lanka's Hambantota port. URL: <https://www.ft.com/content/e150ef0c-de37-11e7-a8a4-0a1e63a52f9c>.
27. Штраус Д. Китайские займы заставляют бедные страны обращаться к МВФ // Ведомости. 24.11.2018.
28. Interview: China's "inevitable" success raises opportunities for Africa, globe — UN official. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/10/c_138214114.htm.
29. The Reasons for China's Cooling Interest in Latin America. URL: <https://www.americasquarterly.org/content/how-beijing-sees-it>.
30. It Doesn't Matter if Ecuador Can Afford This Dam. China Still Gets Paid. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/24/world/americas/ecuador-china-dam.html>.

31. 16 стран — Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словения, Словакия, Черногория, Чехия, Хорватия, Эстония.
32. Mapping Europe-China Relations A Bottom-Up Approach. URL: <https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/ETNC%20Report%20-%20Mapping%20Europe-China%20Relations%20A%20Bottom-Up%20Approach%20-%20October%202015.pdf>.
33. Chinese 'highway to nowhere' haunts Montenegro. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-europe-montenegro-insi/chinese-highway-to-nowhere-haunts-montenegro-idUSKBN1K60QX>.
34. Hurley J., Morris S., Portelance G. Op. cit.
35. Хейфец Б.А. Экономический пояс Шелкового пути — новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5.
36. Russia's \$55bn pipeline gamble on China's demand for gas. URL: <https://ig.ft.com/gazprom-pipeline-power-of-siberia/>
37. Коростиков М. Дружба на расстоянии руки. Как Москва и Пекин определили границы допустимого // Коммерсантъ. 31.05.2019.
38. Rosneft and Beijing Gas close the deal for sale and purchase of 20% shares in Verkhnechonskneftegaz. URL: <https://www.rosneft.com/press/releases/item/187075/>
39. The World Bank (2019) Belt and Road Economics. Opportunities and risks of transport corridors. 18 June. P. 13. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors>.
40. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.
41. Хейфец Б.А. Экономический пояс Шелкового...
42. Лекух Д. (2019) Договор года: что Китай дал России и почему это сенсация для Европы. URL: <https://ruposters.ru/news/11-06-2019/kitai-dal-rossii-dogovor-goda>.
43. China's Huawei signs deal to develop 5G network in Russia. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jun/06/chinas-huawei-signs-deal-to-develop-5g-network-in-russia>.
44. First Chinese merchant ship on Northern Sea Route. URL: <https://barentsobserver.com/en/arctic/2013/08/first-chinese-merchant-ship-northern-sea-route-12-08>.
45. Lagarde Ch. BRI 2.0: Stronger Frameworks in the New Phase of Belt and Road. 26 April. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2019/04/25/sp042619-stronger-frameworks-in-the-new-phase-of-belt-and-road>.

40-летие реформы и проблематика общей факторной производительности в КНР

© 2019

З.А. Муромцева

Важной вехой в реформировании госсектора КНР явилось решение пленума ЦК КПК о создании системы современных предприятий. Принятое в 1993 г., оно, во-первых, обернулось альтернативой почти совпавшими с ней по времени залоговым аукционам и тотальной деиндустриализации в РФ, во-вторых — предвосхитило идеи индустриализации нового типа (наукоемкая экономика с опорой на ресурсосбережение, модернизация, защита экологии). 24 года спустя эти новации получили развитие и углубленное толкование: XIX съезд КПК поставил задачу повысить общую факторную производительность, формируемую независимо от затрат труда и капитала в силу влияющих на ее стоимость долговременных научно-технологических инноваций. Рост общей факторной производительности, казалось, предопределил успешность дальнейшего пути, но непредсказуемость мировой экономики осложнилась из-за соперничества Китая с США.

Ключевые слова: реформа госпредприятий, институционализация технико-технологического и инновационно-информативного развития, социальный капитал, общая факторная производительность, индекс новой экономики.

DOI: 10.31857/S013128120007994-4

Предпосылки системы современных предприятий

Экономической реформе Китая изначально сопутствовали крупные вложения материальных, людских и финансовых ресурсов, гарантом успешности служили институционализация и приоритет экономики знаний, новой техники и технологий. Экономика, руководимая КПК и правительством Китая, была ориентирована на оптимальное использование преимуществ его внешнего и внутреннего рынков для создания производственной системы, опирающейся на новые технологии и современные знания. Активно включаясь в экономическую глобализацию, материальный капитал КНР снискал немало выгод в научно-технической и технологической сферах.

На рубеже миллениума Китай смог приобщиться к информационно-компьютерным технологиям, к интенсификации таких факторов производства, как все формы капитала (человеческого, материального, финансового), в повестку дня вступило формирование социального капитала на базе интеграции индустриального развития и информатики.

Расширение информационного поля социальных сетей укрепляло коллективные усилия в экономическом и социальном развитии, связывало успешно формируемый социальный капитал с ускоренным развитием финансовых инструментов и технологий, повышало уровень инноваций. Такой капитал может, как оказалось, быть инвестирован в производство, стать реальным фактором повышения добавленной стоимости.

В ходе реформы под девизом «социализма с китайской спецификой» успешно регулировались и совершенствовались отношения между государством, обществом и рынком, развивались индивидуальное, мелкое и среднее предпринимательство. Уже с середины 1990-х годов наметились глубокие перемены. Активное вовлечение в международное разделение труда заострило внимание на интеграции отечественного и зарубежного рынков. Благоприятную роль сыграл переход под китайскую юрисдикцию Гонконга и Макао, присоединение КНР к ВТО, упрочившие ее место в мировой конкуренции. Информатизация, преобразующая производство и рынок, более высокая ступень глобализации и концентрации капитала, нацеленного на коммерческое использование инноваций (чьи источники — образование и накопление интеллектуального капитала) повысили шансы Китая проявить потенциальные преимущества развития. При этом развитие экономики знаний, «новой экономики» есть не просто научно-техническая революция, но и «революция системы и культуры»¹ революции знаний (хотя последняя пока еще считалась прерогативой развитых, а не развивающихся стран).

Оптимизация экономической структуры в новых условиях ставила задачу освоения все новых (преимущественно информационных) технологий, информационных сетей, сочетавших информатику с индустриализацией, оснащавших традиционные производства передовыми технологиями и оборудованием.

Вопреки перенаселенности, ограниченности энергоресурсов, сырья и материалов, загрязнению окружающей среды Китай, стремительно ворвавшись на финише XX века в элиту мирового сообщества, обрел возможность сконцентрировать финансовые, научно-технические, материальные средства и кадры высокой квалификации для реального прорыва в ряде отраслей.

Новые и высокие технологии, инновации, экономика знаний — все это внимательно изучалось, бралось на вооружение как источники экономического роста и как инструменты индустриализации нового типа. Этому служило и сотрудничество с китайской диаспорой за рубежом. Членство КНР в ВТО содействовало появлению новых импульсов реформирования государственной промышленности и принятию программ обновления технологий.

Руководствуясь достаточно взвешенной макроэкономической политикой, развивая экспортно ориентированное производство, сочетаемое с интересами внутреннего рынка и отечественного потребителя, КНР достигла в 2012 г. статуса второй после США промышленной экономики мира.

За первое десятилетие после присоединения к ВТО в наиболее развитых районах (городах центрального подчинения, провинциях Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун и некоторых других анклавах) были подготовлены позиции для перехода к новой модели технологического развития — индустриализации нового типа, базирующейся на наукоемком и высокотехнологическом производстве.

Впрочем успешное продвижение к решению задач повышения международного статуса и улучшения внешней среды развития пока еще не означали обретения полного цикла современного производства, включая все звенья технологических разработок и рыночную реализацию с высокой добавленной стоимостью.

2016 год расценивается в китайской научной литературе как рубеж обретения новых движущих сил в новую эпоху развития социализма с китайской спецификой. Фактором перехода на новые точки роста служит, как здесь считают, то обстоятельство, что прирост новых рабочих мест в отраслях с высокой добавленной стоимостью превысил этот показатель в традиционном производстве на 10%. В 2018 г. вклад НТП в экономический рост достиг 58,5%. Новые конкурентные преимущества КНР в интеграции промышленности, особенно передовых отраслей обрабатывающей промышленности и коммерциализации услуг мобильной связи 5G в сфере управления могут дать постоянно возрастающее повышение добавленной стоимости в высоких звеньях производственной це-

почки. Новые отраслевые кластеры благодаря введению стандартов 5-го поколения мобильной связи открывают доступ к таким новым технологиям, как искусственный интеллект, робототехника, беспилотники, и т.д. Коммерческая установка базовых станций сети 5G, ожидаемая в ближайшее время, включает, по мнению авторитетных экспертов, США, ЕС, Республику Корею, Японию и КНР.

Переход к системе корпораций

Организационные формы в китайской системе современных предприятий включали компании с ограниченной ответственностью, акционерные компании с ограниченной ответственностью, компании с государственным холдингом и, наконец, компании, основанные полностью на государственном капитале. Охватывавшие примерно 2000 предприятий военно-промышленного, топливно-энергетического комплексов и других важных отраслей, они, по предварительным расчетам, должны были превратиться в корпорации со 100-процентной госсобственностью.

В 1991–1995 гг. государство сосредоточило усилия на преобразовании 1000 крупных госпредприятий и их объединений. В тот период были созданы крупные межотраслевые и межрегиональные государственные объединения, чье промышленное производство включало технологические разработки и торговлю с правом экспортно-импортных операций. В 1990-е годы число таких объединений возросло с 57 до 120. К началу 2000-х годов 512 важнейших госпредприятий, чьи основные фонды составляли 55% всех государственных фондов промышленности (давали 68% прибыли и свыше 85% налогов)², играли лидирующую роль в обеспечении конкурентоспособности промышленности КНР.

Продажу своих акций на биржах в 2000 г. осуществляли 1086 предприятий, а в 2006 г. число таковых возросло до 1434 (без указания стоимости их ликвидных акций)³. В 2000 г. был опубликован опытный образец «Основных направлений создания и усиления управления современной системы предприятий на крупных и средних госпредприятиях» (из 69 статей)⁴. К тому времени результаты работы НИИ стали встраиваться в рыночную экономику путем заключения контрактов о совместной деятельности, технологические трансферты. Доля трансформирования научных исследований в экономическую прибыль оставалась главной заботой регулирования индустриальной структуры и оптимизации производства. Объем сделок на рынке технических достижений в 1997 г. составлял тогда лишь 35 млрд юаней. Но «Программой научно-технических достижений до 2010 г.» предусматривался качественный скачок: уже в 2000 г. достичь суммы 80 млрд, в 2010 г. — 160 млрд. Еще два года спустя этот показатель достиг 300 млрд юаней.

Итак, ускоренное развитие рынка технологий свидетельствовало о формировании нового хозяйственного механизма и в научно-технической сфере. Внимание было сосредоточено на точках роста, каковыми являлись отобранные предприятия, работавшие в режиме современных корпораций, особенно в отраслях, обеспечивающих научно-технологический прогресс и инновации.

В ходе реформы, проводимой в русле социалистической рыночной экономики, преобразование и реструктуризацию госсектора надлежало реализовать таким образом, чтобы обеспечивались его прибыльность и самофинансирование.

В 2010 г. в структуру «современной системы предприятий» входили 120 предприятий центрального подчинения. Из них 53 компании, по мнению международных экспертов, находятся под непосредственным надзором Орготдела ЦК КПК, а лица, эти компании возглавлявшие, могли приравняться по своему статусу к министрам и председателям провинциальных правительств. В число этих компаний были включены: 10 корпораций в электроэнергетике, три — в атомной, три — в нефтегазовой, две — в химической, три — в железорудной и сталелитейной промышленности, две — в машиностроении, пять — в авиастроении, две — в металлургии, три — в электронике, две —

в аэрокосмической промышленности, четыре — в телекоммуникациях, две — в автомобилестроении, четыре — в судостроении, две — в сфере транспорта и логистики, три — в пищевой промышленности, одна — в военно-промышленном комплексе и две — в производстве стройматериалов⁵.

Принципы «современной системы предприятий» предусматривали: вовлечение в рыночную конкуренцию структуры корпоративного управления, нормативы бухгалтерского учета, учреждение советов правления, формирование системы ответственности за ошибочные решения и повышение уровней механизма управления, а также за формирование развитого фондового рынка внутри страны и активное присутствие китайских фирм на мировых биржах.

Особое внимание уделялось качественным параметрам предприятий госсектора центрального подчинения, их роли в модернизации экономики, в создании информационно-инновационной среды для будущего развития.

Пути к общей факторной производительности

В начале 2013 г. три инстанции — Министерство промышленности и информатизации КНР, Комитет по делам развития и реформ, Министерство науки и техники создали группу по продвижению IMT-2020 (5G) — пятого поколения мобильной связи, тем самым начав технологические изучение и планирование спутниковых сетей с акцентом на проблемы спектра 5G, ключевые технологии и стандартизацию. При этом был введен первый в мире экспериментальный проект по использованию пятого поколения мобильной связи, где главная роль отводилась Центральному правительству⁶.

Если до этого (при уровне 4-го поколения мобильной связи) в КНР были заимствованы и имитированы зарубежные разработки, то «в эпоху 4G система TD-LTE, самостоятельно разработанная в КНР, уже стала, по утверждению китайской печати, ведущим международным стандартом»⁷. Развитие крупных корпораций центрального подчинения и внедрение государственного проекта правительства IMT-2020 требовали крупных инвестиций на основе углубления реформы с использованием многоканальных вложений.

Задачи углубления реформы, поставленные перед современной системой госпредприятий осенью 2013 г. (на 3-м пленуме ЦК 18-го созыва), заключались в следующем:

- поощрение акционерных форм развития;
- укрепление госимущества посредством участия на рынке капиталов;
- разделение госпредприятий на монопольные и конкурентные;
- разделяемые между правительством и предприятиями политические решения и вопросы инвестиций;
- специальные разрешения на хозяйствование госкапиталом и правительственный контроль;
- отбор конкурентных операций и их отделение от функций хозяйствования;
- принятие корректировок для оценки производственной деятельности и эффективности хозяйствования;
- поощрение предпринимательской деятельности;
- маркетизация системы найма, нормирование окладов и допуск сотрудников к акциям.

Отметим, что решения упомянутого пленума уже в конце 2013 г. были конкретизированы в проекте «Руководящие положения об углублении реформы на госпредприятиях», подготовленном комитетами Госсовета КНР по контролю и управлению госимуществом и по земельным ресурсам.

В проекте были представлены основные болевые точки дальнейшего реформирования госпредприятий, которые нуждались в обсуждении и утверждении на основе институциональных и политических решений. Но только в 2019 г. на очередной сессии

ВСНП было наконец заявлено о завершении формирования политических установок «1+N» — «один главный документ плюс несколько комплектующих», согласно которым предстоит реализовать задачи, поставленные в 2013 году⁸.

Руководящая группа по всестороннему углублению реформ при ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином, созданная 30 декабря 2013 г., инициировала возможность передачи пакетов акций госкорпораций для формирования инвестиционных холдингов. Среди четырех типов финансовых учреждений присутствовал финансовый холдинг под руководством Комитета по управлению и контролю за госимуществом, включающий China Merchants Bank, контролируемый China Merchants Group, и три госпредприятия центрального подчинения, а также China Pacific Insurance (Group) Co. Ltd с компанией Baosteel в качестве наиболее крупного акционера⁹.

Примером образования смешанной собственности внутри страны может послужить корпорация Sinopec, крупнейший в КНР производитель в сфере очистки нефти и производства нефтепродуктов.

В сентябре 2014 г. она объявила, что полностью ей принадлежащая компания Sinopec Marketing Co. вступает в соглашение о капитальных вложениях с 25 китайскими и иностранными инвесторами, которые вложат 107,09 млрд юаней (17,41 млрд долл.) и получают 29,99% акций Sinopec Marketing Co. Оставшиеся 70,01% акций остаются у Sinopec. После завершения сделки зарегистрированный капитал Sinopec Marketing Co. возрастет с 20 млрд до 28,57 млрд юаней. Данная реорганизация предполагает сформировать структуру смешанных активов, включающую государственные и частные объекты. В числе 25 инвесторов Sinopec 9 квалифицированы как «стратегические» с инвестициями 32,69 млрд юаней (5,32 млрд долл.) при доле всех вложений в размере 30,5%. 12 инвесторов — китайские компании с вложениями в сумме 59 млрд юаней (при доле 55,1%). Среди 25 вкладчиков Sinopec 11 являются частными, их инвестиции составляют 38,29 млрд юаней (6,23 млрд долл.), удельный вес — 35,8% от всех вложений¹⁰.

Перестройка управления госактивами и совершенствование современной системы предприятий направлены на расширение государственно-частного партнерства, государственных специальных научно-технических программ, на совершенствование управления системой госкапитала и повышение доли отчислений от доходов по госкапиталу, вложенному в предприятия центрального подчинения.

Углубление реформы госпредприятий продолжается в интересах диверсификации видов госсобственности с упором на акционерные формы с целью совершенствования современной системы предприятий. Однако его реализация наталкивается на сложившиеся ведомственные, корпоративные, местнические и частные интересы.

Вступление КНР в «новую норму» экономического развития, характеризующуюся более низкими темпами роста, сопряжено с трудностями, связанными как с трансформацией структуры, экономическими нестыковками, рисками в процессе внедрения новых бизнес-проектов, так и с осложнениями в процессе торгово-экономических и глобальных процессов в мире. Благодаря обеспечению упорядоченного по законодательству оборота государственной доли в акциях предприятий, котирующихся на фондовых биржах, осуществление важных сделок по реорганизации госпредприятий формирует путь реализации бизнес-модели таких предприятий в сферах финансирования¹¹, обретает черты смешанной экономики и корпоративного управления. В такой корпоративной модели государство сохраняет за собой право конечной собственности.

Деятельность китайских корпораций на глобальном рынке служит интересам накопления средств для внутреннего развития страны, а также для реструктуризации факторов производства на базе процессов, происходящих в продвинутом международном бизнесе. Сотрудничество с мировыми корпорациями на основе прямых инвестиций, привлечение иностранных активов и квалифицированного персонала при государственном регулировании направлены на повышение уровня научно-технологического

и инновационного развития Китая в промышленном производстве, торговле и финансовой деятельности.

Государственная поддержка национальных компаний, осуществляемая в форме субсидий, налоговых льгот, финансовых кредитов и юридических услуг, сочетается с контролем за качеством производственных процессов, за качеством продукции, как и за возвратом в бюджет вложенных государством средств.

В процессе создания современной системы финансов обеспечивается контроль над финансовыми потоками, который служит интересам инвестиций, идущих в производство, и блокирует утечку капитала за рубеж, осуществляет также контроль за вложениями в сферы, не способствующие научно-технологическому подъему и росту реального сектора. Например, не поощрялись «нерациональные» инвестиции таких компаний, как Wanda, Anbang, HNA Group, Fosun, которые активно покупали зарубежную недвижимость, объекты развлечений и спорта.

Несмотря на масштабную денежную эмиссию, уровень кредитования в КНР регулируется ставкой рефинансирования, правительственные финансовые органы определяют предельность кредитования. Комитет по финансовым технологиям, созданный в 2017 г., оценивает влияние новых финансовых технологий на монетарную политику, финансовые рынки, клиринг и финансовую стабильность в стране.

Плоды смешанной экономики настолько возросли, что в середине 2-го десятилетия XXI в. они сулят возможность получения общей факторной производительности, которая возникает вне зависимости от трудовых и материальных затрат, и представляют собой одну из форм общественных вложений в образование, науку, передовые технологии, инновации, социально значимые проекты инфраструктуры, информатизации и урбанизации.

Итак, понятие «общая факторная производительность» (TFP — total factory productivity) будучи результатом долговременного подъема и изменений в технологическом развитии, определяет возможность повышения производства продукции вне зависимости от затрат труда и капитала.

TFP стал фигурировать в китайских научных изданиях сравнительно недавно. Влияние социального капитала на экономическое развитие, которое определяется вложениями в науку и образование, все шире изучается зарубежными исследователями, хотя до сих пор редко фиксировалось китайцами. Оценки касательно показателей TFP приходили в Китай преимущественно из-за рубежа. Так, аналитики компании Goldman Sachs первоначально оценили его примерно в 1,5%, к началу 2020-х годов он, по их мнению, может «подрasti» на один процентный пункт.

Китайские исследователи, оценивая экономический рост в стране на рубеже миллениума как самый высокий в мире, обращали главное внимание на инвестиции материального капитала и затраты человеческого труда. Попытки исследования общей факторной производительности в КНР начались недавно. Некоторые из них идут в рамках западного представления о гражданском обществе, в котором формируются доверие, ценности и нормы поведения, трудно передаваемые в рыночной сектор. Вместе с тем китайские исследователи справедливо отмечают, что в условиях Китая, где материальный капитал играет в экономическом производстве значительную роль, допустимо предположение о влиянии роста социального капитала и на общую факторную производительность в отдельных региональных анклавах. Предприняты попытки изучить влияние на общую факторную производительность таких факторов современного развития, как маркетизация, прямые иностранные инвестиции, патенты на изобретения, Интернет, урбанизация, инфраструктура, финансовые инструменты¹².

Индекс новой экономики

В 2016 г. в КНР был осуществлен анализ «индекса новой экономики» (NEI — new economy index)¹³. Это исследование проводилось под девизом «брать новое, отказываясь от старого». Концепция новой экономики проявилась в экспериментальном просекте правительства по использованию пятого поколения мобильной связи при реализации таких программ, как «Сделано в Китае — 2025» и «Интернет +». Выход на рынок на основе виртуальной платформы фиксируется в китайских программах новых моделей трудоустройства, долевого экономики, экономики совместного потребления и др.

Индекс NEI, разрабатываемый в КНР, есть показатель трансформации китайской экономики на пути интенсификации ее развития. Процесс определения и внедрения индекса новой экономики создает нелегкую проблему для традиционной китайской статистики, поскольку для его определения предстоит обработать огромный массив данных о современном экономическом состоянии системы. Но это необходимо для продвижения программ «Сделано в Китае — 2025» и «Интернет +». То есть ориентация на этот показатель может дать косвенные представления о развитии ТФР, поскольку в индексе новой экономики получают отражение повышение инвестиций в науку, технику, технологии и квалифицированный персонал.

Переход с экстенсивного пути развития на интенсивный требует поисков новых точек роста — в высокотехнологичном производстве в особенности. Создание группы ИМТ-2020 пятого поколения мобильной связи с главной ролью правительства КНР, а также такие программы, как «Сделано в Китае — 2025», «Интернет +», направлены на получение высокой нормы прибыли и повышение конкурентности китайской продукции за счет внедрения инноваций в производство высококлассного оборудования, «умное производство», «зеленое производство» и т.д.

При содержательности формулировок собственного инновационного развития КНР по-прежнему делает главную ставку на международное сотрудничество как направление деятельности показательных площадок, где используется передовое оборудование и зарубежные технологии. В их число включаются мобильная связь последнего поколения, интегральные схемы, авиационные двигатели, использование новых источников энергии и др. Переход реформирования в «глубоководную зону» сопряжен с необходимостью устойчивого расширения высокоуровневой открытости, внедрения новых финансовых технологий, вхождения в высший уровень цепочки производства качественных товаров и дальнейшую фазу экономической глобализации.

Решение всех вышеперечисленных задач с 2018 г. осложнилось вплоть до перехода Соединенных Штатов к сдерживанию дальнейшего развития Китая, до их негласного (а затем и гласного) решения замедлить программу «Сделано в Китае — 2025». Так появился тормоз на пути поставленной Китаем цели — достичь в ближайшие годы ощутимой факторной производительности, не зависящей от вложения материальных и трудовых ресурсов.

Путь развития, выраженный в формуле «китайская модель и западные стандарты», по которым действуют такие мировые гиганты КНР, как «Леново», «Хуавэй», «Хайер», «Баошань» и др., подвергся рискам из-за американской позиции по поводу разного рода санкций, роли ВТО, политики протекционизма, торгово-экономических пошлин и пр. Вершиной этого клубка противоречий являются проблемы интеллектуальной собственности.

Всемирно известные китайские корпорации опираются на отечественный рынок с ориентацией на международного потребителя. Осваивая зарубежный рынок, они соединяют его с практикой собственного рынка, вставая при этом на путь интернационализации своей продукции. Цель стратегической программы «Сделано в Китае — 2025» — создать новую модель управления развитием обрабатывающей промышленности на ос-

нове сети мобильной связи 5-го поколения. Такой подход обеспечивает в будущем сочетание интернет-технологий, больших данных и искусственного интеллекта с развитием реального сектора экономики. В свою очередь, именно общая факторная производительность, создаваемая в процессе новой индустриальной революции, составляет основу повышения нормы прибыли, существующей на собственной закольцованности производственной цепочки, при возможности повышать реальное производство без дополнительных материальных и финансовых затрат.

2025-й обозначен в КНР как год, сулящий возможность на основе непрерывного стимулирования и глубокого синтеза информатизации с производством раскрыть в полной мере его эффективность в деле превращения КНР в державу обрабатывающей промышленности и интернет-державу.

Торговые трения между США и КНР, затрагивающие такие болезненные для китайской стороны точки, как высокие технологии и права интеллектуальной собственности, чреватые угрозой для выполнения ранее разработанного двухэтапного плана модернизации с 2020 по 2035 г. и с 2035 по 2050 г. Препятствием в продвижении общей факторной производительности могут послужить, в частности, волнения в Гонконге, являющегося важным компонентом в формировании высокотехнологичного анклава «Большой залив».

Greater Bay Area — зона ускоренного экономического и инновационного развития на юге Китая, включающая Гонконг, Макао и девять городов провинции Гуандун. К 2035 г. правительство КНР намерено превратить ее в территорию инноваций и экономической активности, способную конкурировать с Кремниевой долиной США.

Как показывает анализ, китайское руководство стремится комплексно решать возникающие осложнения, при умеренном макрорегулировании, ориентируясь на возможность мультилатерализма, или нейтрализации угроз, создавая производственную систему, которая обеспечивает координацию развития реального сектора экономики, научно-технических инноваций, современного финансового сектора и людских ресурсов, коммерциализацию услуг мобильной связи в области управления.

При анализе источников повышения общей факторной производительности следует помнить, что западные исследования о роли социального капитала в национальном и региональном развитии, охватывающие более двух десятилетий, свидетельствуют как о позитивном, так и о негативном и смешанном его влиянии на экономический рост. Отдельные исследования этого процесса в КНР показывают ограниченность его влияния, хотя их авторы верят в то, что рост роли науки и образования в любом случае положительно повлияет на будущее развитие Китая.

* * *

Новая ступень социализма с китайской спецификой, провозглашенная на XIX съезде КПК, фиксирует такие положения, как стимулирование партиями выхода Китая в мировые лидеры экономического и научно-технического потенциала, привлечение китайской мудрости и китайского варианта решения проблем человечества. Как подчеркнуто в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде, уже заложен институциональный фундамент для развития и прогресса современного Китая¹⁴. В целях продолжения всестороннего углубления реформы этим съездом поставлена задача непрерывного стимулирования модернизации системы и потенциала государственного управления, поощрения и развития общественного сектора, поддержка и ориентирование необщественных секторов, стимулирование синхронности развития индустриализации нового типа, информатизации, урбанизация и модернизация сельского хозяйства: «В контексте экономического развития необходимо стимулировать ряд преобразований, нацеленных на повышение качества, рост эффективности и трансформации движущих сил, повышение общей факторной производительности»¹⁵.

При этом в материалах съезда КПК обозначены составляющие для достижения общей факторной производительности, которыми должны овладеть КПК и китайское общество при реализации планов модернизации страны к 2025, 2035 и 2050 г.

В разделе «Общая программа» Устава КПК, принятого на этом съезде, установлено: «Необходимо осуществить стратегию страны за счет развития науки и образования, стратегию укрепления государства за счет казны, стратегию стимулирования развития за счет инноваций, стратегию подъема села, стратегию согласованного развития регионов, стратегию устойчивого развития и стратегию военно-гражданской интеграции нации, полностью выявлять роль науки и технологий как первейшей производительной силы, полностью выявлять роль инноваций как первейшей движущей силы, ведущей за собою все развитие, опираться на научно-технологический прогресс, повышать личностные качества преемников, обеспечивая более качественное, более эффективное, более справедливое и более устойчивое развитие экономики»¹⁶.

Таким образом, в Уставе КПК, наряду с подтвержденным вниманием к обеспечению системности, целостности и согласованности проведения реформ и институционального развития, присутствует напрямую неназванная цель — достижение на основе научно-технологического прогресса устойчивости, а, следовательно, общей факторной производительности.

Эти положения резолюции XIX съезда КПК представляют собой сван, призванные поддерживать развитие смешанной экономики и трансформацию движущихся сил на пути продвижения социализма с китайской спецификой в новую эпоху достижения общей факторной производительности.

1. Жэньминь жибао. 15.03.2005.
2. Гою шиедэ гоцуй, сяньцзай хэ цзянлай: [Настоящее и будущее государственных предприятий]. Пекин, 1999. С. 183.
3. Чжунго тунцзи няньцзянь — 2007: [Китайский статистический ежегодник — 2007]. Пекин. С. 601.
4. См. подробнее: Муромцева З.А. Китайская Народная Республика: путь к индустриализация нового типа. М., ИДВ РАН, 2009.
5. China Quarterly. 2011. Sept. Vol. 211.
6. Китай, 2019. № 4. С. 50.
7. Там же.
8. Жэньминь жибао. 18.03.2019.
9. Beijing Review. 2014. October 2. P. 39.
10. Beijing Review, 2014. September 25. № 39. P. 38.
11. См. подробнее: Муромцева З.А. КНР: «Современная система предприятий» и подходы к новым финансовым технологиям // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 60–67.
12. China & World Economy. 2017. Vol. 25. № 4. July—August. P. 22–43.
13. Чжунго гайгэ. 2017. № 3.
14. Жэньминь жибао. 28.10.2017.
15. Там же.
16. Устав Коммунистической партии Китая, принятый с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 года.

Особенности развития Экономического пояса реки Янцзы

© 2019

М.В. Александрова, О.А. Татueva

Благодаря теплому и влажному климату, плодородию земли, обилию водных и минеральных ресурсов бассейн Янцзы стал одним из важных районов распространения и развития китайской цивилизации. Выгоды географического положения способствовали тому, что в конце XIX века в ее дельте предпочитал аккумулироваться иностранный капитал. Вдоль Янцзы, в основном, разворачивались 8-летняя японская агрессия и 4-летняя Гражданская война. Здесь же в годы первых двух успешных пятилеток были устранены последствия послевоенной разрухи и созданы с помощью СССР важные объекты металлургии, машиностроения, энергетики, мост через Янцзы. На этом фундаменте в дальнейшем, за 40 лет реформ и открытости, в данном регионе осуществлен успешный переход от индустриализации, с доминантой ее первичной и вторичной сфер, к высокотехнологичному производству.

Ключевые слова: Экономический пояс реки Янцзы, пространственное размещение, высокотехнологичные отрасли, транспортный коридор, диспропорции регионального развития.

DOI: 10.31857/S013128120008002-3

С 1964 г. в Китае развернулось строительство «третьей линии», в результате чего центр преобразований сместился на запад. Сычуань и Хубэй стали ключевыми районами освоения, что способствовало развитию среднего и верхнего течения Янцзы. Появление крупных промышленных предприятий повлекло быстрое развитие таких городов, как Шиян, Паньчжихуа, Дэян, Сянтан, Чжучжоу, Юэян, Хуайхуа, превратившиеся в новые «полюса роста» в среднем и верхнем течении Янцзы. Однако после вступления в силу на исходе 1970-х годов курса реформ и открытости возродилось внимание к ее нижнему течению и центр промышленного развития вновь сместился к востоку. Именно в то время профессором Лу Дадао, директором Института географии Китайской академии наук (КАН), было введено в научный оборот понятие «Экономический пояс Янцзы»¹.

Впрочем не меньшей популярностью пользуется наименование «Золотой треугольник Янцзы». И не без основания: охватывая лишь 2% территории и 10% населения страны, он производит 20% ее ВВП².

В 1980-х годах внимание было сосредоточено на развитии главной оси, сформированной вдоль речного и морского побережья и образующей на карте букву Т (рис. 1). В результате начали активно развиваться города Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо и Вэньчжоу.

Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.
E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru;

Татueva Ольга Андреевна, магистр ИСАА МГУ. E-mail: olga.tatueva@gmail.com.

В 1982 г. была сформирована и начала свою деятельность Шанхайская экономическая зона (ШЭЗ), включавшая 9 городов с центром в этом прибрежном мегаполисе.

Стратегия «Т-образного» развития КНР

Создание ШЭЗ сыграло важную роль в развитии экономики и межрегионального сотрудничества в дельте Янцзы. Около половины шанхайских компаний сотрудничали с предприятиями из Цзянсу и Чжэцзяна для предоставления им поддержки в технической, управленческой и экономической областях. ШЭЗ обеспечила привлечение новых зарубежных технологий и успешное продвижение местной продукции на внутреннем и внешнем рынках. В то время на этот район приходилось около 50% судостроительных и около 20% химических и металлургических предприятий страны³.

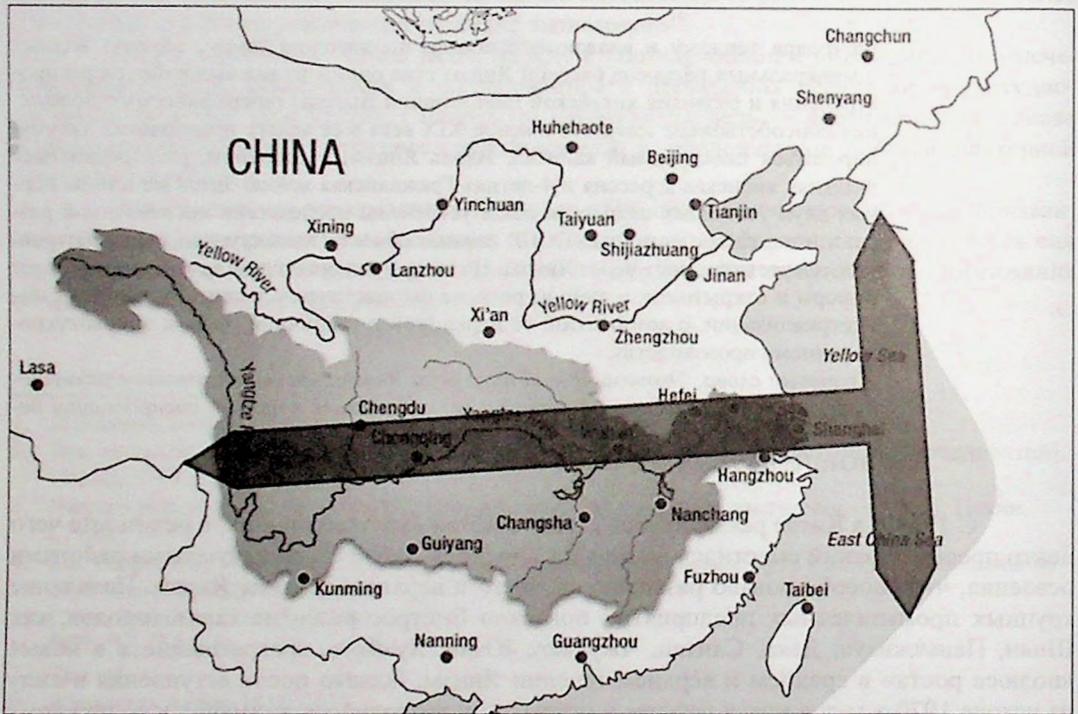

Рис. 1. Стратегия «Т-образного» развития КНР.

Источник: Maps China. URL: <https://maps-china-cn.com/china-yangtze-river-map>.

В 1990 г. центральное правительство приняло решение открыть и развивать район Пудун (позиционируя его как экспериментальное поле, призванное стать «окном» реформ и открытости в стране). Пудун не только помог Шанхаю стать основным экономическим, торговым и финансовым центром КНР, но и обеспечил поддержку для быстрого развития экономики дельты Янцзы, соединения Востока и Запада КНР.

В 1992 г. на XIV съезде КПК было предложено вслед за Пудуном развивать другие города вдоль русла Янцзы и в минимальные сроки превратить Шанхай в один из международных экономических, финансовых и торговых центров в масштабах всего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Под влиянием успешного опыта Пудуна, регион дельты реки Янцзы и другие прибрежные районы стали активно развиваться, укрепляя экономические связи с Шанхаем и координируя межрайонное разделение труда, что способствовало быстрому экономическому росту в регионе.

Строительство гидроузла «Сань ся» («Три ущелья»), переход Чунцина в статус города центрального подчинения и открытие для внешнего мира таких городов, как Ухань, Юэян и Цзюцзян — все это также влияло на экономическое развитие и углубление открытости региона.

С начала XXI века экономическое развитие все более ускорялось, чему способствовало строительство современной инфраструктуры, создание инновационной промышленности. По таким показателям, как производство ключевых отраслей, объем грузоперевозок, пропускная способность портов и плотность населения, регион Янцзы превзошел регион Рейна в Западной Европе⁴.

В сентябре 2014 г. Госсовет КНР опубликовал «Руководящие принципы экономического пояса Янцзы». В документе было отмечено, что эта река занимает одно из ведущих мест в мире по грузоперевозкам по внутренним рекам, обладает важным стратегическим значением для регионального развития. Значительной была ее роль и в развитии гидроэнергетики.

«Правовая защита» — рекам и притокам

Уже к 2004 г. китайские ГЭС по их установленной мощности опередили США, перехватив мировое лидерство. Из десяти крупнейших в мире ГЭС три были выстроены к 2014 г. именно на Янцзы — Санься. Сяоду и Саньцзяба (Саяно-Шушенская ГЭС, некогда крупнейшая в мире, в элите уже не фигурирует).

По данным «Первого всекитайского всестороннего исследования гидротехнических сооружений», опубликованного в 2013 г. ГСУ КНР, на конец 2011 г. в Китае было зарегистрировано 46 758 гидроэлектростанций. Причем за 11-ю пятилетку (2006–2010) в строй вступило столько же энергоблоков, как за предыдущие 95 лет. Но данное «достижение» уже не радовало китайских лидеров, недавно пришедших к руководству страной.

В январе 2016 г. на встрече Чунцине с активом провинций и городов, расположенных вдоль течения Янцзы, Председатель КНР Си Цзиньпин резко раскритиковал эту практику, заявив, что отныне «задачей № 1» становится восстановление экологического равновесия Янцзы и что впредь разворачивать на ней крупное гидроэнергетическое строительство недопустимо⁵.

Меры были приняты незамедлительно:

– в феврале того же года Министерство водного хозяйства обнародовало «Руководство по переоборудованию сельских ГЭС в целях восстановления речных экосистем» (документом учтены и такие нюансы, как обеспечение безопасности для флоры и фауны температурного режима вод в районах функционирования ГЭС);

– в сентябре была опубликована «Программа развития Экономического пояса реки Янцзы»⁶;

– к 2020 г. решено радикально улучшить защиту и рациональное использование водных ресурсов (объемы воды высокого качества — 3-й категории и выше — должно превысить 75%⁷).

Значительное внимание уделено в документе и транспортной составляющей (в настоящее время в бассейне Янцзы существуют такие проблемы, как плохая проходимость при движении между верхним, средним и нижним течениями реки, плохое совмещение разных видов транспорта и низкая эффективность перевозок).

После многократных обсуждений была описана новая пространственная структура развития экономического пояса: «одна ось, два крыла, три полюса, много пунктов».

«Одна ось» подразумевает формирование оси «зеленого» развития «золотого канала» реки Янцзы, ключевую роль в котором будут играть города Шанхай, Ухань и Чунцин.

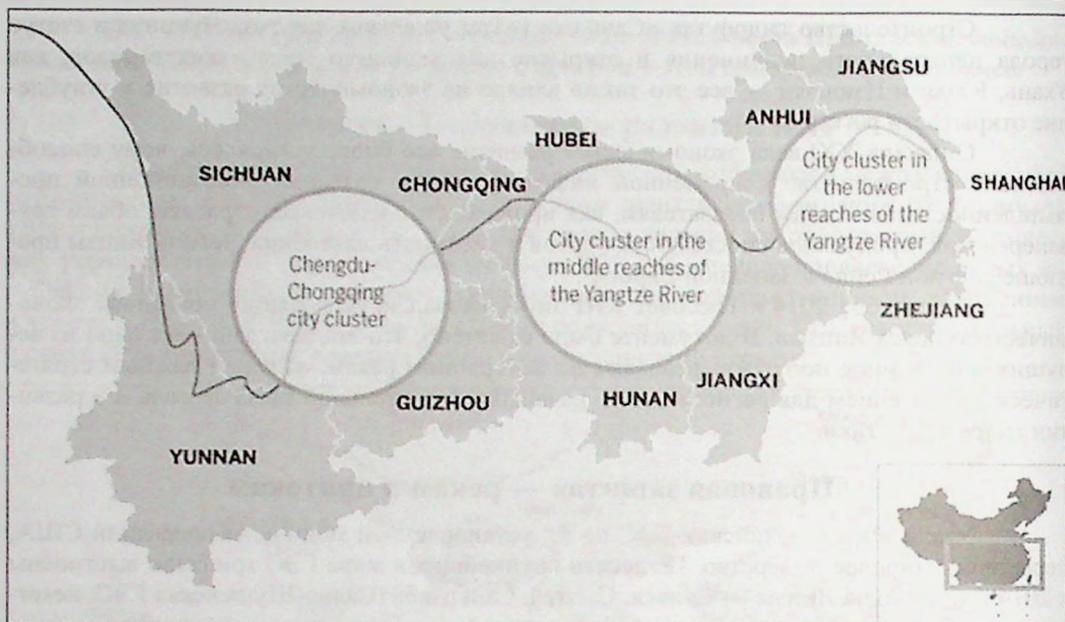

Рис. 2. Пространственная структура развития ЭПРЯ
«Одна ось, два крыла, три полюса, много пунктов».

Источник: Research Institute of Changjiang Economic Belt Development.
URL: <http://hbcjyj.yangtzeu.edu.cn/>

«Два крыла» указывают на два крупных транспортных канала: на юге, от Шанхая до Жуйли, и на севере, от Шанхая до Чэнду. Посредством развития транспортной взаимосвязанности по этим двум направлениям планируется связать население и промышленность основных узловых городов, тем самым заложив прочную базу для развития экономического пояса.

«Три полюса» означают три городские агломерации: дельты реки Янцзы, среднего течения реки Янцзы и городской агломерации Чэнду — Чунцина, которые играют связующую роль и формируют три основных полюса роста экономического пояса.

«Много пунктов» указывают на поддерживающую роль городов окружного уровня, не входящих в три основные городские агломерации. Эти города призваны укреплять экономические связи и взаимодействие с центральными городами и поддерживать экономическое развитие региона⁸.

Описанная программа развития стала важным документом по продвижению государственной стратегии развития «Экономического пояса реки Янцзы».

Подобное внимание руководства страны к рассматриваемому региону не случайно, поскольку регион по берегам Янцзы богат пахотными землями, водными, лесными, минеральными и энергетическими ресурсами, их доля в КНР составляет 34,42; 39,47; 40,77; 33,21 и 36,87% соответственно. ЭПРЯ отличается высокой плотностью населения и развитой промышленностью при неравномерном размещении населения.

Из данных, приведенных в табл. 1, очевидно, что самым большим по площади является западный регион, на который приходится 11,9% территории страны и 55,5% площади ЭПРЯ. Высокогорные районы западной части бассейна наименее населены. Наиболее густонаселенными районами являются равнинные территории Восточного Китая, где плотность населения более чем вчетверо выше, чем в западном регионе, и более чем вдвое превышает плотность населения в центральном регионе.

Таблица 1

Основные показатели трех зон Янцзы

Территория русла реки	Площадь, тыс. кв. км	Население, млн человек		Плотность населения, человек/кв. км	
		2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Восточная	210,7	156	160,9	1650	1712
Центральная	704	226,9	234,7	327	338
Западная	1138,7	189,8	226,6	208	216

Источник: Чжунхуа жэньминь гуанхэ гоця туицзи цзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>

Экономика ЭПРЯ характеризуется активным ростом промышленных кластеров, расположенных преимущественно в дельте реки и ее нижнем течении. На предприятиях, находящихся в зоне влияния данного экономического пояса, выпускается широкий спектр товаров: от стройматериалов и текстиля до инновационной продукции. Кроме того, ЭПРЯ имеет большое значение для обеспечения продовольственной и энергетической безопасности не только данного региона, но и страны в целом (рис. 3).

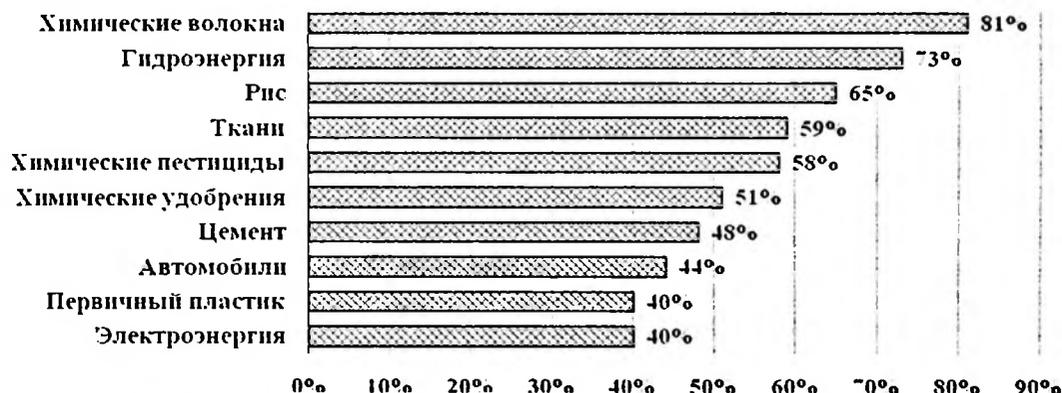

Рис. 3. Доля ЭПРЯ в национальном промышленном и сельхозпроизводстве (2017 г. %)

Источник: Чжунхуа жэньминь гуанхэ гоця туицзи цзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>

Начиная с 12-й пятилетки, в непростой внутризэкономической ситуации в КНР, а также из-за влияния внешних факторов, при переходе к «новой нормальности» темпы роста ВРП в данном регионе, как и в китайской экономике в целом, начали замедляться, снижаясь в среднем на 1 п.п. ежегодно. Однако по сравнению с другими регионами КНР ЭПРЯ по-прежнему сохранял относительно быстрые темпы роста ВРП, превышая среднекитайские показатели, благодаря чему его доля в общенациональном ВВП продолжает расти. Согласно статистике, в 2006 г. доля «пояса» составляла 40,03% от общего объема ВВП, а к концу 2017 г. она выросла до 44,81%. Это свидетельствует, что в целом экономика региона стабильна (рис. 4).

Территория, которую охватывает ЭПРЯ, значительна по площади, ресурсный потенциал и возможности развития административных единиц, входящих в его состав, сильно разнятся, что связано с неодинаковыми стартовыми условиями.

Поскольку, политика реформ и открытости в 1980–1990 гг. проводилась, в первую очередь в прибрежной зоне, на протяжении ряда десятилетий как зарубежный, так и китайский частный капитал инвестировали свои средства в провинции, расположенные

в нижнем течении р. Янцзы, в частности Цзянсу, Чжэцзян и г. Шанхай. В результате их экономический вес в стране быстро рос.

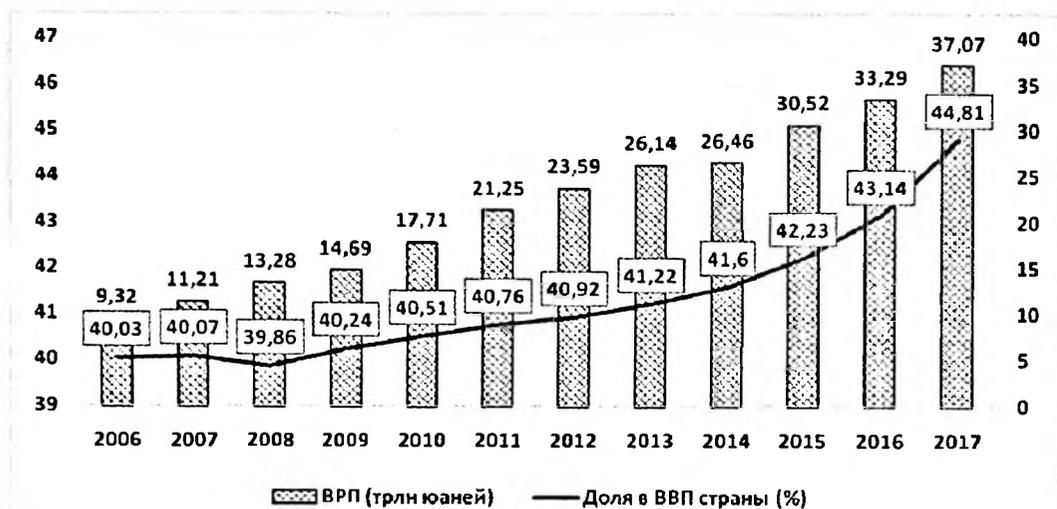

Рис. 4. Объем ВРП Экономического пояса Янцзы и его доля в ВВП страны.

Источник: Чжунхуа жэньминь гуохэго гоцзя тунцзицзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>

После вступления Китая в ВТО его прибрежная экономика продолжала поддерживать относительно быстрые темпы роста. Так, к 2006 г. ВРП нижнего течения уже превысил половину от суммарного ВРП «экономического пояса» в целом. В результате к настоящему времени сформировался значительный разрыв между тремя зонами ЭПРЯ.

Рассматривая уровень экономического развития, можно увидеть, что он снижается при движении с востока на запад вдоль течения реки. На восточную часть, которая занимает около 1/10 площади рассматриваемого «пояса», приходится 45,3% совокупной экономической мощи региона. На западную же часть, превышающую 59% территории, остается лишь 23% совокупной мощности (табл. 2)⁹.

Таблица 2

Валовой региональный продукт отдельных зон Экономического пояса Янцзы (2017 г.)

	Нижнее течение	Среднее течение	Верхнее течение
ВРП (млрд юаней)	16,82	11,64	8,61
Доля в ВРП экономического пояса (%)	45,26	31,84	22,90
Доля в ВВП страны (%)	19,11	13,45	9,67

Источник: Чжунхуа жэньминь гуохэго гоцзя тунцзицзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>

По уровню ВРП 11 административных единиц ЭПРЯ можно разделить на пять групп, а именно:

- менее 2 трлн ю. — Гуйчжоу, Чунцин и Юньнань;
- 2–3 трлн ю. — Аньхой и Цзянси;
- 3–4 трлн ю. — Шанхай, Сычуань, Хубэй и Хунань;
- 5 трлн ю. — Чжэцзян;
- свыше 8 трлн ю. — Цзянсу.

Среди них у Цзянсу был самый высокий ВРП, превышающий 8,5 трлн ю., в Гуйчжоу — самый низкий (порядка 1,3 трлн ю.), или более чем шестикратно меньше.

Таблица 3

ВРП территориально-административных субъектов Экономического пояса Янцзы (трлн ю.)

	2001	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Цзянсу	0,95	1,86	4,14	5,41	5,92	6,51	7,01	7,74	8,58
Чжэцзян	0,69	1,34	2,77	3,47	3,76	4,01	4,29	4,72	5,18
Шанхай	0,52	0,92	1,71	2,02	2,16	2,36	2,51	2,81	3,06
Сычуань	0,43	0,74	1,72	2,39	2,63	2,85	3,01	3,29	3,69
Хубэй	0,39	0,66	1,59	2,22	2,47	2,74	2,96	3,26	3,55
Хунань	0,38	0,66	1,60	2,21	2,45	2,7	2,89	3,15	3,39
Аньхой	0,33	0,54	1,24	1,72	1,90	2,08	2,20	2,44	2,70
Цзянси	0,22	0,41	0,94	1,29	1,43	1,57	1,67	1,85	2,00
Юньнань	0,21	0,35	0,72	1,03	1,17	1,28	1,37	1,47	1,63
Чунцин	0,17	0,35	0,79	1,14	1,26	1,43	1,57	1,77	1,94
Гуйчжоу	0,11	0,20	0,46	0,68	0,80	0,92	1,05	1,17	1,35

Источник: *Чжунхуа жэньминь гуохэго гоцяя туңцицзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>*

В настоящее время в ЭПРЯ создано множество промышленных кластеров, объединяющих большое количество мощных предприятий, специализирующихся на автомобилестроении, фармацевтике, электронике и информационных технологиях.

За 40 лет экономических реформ промышленная структура «пояса» претерпела колоссальные изменения: произошел постепенный переход от процесса индустриализации, в котором доминировали первичная и вторичная сферы, к постиндустриальной эпохе с преобладанием вторичной и третичной сфер, что наглядно представлено на рис. 5. В 2017 г. первичная, вторичная и третичная сферы Экономического пояса реки Янцзы составили 8,4%, 44,4% и 47,2% соответственно, тогда как в 1978 г. их доли составляли 32,5%, 48,7% и 18,7% соответственно.¹⁰

Верхнее, нижнее и среднее течения реки Янцзы существенно различаются не только по уровню экономического развития, но и в структуре производственных отраслей. Район нижнего течения и дельта Янцзы отличаются развитой современной экономикой. Здесь сконцентрированы высокотехнологичные НИИ, финансовые и торговые центры. В среднем течении имеется прочная база в сфере машиностроения. Регион, расположенный выше по течению, обладает богатыми ресурсами, но имеет относительно менее развитую экономику, в основном ориентированную на сырьевые отрасли.

У каждого из административных субъектов, входящих в состав ЭПРЯ, имеются свои характерные черты в развитии тех или иных сфер производства.

Отраслевая структура провинции Цзянсу и Сычуань также имеет относительную схожесть: большая доля валового промышленного продукта приходится на электронику, химическую промышленность и металлургию.

Провинции Юньнань, Гуйчжоу и Цзянси, имеющие богатую сырьевую базу минеральных и сельскохозяйственных ресурсов, развивают на своих территориях растениеводство, цветную и черную металлургию¹¹.

В последние годы в результате промышленной модернизации и оптимизации Экономический пояс Янцзы стал регионом динамичного развития высоких технологий. Здесь расположено 17 высокотехнологичных промышленных центров национального уровня и ряд аналогичных центров провинциального уровня.

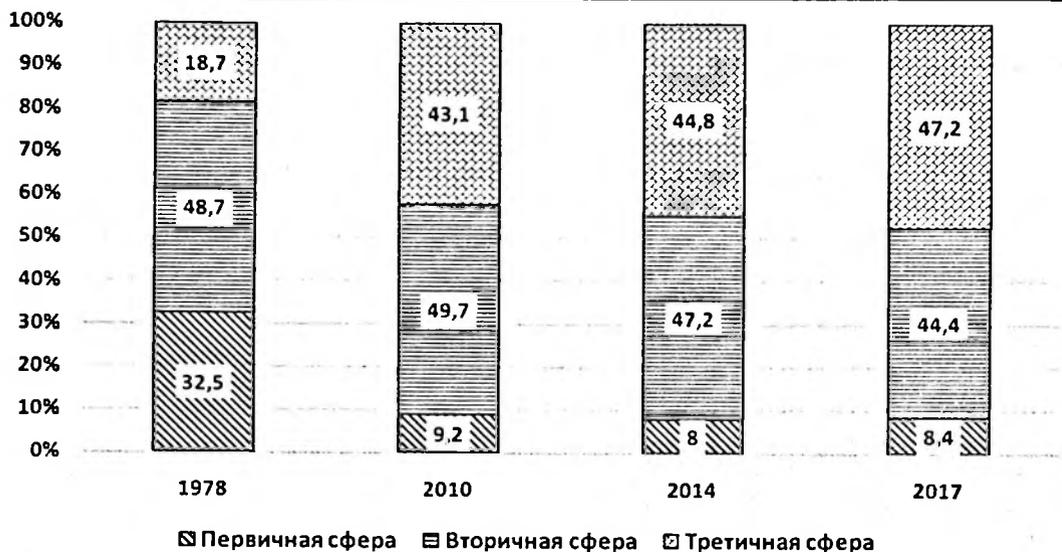

Рис. 5. Экономический пояс Янцзы — роль и значение трех сфер экономики.

Источник: Чжунхуа жэньминь гуохэго гоцзя туцзицзюй: [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/>

Таблица 4

Традиционные отрасли промышленности Экономического пояса Янцзы

Провинция	Традиционные отрасли промышленности
Шанхай	Производство ПК, телекоммуникационного оборудования, иной электроники; автомобилестроение; химическая промышленность, нефтепереработка, производство ядерного топлива; черная металлургия; выработка и поставка теплотенергии.
Цзянсу	Машиностроение (включающее автомобилестроение); производство спецтехники; фармацевтика, производство ПК, телекоммуникационного оборудования и иных электронных устройств; строительство.
Чжэцзян	Текстильная промышленность; химическая промышленность; производство и поставка электро- и теплотенергии; производство резиновых и пластиковых изделий.
Аньхой	Производство электрооборудования; угольная промышленность; сельское хозяйство и пищевая промышленность; химическая промышленность; добыча неметаллических полезных ископаемых; чёрная металлургия, машиностроение (включая автомобилестроение).
Цзянси	Сельхозпроизводство и пищевая промышленность; химическая промышленность; добыча неметаллических полезных ископаемых; черная и цветная металлургии; производство электрооборудования.
Хубэй	Сельхозпроизводство и пищевая промышленность; автомобилестроение; текстильная промышленность; производство электрооборудования; черная металлургии; добыча неметаллических полезных ископаемых; химическая промышленность; производство и поставка электро- и теплотенергии.
Хунань	Сельхозпроизводство и пищевая промышленность; химическая промышленность; машиностроение (производство спецтехники), черная и цветная металлургии; добыча неметаллических полезных ископаемых.

Провинция	Традиционные отрасли промышленности
Чунцин	Сельхозпроизводство и пищевая промышленность; добыча неметаллических полезных ископаемых; черная и цветная металлургии; автомобилестроение, вагоностроение, авиастроение и производство и другого транспортного оборудования); производство ПК, телекоммуникационного оборудования и иных электронных устройств.
Сычуань	Сельхозпроизводство и пищевая промышленность (чайная, ликероводочная), химическая промышленность; добыча неметаллических полезных ископаемых, черная металлургия, электроника.
Гуйчжоу	Угольная промышленность; пищевая промышленность (чайная, ликероводочная, табачная), топливная производство и поставка электро- и теплоэнергии.
Юньнань	Пище-вкусовая производство и поставка электро- и теплоэнергии, черная металлургия.

Источник: Чанцзян цзинцзи дай фачжань баогао: [Доклад о развитии Экономического пояса реки Янцзы]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2016.

Благодаря своим сравнительным преимуществам, индустрия высоких технологий в настоящее время развивается довольно активно, что доказывает статистика. Исходя из данных, представленных в табл. 5, очевидно, что в 2015 г. по таким показателям, как общее количество предприятий высокотехнологичной промышленности, общий операционный доход и стоимость экспортных поставок, доля ЭПРЯ составила более 45% от общенационального показателя, что отражает большое значение региона в области высоких технологий.

Таблица 5

**Высокотехнологичная промышленность Экономического пояса Янцзы
(по состоянию на 2015 г.)**

	Количество предприятий (единиц)	Основной операционный доход (млрд ю.)	Общая прибыль (млрд ю.)	Объем экспорта (млрд ю.)
Шанхай	1020	721,3	28,5	448,5
Цзянсу	4903	2853	181,4	1206,3
Чжэцзян	2603	528,8	51,9	149,1
Аньхой	1198	306,4	22,2	76,3
Цзянси	923	331,8	22,8	37,7
Хубэй	1037	365,5	19,8	59,9
Хунань	953	328	17,9	45,8
Чунцин	561	402,9	16,3	209,5
Сычуань	999	517,2	17,3	93,9
Гуйчжоу	226	80,7	4,8	1,8
Юньнань	177	35	2,8	0,9
Всего (объектов)	14600	6470,6	385,7	2329,7
Доля в стране	49,27%	46,22%	43,00%	45,75%

Источник: Чжунго гаоцзинцзи чанье тунцзи няньцзянь 2016: [Китайский ежегодный статистический справочник высокотехнологичной промышленности, 2016] // Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2016.

В «Предложениях ЦК КПК по разработке 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР» было указано на необходимость поддерживать развитие

стратегически важных новых отраслей промышленности и превратить КНР в мирового лидера обрабатывающей промышленности.

Экономическому поясу Янцзы в текущей пятилетке отведено значительное место в развитии новых отраслей производства, которые должны быть конкурентоспособны не только в КНР, но и в мире.

Таблица 6

**Новые отрасли, запланированные для административных субъектов ЭПРЯ
в 13-й пятилетке**

Провинция	Новые отрасли высокотехнологичного производства, создание новой и высокотехнологичной продукции
Шанхай	Новое поколение информационных технологий, биотехнологий, полупроводниковая промышленность, машиностроение (выпуск промышленных роботов и глубоководного оборудования).
Цзянсу	Информационные технологии нового поколения, производство высокотехнологичного оборудования, машиностроение (выпуск океанологическое техники, аэрокосмическая промышленность, выпуск автомобилей на новых источниках энергии), биомедицина и выпуск современной медицинской аппаратуры. новая энергетика, развитие интеллектуальных электрических сетей.
Чжэцзян	Выпуск интеллектуальных терминалов, интегральных схем специального назначения (ASIC), разработка систем облачных вычислениях и технологии больших данных, геоинформатика, развитие электронной коммерции; производство нового энергетического и энергосберегающего оборудования, машиностроение (производство роботов и интеллектуального оборудования, выпуск автомобилей на новых источниках энергии, развитие железнодорожного, авиационного машиностроения, судостроения и выпуска морского оборудования), развитие биомедицины и производство современной медицинской аппаратуры.
Аньхой	Информационные технологии нового поколения, производство интеллектуального оборудования, машиностроение (вагоностроение, судостроение, выпуск аэрокосмического оборудования, производство автомобилей на новых источниках энергии, выпуск современной сельскохозяйственной техники), развитие новой энергетика, биомедицина и производство современной медицинской аппаратуры. Передовые разработки в области: квантовой связи, искусственного интеллекта и роботов, силовых батарей, газовых турбин, станков с ЧПУ, авиационных двигателей, биотехнологических препаратов, интеллектуальных терминалов, высокопроизводительных волокон и композитных материалов.
Цзянси	Электронно-информационная промышленность и новые виды оптоэлектроники, биомедицина, машиностроение (авиационная промышленность, производство автомобилей на новых источниках энергии), развитие новой энергетика, выпуск новых материалов, интеллектуальное производство, выпуск интегральных микросхем.
Хубэй	Машиностроение (лазерная промышленность, аэрокосмическая отрасль, производство нового энергетического оборудования), полупроводниковая промышленность (выпуск флэш-памяти), развитие биомедицины, выпуск новых материалов.

Провинция	Новые отрасли высокотехнологичного производства, создание новой и высокотехнологичной продукции
Хунань	Машиностроение (производство современного железнодорожного оборудования, строительной техники, развитие станкостроения (станки с ЧПУ и робототехники, выпуск океанологической техники, сельскохозяйственное машиностроение, производство автомобилей на новых источниках энергии, аэрокосмическое производство), выпуск новых материалов, информационные технологии нового поколения, развитие биомедицины и выпуск современной медицинской аппаратуры.
Чунцин	Машиностроение (производство электронных компонентов, выпуск автомобилей на новых источниках энергии, выпуск робототехники и интеллектуального оборудования, транспортное машиностроение), химическая промышленность (выпуск новых химических материалов), биомедицина, топливная промышленность (добыча сланцевого газа).
Сычуань	Информационные технологии нового поколения, машиностроение (аэрокосмическая промышленность, производство энергетического оборудования, станкостроение, роботостроение, железнодорожное машиностроение, автомобилей на новых источниках энергии), выпуск новых материалов, биомедицина и производство медицинского оборудования.
Гуйчжоу	Обработка «больших данных», машиностроение (аэрокосмическое производство, выпуск специального оборудования, производство автомобилей на новых источниках энергии), интеллектуальное производство
Юньнань	Развитие новой энергетики, производство новых материалов, машиностроение (производство современного оборудования), информационные технологии нового поколения.

Источник: Чжунго гуань фачжань баогао: [Доклад о промышленном развитии Китая]. Пекин: Цзинцзи гуаньли чубаньшэ, 2017. С. 530–531.

* * *

На протяжении более ста лет регион реки Янцзы прошел извилистый и трудный путь развития, значительные перемены пришлось на последние десятилетия, что привело к глубоким изменениям в экономике региона.

Строительство современной инфраструктуры, модернизация и оптимизация традиционной промышленности, а также создание новых инновационных отраслей — все это способствовало активному развитию ЭПРЯ с начала XXI в. и значительно повысило международную конкурентоспособность его промышленной продукции.

Для нового исторического этапа реализация «обновленной версии» стратегии развития Экономического пояса реки Янцзы и активное внедрение высоких технологий в промышленности являются неизбежным выбором для устойчивого развития региона.

1. Лу Дадао, Чжао Линсюнь, Жун Чаохэ. Чжунши чанцзян чаньсдай кайфа до гуйхуа яньцзю: [Изучение плана развития промышленного пояса реки Янцзы] // Жэньминь чанцзян. 1992. № 11. С. 4–8.
2. См.: Кручинина Д. Этапы формирования «Золотого треугольника» Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5.
3. Чансаньцзяо шойной цзинцзи шэхуэй сетяо фачжань яньцзю: [Исследование координированного социально-экономического развития региона дельты Янцзы]. Ханчжоу, 2011. С. 343.

4. Цель к столетию со дня образования КПК (2021 г.) построить общество средней зажиточности, а к столетию с момента образования КНР (2049 г.) произвести социалистическую модернизацию. Социально-политический курс, начатый в 2013 г., предполагает создание преуспевающего и сильного государства, сплочение народов страны и достижение благосостояния населения.
5. Прохорова Н.В. «Китай: курс на «дружественную к природной среде» энергетику» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 126–134.
6. Чанцзян цзинциздай фачжань гуйхуа ганьяо чжэнши нинфа: [Официально опубликована «Программа развития Экономического пояса реки Янцзы»]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-09/12/content_5107501.htm.
7. Туйдун чанцзян цзинциздай фачжань линдаосяоцзу бангунши фуцзэжэнь цзю чапцзян цзинциздай фачжань югуань вэньти дацзинчжэвэнь: [Интервью ответственного лица из руководящей группы по продвижению развития Экономического пояса реки Янцзы]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-09/11/c_1119546883_4.htm.
8. Там же.
9. Чжунго гуньэ фачжань баогао: [Доклад о промышленном развитии Китая]. Пекин: Цзинцизи гуаньли чубаньшэ, 2015. С. 436.
10. Чжунго гуньэ фачжань баогао: [Доклад о промышленном развитии Китая]. Пекин: Цзинцизи гуаньли чубаньшэ, 2017. С. 527.
11. Чанцзян цзинцизи дай фачжань баогао: [Доклад о развитии Экономического пояса реки Янцзы]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. С. 52.

72

Экономический имидж Китая в российских социальных сетях

95

© 2019

Ли Янь, Сюй Сянцзянь

В связи с постоянным углублением китайско-российского торгово-экономического сотрудничества китайские предприятия все чаще занимаются экономической деятельностью в России. Недоразумения и конфликты, вызванные этой экономической деятельностью, неизбежны. Чтобы справиться с данным вызовом, необходимо понять текущее восприятие российской общественностью китайской экономики. С развитием интернет-технологий социальные сети в России стали основным инструментом общения и получения информации. Публичный дискурс в российских социальных сетях является важным способом понять текущее восприятие российской общественностью экономики Китая. В статье в соответствии с характеристиками публичного дискурса в социальной сети «ВКонтакте» описывается и обобщается экономический имидж Китая в России по четырем темам: внутренняя макроэкономика Китая, китайские предприятия и товары, китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество, Китай и мировая экономика.

Ключевые слова: российская социальная сеть, экономический имидж Китая, публичный дискурс, дискурс-анализ.

DOI: 10.31857/S013128120007993-3

С углублением китайско-российского сотрудничества в экономической сфере возросла экономическая активность китайских предприятий в России, и китайские товары все чаще выходят на российский рынок. Недопонимание и конфликты, вызванные этим, неизбежны. Социальные медиа стали важной платформой для получения и обмена информацией в России, поэтому данная работа рассматривает экономический имидж Китая в российских социальных сетях.

В китайском научном сообществе нет четкого определения понятия экономического имиджа, большинство исследователей рассматривают его как часть национального имиджа, то есть национального имиджа китайской экономики. Исходя из этого, авторы разделяют мнение многих исследователей, согласно которому национальный имидж вос-

---

Ли Янь, кандидат филологических наук, доцент Сямэньского университета (КНР, г. Сямэнь).
E-mail: liyan386@mail.ru;

Сюй Сянцзянь, магистр Сямэньского университета (КНР, г. Сямэнь).
E-mail: 12120161152904@stu.xmu.edu.cn.

Тема данного исследования спонсируется Программой планирования общественных наук провинции Фуцзянь (Построение тестовой системы профессиональной сертификации в области устного перевода. № 2013C082). Национальным фондом общественных наук (Расширение исследований письменного перевода. № 13ВУУ043), Фондом развития философии и общественных наук Сямэньского университета (проект № 0650-Y07200).

приятия публикой китайской экономики или связанных с китайской экономикой дискурсов является экономическим имиджем Китая.

1. Состояние исследования экономического имиджа Китая

В настоящее время в стране существует два основных типа исследований об экономическом имидже Китая.

Ряд ученых используют в качестве исследовательских материалов соответствующие отчеты об экономическом имидже Китая. С точки зрения журналистики и коммуникации исследователи анализируют факторы, влияющие на структуру отчетов, чтобы объяснить, как средства массовой информации формируют экономический имидж Китая. Примерами такого рода являются работы Гань Тинна¹ и Лю Чэна².

Другие ученые берут дискурс основных средств массовой информации в качестве исследовательских материалов и описывают восприятие экономического имиджа Китая с точки зрения лингвистики, используя методы анализа дискурса, анализа текста и лингвистики. Например, статьи Чжао Юнгана «Эволюция экономического имиджа Китая в журнале “Тайм”»: дискурсивно-исторический взгляд на основе корпусной лингвистики³ и Ма Янь «Конструирование имиджа экономики Китая ведущими средствами массовой информации в США»⁴.

Результаты российских исследований имиджа китайской экономики немногочисленны. Данная работа пытается восполнить этот недостаток, проведя исследование с точки зрения анализа публичного дискурса в социальных сетях.

2. Теоретическая основа

2.1. Публичный дискурс

Публичный дискурс тесно связан с общественной сферой. Общественная сфера являет собой пространство выражения публичного дискурса. Публичный дискурс выражается в общественном пространстве и имеет значение и влияние.

Общественная сфера требует трех условий.

Первое — является публичной, публичное является участником общественной сферы и публичное использует дискурс для проверки и оценки публичного достояния.

Второе — это пространство дискурса, в котором у публики есть возможность высказываться.

Третье — относительная независимость общественности⁵. Публика может свободно высказываться в обществе, на ее положение не могут влиять внешние факторы.

Основной выразительный объект публичного дискурса состоит из людей во всех сферах жизни, будь то социальные элиты или обычные люди. Развитие Интернета и социальных сетей обеспечило благоприятные условия для расширения публичной сферы. Интернет характеризуется открытостью, своевременностью и интерактивностью. Интернет-пользователи характеризуются равной свободой, разнообразием и анонимностью. Интернет предоставляет обществу платформу для общественного мнения и свободных обменов. Поэтому данная работа использует публичный дискурс российских социальных сетей в качестве исследовательского материала.

2.2. Дискурс-анализ

В конце 1960-х годов Михаил Бахтин, Мишель Фуко и другие ученые выдвинули свои собственные взгляды на дискурсивный анализ. Бахтин подчеркнул диалогизм дискурса. По его мнению, субъект не только строил «сам себя» в дискурсе, он также строил «другое» и создал «диалогические» отношения между собой и другим. Сознание и дискурс любого человека не изолированы, они существуют в связи с сознанием и дискурсом других людей⁶. Французский ученый Юлия Кристева выдвинула концепцию «интертек-

стуальности», основанную на результатах исследования Бахтина. Она считает, что любой дискурс состоит из цитат и поглощается другими дискурсами. Крестева подчеркнула, что создание текста основано не на оригинальных идеях, а на существующих словах⁷. Таким образом, данная работа объясняет функцию интертекстуальности в процессе построения национального экономического имиджа.

Фуко рассматривает анализ дискурса в большей степени с социологической точки зрения: дискурс является отражением социальной культуры и отражает отношения социального конструирования. Он изучил взаимосвязи между дискурсом и социальной властью путем изучения социального фона дискурса. Позже Тьон Ван Дейк и другие ученые разъяснили анализ дискурса с разных сторон. Ван Дейк внес важный вклад в анализ новостного дискурса. Он объединил анализ дискурса и исследование коммуникации, предложил такие методы дискурсивного анализа, как функциональный анализ, структурный анализ и идеологический анализ. Он связывает процесс производства, распространения и понимания смысла с более широкой системой социального значения. Пользователи социальных сетей не просто выражают свое мнение, но хотят общаться с другими пользователями. Пользователи социальных сетей фокусируются на взаимодействии и общении с другими пользователями социальных сетей, сосредотачиваясь на мнениях других людей и комментируя их. В этом процессе часто возникают эмоции, что является тонким, сложным и иногда бессознательным. Кроме того, либерализация виртуального киберпространства предоставляет пользователям социальных сетей пространство для выражения своих эмоций и проявления языкового насилия. В первой половине XX века Нейл Смелзер выдвинул мнение, что участники коллективного поведения часто были иррациональны, и эмоции играли ключевую роль в формировании коллективного поведения⁸. Таким образом, предлагаемая работа предпочитает анализировать текст с точки зрения эмоционального выражения, описывать его характеристики и функции эмоционального выражения и анализировать, как публичный дискурс влияет на построение национального экономического имиджа посредством положительных и отрицательных эмоций.

Национальный имидж тесно связан с дискурсом. Во-первых, национальный имидж создается большим количеством дискурсов со стороны публики страны. Во-вторых, все человеческое понимание достигается через дискурс, а все, что покидает дискурс, не существует. Для большинства людей национальный имидж, который они знают, в основном формируется посредством дискурса. В-третьих, массовая информация является важным средством коммуникации страны, а дискурс массовой информации — важным средством создания национального имиджа. Таким образом, данная статья собирает тексты экономического имиджа Китая, классифицирует эти тексты по конкретным экономическим темам и описывает экономический имидж Китая в России, чтобы обобщать китайский экономический имидж в российских социальных сетях.

3. Экономический имидж Китая в России в российской социальной сети

В статье мы используем ключевые слова, связанные с китайской экономикой, через отбор комментариев отдельных пользователей (неинституциональных, неправительственных, негосударственных) в сети «ВКонтакте» с отфильтровыванием комментариев с низкой релевантностью. Таким способом мы собрали всего 207 комментариев общим объемом 21 000 слов. Период времени публичного дискурса, выбранный авторами, — с 14 марта 2013 г. по 24 мая 2018 г. В это время китайско-российские отношения находились на лучшем уровне в разных сферах.

Корпус дискурса был поделен на четыре основных части в соответствии с темой дискурса: внутренняя макроэкономика Китая, китайские предприятия и товары, китай-

ско-российское торгово-экономическое сотрудничество, Китай и мировая экономика. По каждой основной теме в соответствии с содержанием текста были определены несколько конкретных тем. Наконец, мы описали и обобщили экономический имидж Китая в России, созданный публичным дискурсом в российских социальных сетях.

Таблица 1

Количество текстов по различным темам

Тема	Количество текстов	Доля от общего количества
Внутренняя макроэкономика Китая	60	29,0%
Китайские предприятия и товары	49	23,7%
Китай и мировая экономика	45	21,7%
Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество	33	15,9%
Остальные (иммиграция, пенсия, градостроительство, развитие экономики Гуандуна)	20	9,7%

Источник: Составлено авторами.

3.1. Внутренняя макроэкономика Китая

В этой основной теме выделены три конкретных темы: реформа экономической системы Китая, модель китайского экономического роста и военная промышленность.

Таблица 2

Количество текстов по теме «Внутренняя макроэкономика Китая»

Общее количество текстов по теме «Внутренняя макроэкономика Китая»	60
Количество текстов по теме «Реформа экономической системы Китая»	23
Количество текстов по теме «Модель китайского экономического роста»	32
Количество текстов по теме «Военная промышленность Китая»	5

Источник: Составлено авторами.

Справочная информация: в 1990-х годах мировая экономика пережила волну превращения в рыночную экономику, в том числе имели место рыночные реформы в Китае и России. Сходство двух стран в том, что обе они перешли от высокоцентрализованной плановой экономики к рыночной экономике. Разница в том, что две страны выбрали разные пути реформ. Россия за короткое время установила демократию по западному образцу и сразу же запустила программу социально-экономических реформ, представленную масштабной приватизацией. А Китай, придерживаясь существующей политической системы, поддерживает сильный макроэкономический контроль, рассматривает сельские районы как отправную точку, постепенно прилагает различные экспериментальные усилия для проведения экономических реформ и постепенно создает социалистическую рыночную экономическую систему. Разница между реформой Китая и России заключается в том, что реформа Китая не разрушает старую систему и развивается постепенно, что позволяет избежать социальных волнений.

В 23 текстах, касающихся экономических реформ, преобладают положительные оценки. В основном они заключаются в следующем.

Во-первых, пользователи подтверждают роль реформ и открытости в продвижении экономики Китая, а также одобряют социалистическую рыночную экономическую систему Китая, которая не только мобилизует жизнеспособность рынка, но и осуществляет эффективный рыночный надзор. Китай успешно вошел в ряд крупных держав бла-

годаря реформам и открытости и быстро развивался в строительстве инфраструктуры и урбанизации, став экономической державой, уступающей только Соединенным Штатам.

Во-вторых, пользователи одобряют модель реформирования экономической системы Китая, то есть постепенный подход, а не резкая реформа, подобная имевшей место в Советском Союзе. Китайская модель реформ поддерживала стабильность экономических операций и стабильность социальной среды и успешно способствовала рыночным реформам, что является движущими силами экономического роста Китая. Китайское правительство выбрало несколько ключевых областей экономической реформы, что способствует повышению эффективности распределения капитала и рабочей силы, содействует устойчивому экономическому росту.

Отрицательные оценки в основном заключаются в следующем.

Нынешняя социалистическая экономическая система Китая сама имеет серьезные проблемы, такие, как низкая экономическая эффективность, серьезная коррупция. Она не адаптируется к развитию торговли и промышленности. Экономические перспективы Китая являются не вполне радужными, особенно с учетом того, что экономическое развитие Китая в последние годы фактически не улучшило жизнь простых людей.

Нейтральные оценки в основном сводятся к тому, что пользователи, объективно описывая экономическое развитие Китая после реформы и открытия, полагают, что тенденция к приватизации в Китае вполне нормальная, она также существует объективно в других странах мира.

Публичный дискурс российских социальных сетей мало касается текущих мер по реформе экономической системы Китая, таких, как реформа системы прав собственности и реформа системы рыночного регулирования. Большинство оценок связано с реформами 1990-х годов. Текущий этап экономической реформы Китая затрагивается редко. Мало говорят и о конкретных мерах по реформированию, что в определенной степени отражает отсутствие знаний и понимания китайской экономики российской общественностью.

3.2. Китайские предприятия и товары

В этой основной теме выделяются три конкретные темы: международный имидж китайских компаний, китайские товары и иностранные инвестиции китайских компаний.

3.2.1. Международный имидж китайских компаний

Среди 18 текстов на тему «Международный имидж китайских компаний» 4 — положительных, 10 отрицательных, 4 нейтральных, и в основном отрицательные оценки занимают доминирующее положение.

Отрицательные оценки прослеживаются по таким направлениям: 1) китайские компании используют маркетинг для продажи некачественной продукции и таким образом расширяют международный рынок; 2) китайская компания ориентирована только на собственные экономические интересы. Когда российская экономика подверглась санкциям, китайские компании не помогли российским компаниям. Вместо этого они воспользовались возможностью извлекать выгоду и фактически присоединились к санкциям против российской экономики; 3) продукция китайских предприятий не имеет конкурентоспособности. Тем более китайские предприятия реально не помогают местному экономическому развитию, а просто хотят получать местное сырье, что отрицательно влияет на занятость местных жителей, местную экологическую среду и социальный порядок.

Положительные оценки даны по следующим позициям: 1) китайский производитель автомобилей Geely имеет хороший дизайн продукта, высокий коэффициент безопасности, передовые технологии применения и европейские стандарты; 2) известны китайские предприятия, которые имеют хороший имидж бренда, превосходное качество продукции и преимущество в цене. Это касается, например, таких брендов, как Huawei

и Xiaomi, которые реализуют потребителям качественную продукцию; 3) ряд китайских компаний построили заводы в России, чтобы помочь российской экономике.

Нейтральные оценки следующие: китайские предприятия осуществляют техническое сотрудничество и с международными известными предприятиями. Качество продукции китайских автомобильных предприятий недостаточно хорошее, но у них есть свои конкурентные преимущества на рынке. В Китае есть много известных международных компаний, например, Lenovo и ZTE, которые постепенно превратились во всемирно известные компании после длительного процесса развития.

Российские пользователи социальных сетей в основном говорят об известных китайских компаниях с определенными научными и технологическими преимуществами. Эти предприятия имеют хорошую репутацию не только в России, но и на мировом рынке. Они в основном все еще находятся в традиционной промышленной сфере: в области электронных и информационных технологий, автомобилестроения. В последние годы российские пользователи еще редко упоминали китайские интернет-компании, назвав лишь Xiaomi, Tencent и Baidu. Российские пользователи социальных сетей почти не упоминали культурные особенности китайских компаний, что показало их недостаточно глубокое понимание.

3.2.2. Китайские товары

Среди 20 текстов на тему «Китайские товары» имеются 4 положительных, 9 отрицательных и 7 нейтральных, то есть отрицательные и нейтральные оценки занимают доминирующее положение.

Отрицательные оценки главным образом таковы. Во-первых, упаковка китайских товаров вводит в заблуждение и не является гарантией их качества. Во-вторых, большинство китайских товаров производятся для иностранных производителей, с низким техническим содержанием, и большинство их ключевых компонентов поставляются из-за рубежа. В-третьих, онлайн-покупки китайской продукции не могут полагаться на оценки покупателей, некоторые оценки вводят в заблуждение и не представляют ценности.

Нейтральные оценки: во-первых, качество китайских товаров соответствует их цене. Качество китайских товаров существует и хорошее, и плохое. Во-вторых, китайские товары имеют собственные конкурентные преимущества, что обеспечивает широкий рынок в мире. В-третьих, продукция известных китайских брендов качественна, но качество продукции рядовых производителей зачастую оставляет желать лучшего.

Положительные оценки: во-первых, качество китайских товаров сейчас неплохое, и некоторые товары даже более конкурентоспособны на рынке, чем товары из Европы и Америки, плюс к этому они имеют ценовые преимущества. Мнение потребителей, что качество китайских товаров низкое, есть сложившийся стереотип, но это впечатление меняется с течением времени. Во-вторых, с развитием электронной коммерции и Интернета китайские товары лучше показали свои конкурентные преимущества и широкие рыночные перспективы, что приносит выгоды зарубежным потребителям.

В качестве примера приведем следующее высказывание россиянина в соцсетях: «Китайские товары сегодня многим европейским и американским форумам дают. И качественнее, и дешевле. Так что использовать обозначение “китайский” как некачественный сегодня уже некорректно».

Пользователь дал положительную оценку китайским товарам. Он считает, что качество китайских товаров сейчас действительно неплохое, а некоторые китайские товары даже более конкурентоспособны, чем товары из Европы и США.

3.3. Китай и мировая экономика

Тема «Китай и мировая экономика» в основном включает три основных темы: китайско-американская торговая война, положение Китая в глобальной экономической цепочке и экономическое сотрудничество между Китаем и другими странами.

3.3.1. Китайско-американская торговая война

С реализацией программы «Сделано в Китае — 2025» и китайской стратегии «Пояс и путь», с усилением глобальной волны технологических инноваций мировая экономическая ситуация претерпевает изменения. Сильный рост китайской экономики бросил вызов международной экономической системе, возглавляемой Соединенными Штатами. Будучи самой развитой страной и крупнейшей экономикой в мире, Соединенные Штаты хотят сохранить свой статус мирового экономического гегемона. Президент США Трамп придерживается торгового протекционизма и выступает за торговую войну с Китаем.

Среди 22 текстов на тему «Китайско-американская торговая война» 5 положительных, 5 отрицательных, 12 нейтральных, то есть нейтральные оценки занимают доминирующее положение.

Положительные оценки: во-первых, Соединенные Штаты использовали торговую политику и монетарную политику для того, чтобы нанести удар Китаю. А Китай принял соответствующие меры для противодействия экономической агрессии Соединенных Штатов, что является справедливым поступком. Китайско-американская торговая война окажет неблагоприятное экономическое влияние на Китай в краткосрочной перспективе, но ведь экономическая структура Китая отличается от структуры Соединенных Штатов. Экономический рост Китая идет быстрым темпом, и в будущем, вероятно, КНР превзойдет США по объему экономики. Китай найдет ответные решения. Во-вторых, китайско-американская торговая война в определенной степени способствовала развитию китайско-российских торгово-экономических связей, в 2018 г. объем китайско-российской торговли значительно увеличился. Это может предоставить России и Китаю возможность увеличить торговлю некоторыми товарами, в частности, сельскохозяйственной продукцией, что принесет новые возможности для российских компаний.

Отрицательные оценки: во-первых, экономическая и торговая структура Китая является несбалансированной. Китай — слабая страна, и модель его роста неустойчива. Экономическая независимость Китая оставляет желать лучшего. Он находится в слабом положении в глобальной экономической цепочке промышленности и сильно зависит от зарубежных стран, особенно от Европы и США. Во-вторых, китайские компании уже давно крадут технологии американских компаний, что явилось важной причиной начала китайско-американских торговых войн. Возвращение американских компаний на родину и ограничения на экспорт технологий США окажут серьезное негативное влияние на высокотехнологичную отрасль Китая. Чтобы защитить экономические интересы, Китай, скорее всего, уступит в этой торговой войне.

Нейтральные оценки: во-первых, китайско-американские экономические и торговые отношения тесно взаимосвязаны. Экономике обеих сторон имеют взаимодополняемость. Китай нуждается в американской сельскохозяйственной продукции, технологиях и капитале, в то время как Соединенным Штатам нужны китайская рабочая сила, сырье и дешевые товары. В конце концов Китай и США положат конец этой торговой войне за счет обоюдного учета экономических интересов. Китай увеличил импорт некоторых американских товаров, чтобы компенсировать дефицит торгового баланса США. Во-вторых, в китайско-американской торговой войне Соединенные Штаты применили налоговую политику для санкций в отношении Китая. Контрнаступление Китая было жестким, и Китай принял соответствующие антисанкционные меры. Китайская компания ZTE подверглась санкциям со стороны Соединенных Штатов за якобы

нарушение правил США, что стало для ZTE серьезным ударом. Эта ситуация также неблагоприятна для других китайских технологических компаний и выгодна для некоторых высокотехнологичных отраслей промышленности в Соединенных Штатах. Фактически, Китай находится в слабой позиции: ущерб, вызванный повышением тарифов для Китая, намного выше, чем ущерб для самих Соединенных Штатов, но Соединенные Штаты также несут определенные потери.

3.4. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество

Тема «Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество» в основном включает три конкретных темы: китайско-российская торговля, китайско-российское финансовое сотрудничество и китайско-российское сотрудничество в области промышленности.

Среди 14 текстов 5 положительных, 5 отрицательных, 4 нейтральных.

Положительные. Во-первых, хотя объем торговли между Китаем и Россией в 2016 г. сократился, структура торговли улучшается — от торговли сырьем до торговли товарами с определенным техническим содержанием, например, количество машинотехнических изделий и электроники увеличилось. Кроме того, сотрудничество в таких высокотехнологичных областях, как атомная энергетика, авиастроение, аэрокосмическая промышленность и микроэлектроника, стало более интенсивным. Во-вторых, Китай стал крупнейшим торговым партнером России, и доля китайско-российской торговли во внешней торговле России продолжает увеличиваться. Политические отношения между Китаем и Россией стабильны, и китайско-российские торговые связи имеют большие перспективы. В-третьих, китайская инициатива Экономического пояса Шелкового пути оказывает положительное влияние на китайско-российское торговое сотрудничество. Россия имеет богатые сырьевые и энергетические ресурсы, а Китай имеет большой потенциал промышленного производства и емкий рынок. Китай и Россия сотрудничают в торговле, что способствует реализации их собственных сравнительных преимуществ.

Отрицательные моменты состоят в том, что общий уровень китайско-российского торгового сотрудничества пока еще низок, а структура торговли оставляет желать лучшего. Сложившийся тип торговли принес экономические выгоды Китаю, но он не способствует долгосрочному развитию российской экономики.

Нейтральные. Китай является важным торговым партнером России. Ситуация импорта и экспорта Китая и России меняется с каждым годом, вряд ли можно говорить об одностороннем выигрыше той или иной стороны.

Выводы

В результатах проведенного исследования экономического имиджа Китая в России получены следующие выводы.

1. **Позитивный имидж:** Китай — успешный экономический реформатор, активный российский финансовый партнер, активный пропагандист международного экономического сотрудничества.

2. **Негативный имидж:** Китай — неэффективная модель экономического развития, разрушитель экологической среды, нарушитель экономического порядка, эксплуатант ресурсов в России, некачественный товаропроизводитель, потенциальная угроза России.

3. **Нейтральный имидж:** Китай — соперник экономической гегемонии США, мировая фабрика и важный экономический и торговый партнер России.

С одной стороны, этот сложный имидж связан с китайско-российским процессом экономических реформ, историей и текущим положением китайско-российской торговли, существующим положением китайско-российского финансового сотрудничества, изменениями экономических отношений между Россией и Соединенными Штатами и экономических отношений между Соединенными Штатами и Китаем. С другой стороны,

этот имидж связан с русским национальным популизмом и характеристиками публично-го дискурса социальных сетей. На данном этапе восприятие российской общественностью экономического имиджа Китая очень сложно: публика по-разному относится к разным аспектам китайской экономики и ко многому относится эмоционально. Для этого сложного и разнообразного когнитивного познания мы должны как объективно анализировать его, так и рационально относиться к этому явлению. Что касается некоторых взглядов с низкой достоверностью и низким авторитетом источников, нам не нужно придавать им слишком большое значение, но мы должны уделять достаточно внимания некоторым репрезентативным взглядам, в частности, национализму и народному популизму российского общества, чтобы не допустить негативного влияния этих взглядов на китайско-российское экономическое сотрудничество.

Построение имиджа требует длительного времени. Некоторые социальные и исторические факторы все еще будут существовать в краткосрочной перспективе — такие, как модель экономического развития Китая, стереотипные представления о китайских товарах. Появились некоторые новые факторы, влияющие на изменение экономического имиджа Китая. В их числе — китайская концепция международного сотрудничества, углубление китайско-российского политического взаимного доверия и неправительственных обменов, растущая международная конкурентоспособность китайских предприятий. Мы должны признать нынешний имидж, укрепить взаимопонимание и взаимное доверие и облагородить китайскую экономику, постепенно изменить восприятие россиянами китайской экономики. Таким образом, данная работа предлагает целевую стратегию по улучшению экономического имиджа с точки зрения правительства, СМИ и предприятий. Будучи регулятором национальной экономики, китайское правительство должно стремиться к улучшению экономического имиджа и в стране, и за границей. В стране китайское правительство должно регулировать и контролировать внутреннюю макроэкономику страны, активно содействовать преобразованию режима экономического развития, модернизировать производственную структуру и уделять внимание окружающей среде, направлять инвестиции китайских предприятий. С точки зрения внешней политики китайское правительство должно содействовать публичной дипломатии и культурной дипломатии, поддерживать торговые отношения со странами всего мира и формировать благоприятный имидж на международной арене. В качестве важного создателя экономического имиджа китайские СМИ должны активно расширять свою культурную деятельность, фокусироваться на использовании интернет-технологий, укреплять обмен с российскими СМИ, в полной мере использовать интернет-технологии для понимания российского общественного мнения, активно формировать экономический имидж Китая в социальных сетях и сокращать недопонимание общественностью китайской экономики. Являясь основными субъектами рыночной экономической деятельности, китайские предприятия должны действовать в соответствии с законом, оптимизировать структуру зарубежных инвестиций, контролировать качество продукции, содействовать стратегии по формированию маркетинга бренда, активно раскрывать информацию, активно интегрироваться в местную экономику и общество, чтобы создавать хороший имидж бренда на основе качественных продуктов и услуг.

1. *Гань Тин*. “Цзинци сюэжэнь” жухэ гоуцзянь Чжунго цзинци синсян: куаця лилунь шиюэ ся дэ нэйжун фэйньси цинци чань цэ: [Как «Экономист» строит экономический имидж Китая: анализ содержания и интерпретация с точки зрения рамочного анализа]. Шоши луньвэнь: [Магистерская диссертация]. 2012.
2. *Лю Чэн*. Чжунго цинци синсян дуйвай чуанбо дэ шоучжун цэлюэ: [Аудитория стратегии по распространению экономического имиджа Китая] // Дуйвай чуанбо. 2012. № 11. С. 11–12.

3. *Чжао Юнган*. Чжунго цзинци яньбянь — цинюй юйляоку дэ синсян цзай “шндай” чжун дэ хуаги. Лиши фэньси: [Эволюция экономического имиджа Китая в журнале “Тайм”: дискурсивно-исторический взгляд на основе корпусной лингвистики] // Юйляоку юйяньсюэ. 2017. № 1. С. 44–61.
4. *Ма Янь*. Цун тайду ситун кань мэйго чжулю мэйти дуй Чжунго цзинци синсян дэ гоуцзянь сяи цинюй юйляоку дэ пипин хуаюй яньцзю: [Конструирование имиджа экономики Китая ведущими средствами массовой информации в США] // Чжэцзян шифань дасюэ сюэбао. 2015. № 3. С. 101–107.
5. *Чжан Лу*. Дандай Чжунго гунцюаньли ванло цзяньча яньцзю: [Исследования по сетевому надзору за современной китайской государственной властью]. Хэфэй: Изд-во Технологического университета. 2013. С. 174.
6. *Тянь Хайтун*. Пипин хуаюй фэньси: чаньцзэ, сыкао, яньцзю: [Анализ критического дискурса: интерпретация, мышление, применение]. Тяньцзинь: Изд-во Нанкайского университета, 2014. С. 45.
7. *Гао Сюаньян*. Фаланси сысян пинлунь. Ди сыцюань: [Обзор французской мысли. Т. 4]. Шанхай: Изд-во университета Тунцзи, 2009. С. 189.
8. *Сюй Цуйин*. И хулянь ван вэй мэйцзя дэ чунту гуаньли цинюй ванло дунъюань дэ шицзю: [Интернет-управление конфликтами с точки зрения мобилизации сети]. Шанхай, 2016. С. 205.

72

93

Иностранный капитал на рынке недвижимости Великобритании (на примере инвестиций из Большого Китая)

© 2019

К.А. Гемуева

В статье рассмотрены структура и особенности рынка недвижимости Великобритании. Указаны основные изменения налогообложения недвижимости и операций с ней. Дана оценка участия иностранного капитала на рынке недвижимости Великобритании. Проведен анализ вложений инвесторов из Большого Китая, направленных в девелоперские проекты, гостиничную, офисную и торговую недвижимость Великобритании. Перечислены факторы, влияющие на активность инвесторов из Большого Китая на рынке недвижимости Великобритании. *Ключевые слова: недвижимость Великобритании, Китай, Гонконг, строительство недвижимости, гостиничная недвижимость, офисная недвижимость.*
DOI: 10.31857/S013128120007991-1

Рынок недвижимости Великобритании обладает определенными преимуществами. В их число можно включить стабильность экономики Великобритании, статус одного из крупнейших мировых финансовых центров, возможность проведения операций через находящиеся под контролем Великобритании офшорные юрисдикции, возможности повысить имидж компании за счет приобретения эксклюзивной недвижимости. Данные факторы обеспечили привлекательность рынка недвижимости Великобритании для иностранных инвесторов, в том числе из Большого Китая¹. Динамика мировых экономических процессов, изменения экономических и политических реалий Великобритании, в частности, в налоговой сфере, делают актуальным детальный анализ рынка недвижимости Великобритании, тенденций его развития и перспектив в качестве места приложения китайского капитала.

По данным Управления национальной статистики Великобритании, суммарная стоимость всей недвижимости в стране к концу 2017 г. оценивалась в 8,8 трлн ф.², причем доля жилой недвижимости составила 74%. Стоимость жилой недвижимости, арендуемой на частной основе, оценивалась в 1,15 трлн ф., из нее на доходную (для сдачи в аренду) недвижимость³, включая студенческие общежития, пришлось всего 4%. Тем не менее в последние годы наблюдается активное развитие этого сектора недвижимости — с 2013 г. прирост вложений в него достиг 172%.

Суммарная стоимость коммерческой недвижимости к концу 2017 г. составила 935 млрд ф., из которых 37% пришлось на недвижимость в секторе розничной торговли, 30% — на офисную недвижимость, 24% — на промышленную недвижимость и 9% — на недвижимость другого назначения (гостиницы, автозаправочные станции и др.). Од-

Гемуева Карина Алиевна, младший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). E-mail: krina07@mail.ru.

нако по показателю суммарной площади помещений доля торговой недвижимости составила всего 22%, а офисной — 16%. Стоимость доходной коммерческой недвижимости к концу 2017 г. превысила 500 млрд ф. За предыдущие 5 лет произошли изменения в ее структуре: доля торговой недвижимости сократилась на 7% за счет роста вложений в офисную и промышленную недвижимость. Что касается вложений иностранного капитала в доходную коммерческую недвижимость, то его доля за 15 лет выросла с 14 до 30%. Применительно к различным типам недвижимости она составила 49% в офисных помещениях, 32% — в недвижимости другого назначения, 14 и 6% в торговой и промышленной недвижимости соответственно. В структуре иностранных вложений 70% пришлось на офисную недвижимость, тогда как на торговую недвижимость, недвижимость другого назначения и промышленную недвижимость — всего 16%, 11% и 3% соответственно⁴. Ввиду более активного участия иностранных инвесторов на рынке офисной и гостиничной недвижимости Великобритании в статье подробно рассматриваются именно эти категории коммерческой недвижимости, а также девелоперские проекты.

Особенности рынка недвижимости Великобритании

В течение десятилетий в Англии, как и в целом в Великобритании, нарастал жилищный кризис, связанный с нехваткой доступного жилья. С конца 1960-х годов наблюдалась тенденция к сокращению объемов жилищного строительства, в начале 2010-х под влиянием финансового кризиса 2008 г. число достроенных объектов недвижимости достигло исторического минимума (рис. 1.). Сокращение предложения на рынке жилья отразилось на стоимости активов: в 1971–2011 гг. цены на жилую недвижимость в Великобритании росли быстрее, чем в любой другой стране ОЭСР⁵. Доходы населения в этот период росли более низкими темпами, что постепенно снижало финансовые возможности приобретения собственного жилья, особенно у молодых семей.

Многие британские ученые сходятся во мнении, что основной причиной кризиса доступного жилья послужили нормативные ограничения британской системы планирования⁶. К их числу можно отнести политику «зеленых поясов», сдерживающих расширение городов, ограничения по высоте новых зданий, отсутствие действенных стимулов у местных властей для содействия строительству, а также поощряемую системой планирования позицию населения «только не на моей территории»⁷.

Кризисная ситуация на рынке жилой недвижимости в начале 2010-х годов поставила власти Великобритании перед необходимостью пересмотра или реформирования различных элементов государственной политики в этой сфере. Серьезные изменения затронули и налоговую систему: покупателям первого жилья были предоставлены налоговые преференции, тогда как на владельцев инвестиционного или дорогого жилья легло дополнительное налоговое бремя. Поэтапно стали облагаться налогами определенные виды доходов нерезидентов в сфере недвижимости.

В 2015–2017 гг. властями Великобритании была сформулирована амбициозная цель — ввести 1 млн новых жилых помещений к концу 2020 г. и дополнительно 500 тыс. помещений к концу 2022 г. Хотя эффективность некоторых мер правительства вызывает сомнения⁸, можно наблюдать тенденцию к восстановлению объемов строительства. Так, в 2017/2018 фин.г.⁹ чистый прирост жилищного фонда Англии составил 222 тыс. помещений, причем кроме достроенных объектов жилой недвижимости весомую долю в этом показателе в последние годы стал играть чистый прирост за счет изменения статуса недвижимости¹⁰. Тем не менее достигнутые результаты пока не полностью удовлетворяют потребность в новых объектах жилой недвижимости в Англии, которая, по различным оценкам, составляет 240–340 тыс. помещений в год¹¹.

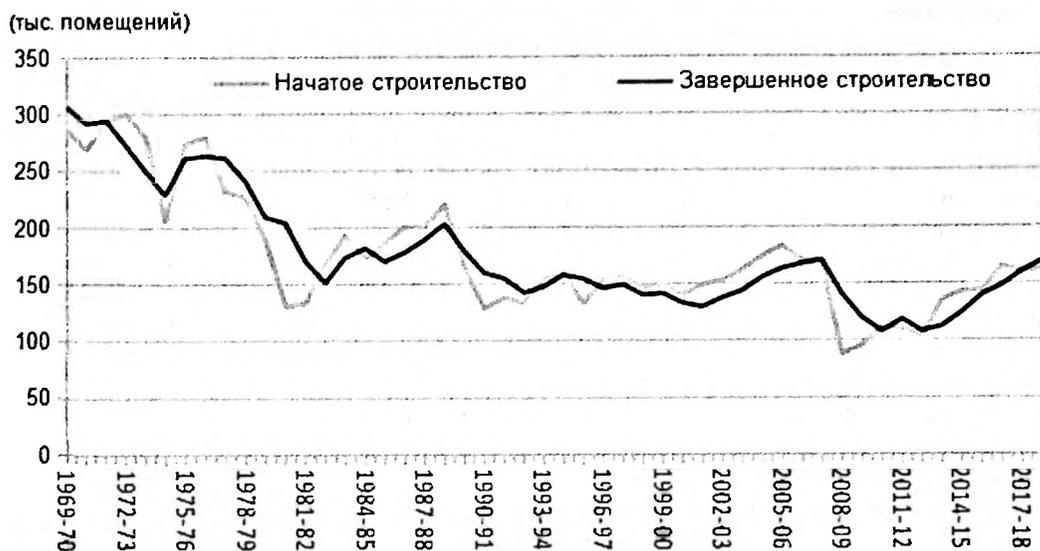

Рис. 1. Строительство жилой недвижимости в Англии в 1969–2019 фин. гг.

Источник: Live tables on house building, tables 208, 209.

URL: <https://www.gov.uk/government/statistical-data-sets/live-tables-on-house-building>

К началу 2018 г. число объектов недвижимости в Англии и Уэльсе, принадлежащих зарубежным компаниям, достигло 97 тыс., из которых 44% находилось в Лондоне¹². Общая стоимость этих вложений оценивалась в 55,1 млрд ф., причем доля Лондона и Юго-Восточной Англии составила 62% и 13% соответственно. В целях сохранения конфиденциальности и оптимизации налогообложения существенная часть сделок в сфере недвижимости была реализована посредством зарегистрированных вне Великобритании компаний, в том числе в офшорных юрисдикциях. Так, 2/3 недвижимости, принадлежащей иностранным собственникам, оформлены на компании, зарегистрированные на Британских Виргинских островах, островах Джерси, Гернси и Мэн¹³. Что касается китайских компаний, то они в качестве промежуточных звеньев инвестиционной цепочки зачастую используют компании, зарегистрированные в Гонконге, Люксембурге, Нидерландах и офшорных юрисдикциях.

Последние изменения налогового законодательства Великобритании в числе прочего нацелены на закрытие «лазеек» в законах, позволяющих избегать уплаты ряда налогов путем оформления недвижимости на иностранную компанию, например, налога на наследство и налога на прирост капитала. Значительное число вложений в недвижимость, реализуемых через офшорные территории, поставило вопрос о необходимости введения более строгого контроля. В целях борьбы с «отмыванием денег» в июле 2018 г. был обнародован законопроект, предусматривающий введение реестра иностранных компаний, владеющих недвижимостью в Великобритании, с указанием конечного бенефициара и источника средств¹⁴.

Рассматривая вложения иностранцев в жилую недвижимость Великобритании, необходимо отличать гражданство от налогового статуса. Так, иностранные граждане, постоянно проживающие и работающие на территории Великобритании, являются налоговыми резидентами, тогда как британцы, постоянно проживающие за рубежом, могут относиться к налоговым нерезидентам. В отчете агентства недвижимости Savills указывается, что 37% резидентов Лондона родились за рубежом, но живут и работают в городе. В то же время нерезидентами было реализовано лишь 7% сделок на рынке жилой не-

движимости Большого Лондона в 2013/2014 фин.г. С учетом различных типов жилой недвижимости доля иностранного капитала высока как на рынке элитной недвижимости в центральной части города, так и на первичном рынке. Причем в первом случае характерно приобретение недвижимости для собственного проживания, а для второго — покупка жилья для сдачи в аренду¹⁵. Согласно отчету University of York, доля нерезидентов на первичном рынке жилья в 2014–2016 гг. составила 13%, причем 2/3 сделок с иностранным капиталом пришлось всего на 4 страны и территории — Гонконг, Сингапур, Малайзию и Китай¹⁶.

В связи с ужесточением налогового и правового режима для арендодателей и иностранных компаний доля жилой недвижимости, сдаваемой в аренду компаниями-нерезидентами, с 2010 по 2018 г. сократилась с 17 до 12% в Лондоне и с 13 до 6% в Великобритании в целом. Большая часть таких компаний зарегистрирована в Западной Европе (44%), Австралии (16%), Северной Америке (14%), Азии (12%)¹⁷. Что касается китайских инвесторов, наряду с вложениями в жилую недвижимость Лондона в последние годы наблюдается интерес к приобретению недвижимости для сдачи в аренду в Манчестере и Ливерпуле¹⁸, особенно после запуска прямого авиарейса Манчестер — Пекин в 2016 г.

Рост активности иностранного капитала на рынке жилой недвижимости Великобритании дал основание к началу дискуссий о влиянии этого фактора на сектор в целом. Например, в исследовании Smith Institute был сделан вывод о наличии прямой взаимосвязи между иностранными инвестициями в сектор и ростом цен на жилую недвижимость, что могло в свою очередь стать одной из причин кризиса доступного жилья¹⁹. В отчете независимого аналитического центра Civitas сообщалось, что «зарубежные инвестиции искажают приоритеты жилищного строительства», так как застройщики на много более заинтересованы в проектах по возведению элитной недвижимости, подкрепленных спросом из-за рубежа, чем в строительстве доступного жилья²⁰. Также проводились дискуссии и исследования по вопросу пустующих домов, находящихся в собственности иностранных инвесторов²¹. В связи с опасениями, что иностранные инвесторы скупают недорогое жилье в Лондоне, в начале 2018 г. было предложено предоставлять жителям Лондона первоочередное право в течение месяца приобретать такую недвижимость, а затем в течение последующих двух месяцев — остальным британцам²². Среди положительных аспектов участия иностранного капитала на рынке недвижимости можно отметить важную роль предварительных продаж жилья, преимущественно покупателям из-за рубежа, в финансировании крупных проектов жилищного строительства²³.

При инвестировании в девелоперские проекты в Великобритании иностранные компании должны принимать во внимание ряд факторов. Для изменения правового статуса недвижимости, проведения строительных работ по возведению нового здания или перестройке уже существующего необходимо получить разрешение на строительство у органов местного самоуправления. При реализации крупных девелоперских проектов требуется выполнение определенных социальных обязательств. К числу таких требований относятся сбор на строительство общественной инфраструктуры (Community Infrastructure Levy) и определенная доля доступного жилья в строящемся жилом фонде. Доля доступного жилья (обычно 25–35%) определяется местными властями, однако поскольку это требование носит рекомендательный характер, в большинстве случаев девелопер может снизить и даже полностью исключить его из соглашения за счет предоставления отчета по оценке жизнеспособности проекта²⁴. Процесс согласования условий получения разрешения на строительство с органами местного планирования, проведение консультаций с общественностью представляют определенные трудности для иностранных инвесторов и часто становятся причиной затягивания сроков начала проекта или даже его отмены. По этой причине девелоперский проект, уже имеющий разрешение на строительство, приобретает дополнительную стоимость и держится рядом компаний именно в качестве актива для продажи.

Налогообложение недвижимости и операций с ней

Владение недвижимостью и операции с ней подлежат обложению следующими налогами²⁵: гербовый сбор земельного налога (Stamp Duty Land Tax), налог на дорогостоящую недвижимость (Annual Tax on Enveloped Dwellings), муниципальный налог (Council Tax), налог на доходы для физических лиц (Income Tax) или корпоративный налог (Corporate Tax), налог на прирост капитала и налог на наследство.

Гербовый сбор земельного налога взимается в Англии и Северной Ирландии при покупке недвижимости и земли при превышении установленного порога стоимости. Ставка налога зависит от стоимости недвижимости или земли, принадлежности к жилой или нежилой недвижимости, формы владения недвижимостью (Freehold и Leasehold²⁶). Можно проследить вектор изменений по введению дополнительной максимальной ставки налога на жилую недвижимость: с 28 марта 2000 г. — 4% за актив более 500 тыс. ф. с апреля 2010 г. — 5% за актив более 1 млн ф., с 21 марта 2012 г. — 7% за актив более 5 млн ф. (15% для юридических лиц). С 3 декабря 2014 г. произошел переход от относительной поразрядной шкалы к многоступенчатой прогрессивной, тем самым решилась проблема скачкообразного изменения уровня налога на стыке разрядов. В то же время были значительно повышены ставки налогов, особенно на дорогую жилую недвижимость: 10% в интервале 925 тыс. — 1,5 млн ф. и 12% выше 1,5 млн ф. С апреля 2016 г. у покупателей инвестиционного (для сдачи в аренду) или второго и более жилья к базовой ставке прибавляется дополнительно 3%²⁷. Для юридических лиц действует ставка 15% с пороговой стоимости жилой недвижимости 500 тыс. ф., однако предусмотрен ряд исключений, в том числе для недвижимости, используемой в проекте строительства или для сдачи в аренду. Для покупателей своего первого дома применялся повышенный установленный порог стоимости с 25 марта 2010 г. по 24 марта 2012 г. и с 22 ноября 2017 г. С 3 декабря 2014 г. произошло также повышение ставок налога на нежилую недвижимость: при приобретении недвижимости Freehold максимальная ставка 4% ранее применялась к активам стоимостью более 500 тыс. ф., а с декабря 2014 г. максимальная ставка 5% стала взиматься при покупке актива стоимостью свыше 250 тыс. ф.

Налог на дорогостоящую недвижимость введен в 2013 г. и взимается раз в год с жилой недвижимости стоимостью более 500 тыс. ф. (с 2016 г.), принадлежащей юридическому лицу. В зависимости от стоимости недвижимости уплате подлежит изменяемая раз в год твердая налоговая сумма (от 3650 ф. до 232 350 ф. в 2019/2020 фин.г.)²⁸. Фактически данный налог взимается за сохранение конфиденциальности персональных данных владельца недвижимости.

Муниципальный налог уплачивается ежегодно местным властям с жилой недвижимости, собственной или арендованной. Величина налога зависит от местонахождения и оценочной стоимости жилья (по ценам на апрель 1991 г.), в Англии применяется восьмиразрядная шкала. С 2013 г. местные власти получили право самостоятельно устанавливать льготные налоговые ставки, а впоследствии вводить повышенные налоговые ставки на вторую или пустующую жилую недвижимость.

При сдаче в аренду недвижимости, собственником которой является землевладелец-нерезидент (как физические, так и юридические лица), с арендной платы взимается подоходный налог в размере 20%. Для резидентов действуют повышенные ставки (40% и 45%) на более высокую ренту, но предусмотрены налоговые вычеты. Если иностранный инвестор владеет такой недвижимостью через компанию, зарегистрированную в Великобритании, то с ренты взимается корпоративный налог (19% в 2017–2019 гг. и 18% с апреля 2020 г.). С апреля 2020 г. подоходный налог для компаний-нерезидентов будет заменен на корпоративный налог, также будет введен лимит вычета процентов по кредитам²⁹.

В Англии при уплате налога на прирост капитала с продажи жилой недвижимости применяются ставки 18 и 28%, для нежилой — 10 и 20%. В течение последних не-

скольких лет налоговые обязательства землевладельцев-нерезидентов были скорректированы. Если ранее с нерезидентов не взимался налог на прирост капитала, то с апреля 2015 г. как физические лица, так и большинство компаний-нерезидентов стали платить налог с продажи жилой недвижимости. С апреля 2019 г. налоговые обязательства были распространены и на прибыль от продажи нежилой недвижимости путем налога на прирост капитала для физических лиц и корпоративного налога для компаний-нерезидентов. Изменение налогового законодательства закрыло «лазейку» по уклонению от налога на прирост капитала за счет косвенных сделок — продажи акций британской или зарубежной холдинговой компании, владеющей активом.

Налог на наследство в отношении недвижимости, расположенной в Великобритании, ранее взимался только с физических лиц (как резидентов, так и нерезидентов). Возможность уклонения от данного налога за счет владения жилой недвижимостью через зарубежную компанию (ООО, партнерство) закрыта с 6 апреля 2017 г.³⁰ Базовая ставка налога — 40%.

Девелоперские проекты

Основываясь на финансовой отчетности компаний и данных СМИ, было проанализировано 40 проектов строительства жилой, офисной, торговой и гостиничной недвижимости на территории Великобритании с участием инвесторов из Большого Китая. За исключением гонконгской компании Hutchinson Whampoa Property Group (в настоящий момент конгломерат CK Hutchison Holdings Limited), реализовавшей с конца 1990-х годов несколько проектов по строительству элитной недвижимости в Лондоне, остальные проекты с участием компаний из Большого Китая относятся к периоду после 2010 г. В связи с длительными сроками реализации масштабных строительных проектов, задержек на этапе получения разрешения на строительство, приостановки части проектов по причине неопределенных перспектив рынка элитной недвижимости, доля реализованных проектов в настоящее время невелика. Среди 40 девелоперских проектов только 8 уже реализованы или будут реализованы к концу 2019 г., в то время как 20 находятся в процессе строительства, а 12 — на этапе планирования. Если говорить о проектах, находящихся на стадии реализации, то девелоперам в среднем потребовалось два-три года, чтобы начать строительство. Впрочем в случае проекта Chelsea Waterfront на это ушло около 13 лет.

В территориальном разрезе строительная деятельность компаний из Большого Китая сконцентрирована в столице (31 проекта) и Манчестере (7 проектов), по одному проекту приходится на Бристоль и Кембридж. Наблюдается немало примеров совместных инвестиций с британскими и другими иностранными компаниями, например, гонконгская компания Kwok Family Interests реализует жилищные проекты Goodluck hope и Millharbour Quarter совместно с ирландским девелопером Ballymore, а проект Lillie Square — с британской компанией Capital & Counties Properties. Ряд компаний реализуют сразу несколько строительных проектов в Великобритании, в том числе Far East Consortium, CK Hutchison Group, Kwok Family Interests, Guangzhou R&F Properties Development и Beijing Construction Engineering Group International (BCEGI).

Инвесторы из Большого Китая участвуют в проектах различного масштаба — от небольших проектов по возведению элитного жилья до строительства целых жилых районов с сопутствующей инфраструктурой (табл.1.). Среди крупных проектов строительства коммерческой недвижимости выделяются Manchester «Airport City» и Royal Albert Dock. Оба проекта можно отнести к имиджевым для Китая, учитывая дипломатическую поддержку, финансирование со стороны государственных банков и участие государственных компаний в качестве девелоперов и инвесторов.

Большинство проектов с участием компаний из Большого Китая нацелены на строительство элитной недвижимости. В условиях кризиса доступного жилья в Великобритании это вызывает критику со стороны общественности, а доля доступного жилья становится важным предметом торга с местными властями. Однако имели место случаи утверждения проектов строительства лично мэром Лондона Борисом Джонсоном, невзирая на несогласие местных органов власти, например, проекта Alpha Square. Среди других поводов для критики можно назвать затенение прилегающего пространства вследствие большой высоты здания (Albion Riverside), экологические риски (проект на Teversham Road), вопросы пожарной безопасности (Spire London) и др.

Таблица 1

Четыре крупнейших проекта по строительству жилой недвижимости в Великобритании с участием инвесторов из Большого Китая.

Название проекта	Инвестор из Большого Китая	Планируемое число жилых помещений	Общая стоимость проекта (млн ф.)	Ход реализации проекта
Greenwich Peninsula	Knight Dragon	15720	8400	В 2012 г. инвестор приобрел 60% проекта, в 2013 г. довел свою долю до 100%. Строительство началось в 2013 г. и планируется завершить в 2039 г. Реализация на некоторых участках проекта заморожена в связи с неопределенностью из-за Брекзита.
Northern Gateway	Far East Consortium	10000	1000	В 2017 г. Far East Consortium выбран партнером и соинвестором проекта. В 2018 г. приобретено несколько участков. Проект находится на стадии планирования.
Convoys Wharf	CK Hutchison Group	3500	1900	Инвестор приобрел участок в 2005 г., первая заявка на строительство отвергнута в 2011 г., разрешение на строительство получено в 2014 г. после подачи измененной заявки. В 2017 г. проведено публичное обсуждение планов строительства, в 2018 и 2019 гг. представлены детальные планы на два участка. Проект находится на стадии планирования.
Middlewood Locks	Hualing Industry & Trade Group	2215	1000	Xinjiang Hualing Industry & Trade Group приобрел 25% проекта у гонконгской компании Top Spring International Holding. Строительство первой фазы проекта велось в 2016–2019 гг., реализация второй фазы — началась в 2018 г. Генеральный подрядчик первых двух фаз проекта — китайская компания VCEGI.

Источник: составлено автором по материалам СМИ и отчетности компаний

В рассматриваемых 40 проектах компании из Большого Китая участвуют в качестве девелоперов или инвесторов, в то же время есть примеры привлечения таких компаний исключительно для выполнения подрядных работ. Так, китайская компания VCEGI назначена подрядчиком для перестройки торгового центра Crompton Place в Болтоне, реализации проекта Lexington в Ливерпуле и проекта Middlewood Locks в Манчестере, а компания China Zhejiang Construction Group Hong Kong будет участвовать в проекте Angelgate. Кроме того, компании из Большого Китая инвестировали в 4 девелоперские компании: Pinnacle Regeneration Group (строительство социального жилья), Songbird Estates (материнская компания Canary Wharf Group), Meyer Homes (жилищное строитель-

ство) и Endurance Land (ремонтные работы и активное управление недвижимостью), хотя впоследствии вышли из капитала первых двух компаний.

Гостиничная недвижимость

Согласно данным индексного провайдера MSCI, средняя годовая доходность гостиничной недвижимости в Великобритании за 15 лет составила 9,9% против 7,6% в сфере недвижимости в целом³¹. Ужесточение налогового режима для инвесторов, сдающих жилую недвижимость в аренду, и умеренная доходность в сфере офисной недвижимости сделали гостиничную недвижимость привлекательным объектом вложения капитала. Общий объем сделок с гостиничной недвижимостью в Великобритании составил 5,4 млрд ф. в 2017 г.³² и 6,6 млрд ф. в 2018 г.³³, с почти равной долей британских и иностранных инвесторов. На рынке активно действуют инвесторы из США, Западной Европы, Ближнего Востока (Катар), Восточной и Юго-Восточной Азии (Сингапур, материковый Китай, Гонконг).

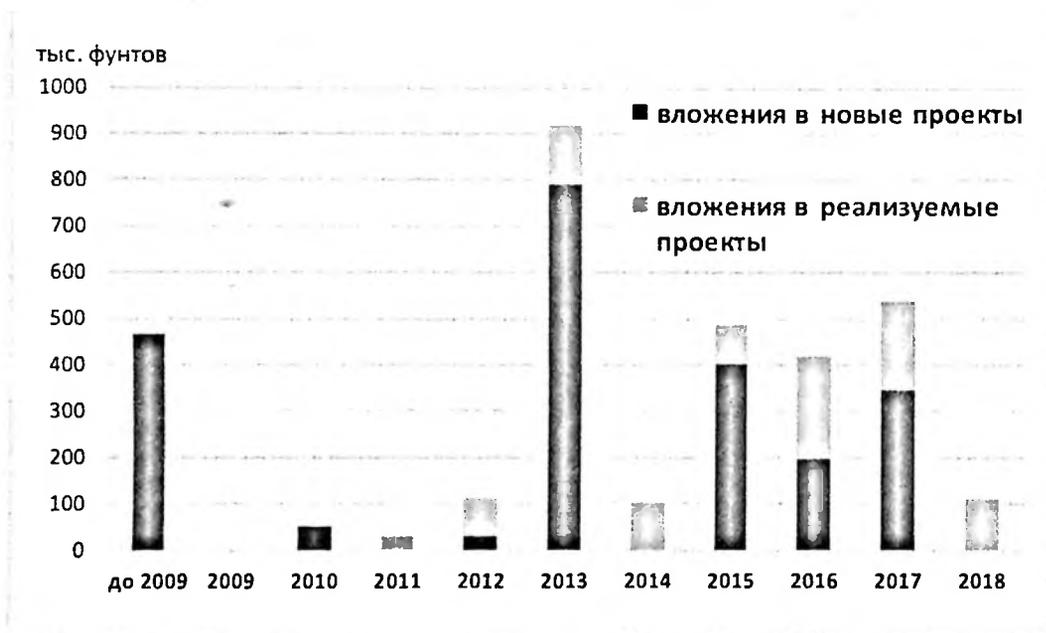

Рис. 2. Инвестиции из Большого Китая в гостиничную недвижимость Великобритании в 2009–2018 гг.

Источник: составлено автором на основании отчетности компаний и данных СМИ

По результатам анализа 21 сделки и девелоперского проекта в сфере гостиничной недвижимости Великобритании, объем накопленных капиталовложений инвесторов из Большого Китая к концу 2018 г. составил 3,24 млрд ф. Наибольшая инвестиционная активность наблюдалась в 2013–2017 гг. (рис. 2.). В числе трех проектов, реализованных до 2009 г., — два отеля, приобретенные гонконгскими инвесторами Jardine Matheson Group и HSH Group в 1996 г.³⁴. Первые годы отели находились под управлением других гостиничных сетей, в начале 2000-х годов был проведен их ребрендинг в Mandarin Oriental Hyde Park и The Langham London. С момента покупки на восстановление и ремонт первого отеля было потрачено более 140 млн ф. В целом дополнительные капитальные вложения в приобретенную недвижимость с целью перестройки или ремонта составили почти 30% от общего объема инвестиций (рис. 2.). В последние годы среди инве-

стором из Большого Китая наблюдается интерес к инвестициям в обслуживаемые апартаменты, расположенные рядом с гостиницей.

Интерес компаний из Большого Китая заметно смещен в сторону активов высокого класса: на 4- и 5-звездочные гостиницы приходится 79% всех капиталовложений. Примерами инвестиций в бюджетном сегменте являются сделки по приобретению отелей Travelodge London Liverpool Street и Travelodge London Kings Cross Royal Scot в 2016 г. и 40% доли в компании UPP Group Holdings, специализирующейся на строительстве общежитий для студентов, в 2013 г.

Большинство вложений компаний из Большого Китая сосредоточено в Лондоне, в том числе за счет более высокой стоимости недвижимости. В числе единичных приобретенных активов за пределами Лондона — отели Rosslea Hall и Isle of Eriska в Шотландии, а также особняк Broome Park в Кенте для открытия там гостиницы. Благодаря инвестициям в Kew Green Hotels, владельца и оператора отелей, и компанию UPP Group Holdings, а также двум крупным портфельным сделкам в 2013 и 2017 г. инвесторы из Большого Китая расширили свое присутствие на региональном уровне.

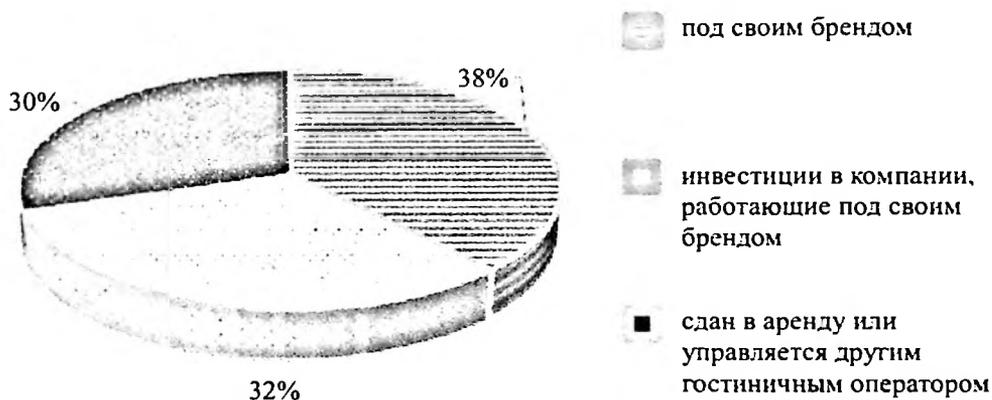

Рис. 3. Способы использования гостиничных активов Великобритании инвесторами из Большого Китая

Источник: составлено автором на основании отчетности компаний и данных СМИ

Доходность и риски инвестиций в гостиничную недвижимость зависят от способа использования актива. Например, сдача недвижимости в аренду, предпочитаемая институциональными инвесторами, предполагает стабильный доход, ограниченные бизнес-риски и минимальное участие инвестора. В то же время доходность таких инвестиций обычно ниже, чем при иных способах использования актива. В общем объеме инвестиций из Большого Китая в гостиничную недвижимость Великобритании на самостоятельное управление активом под своим брендом и сдачу недвижимости в аренду или управление активом другим оператором пришлось 38% и 30% соответственно (рис. 3.). Круг компаний, готовых не только инвестировать в недвижимость, но и выходить на рынок гостиничных услуг, ограничен крупными операторами отелей с узнаваемыми брендами и опытом деятельности в других странах. Оставшиеся 32% капиталовложений — это приобретение гостиничной недвижимости путем инвестиций в компанию-оператора со своим собственным брендом, например, Kew Green Hotels и UPP Group Holdings. Если учитывать всю британскую гостиничную недвижимость, приобретенную бизнесом из Большого Китая в результате инвестиций в международные гостиничные сети, то фактиче-

ский объем инвестиций будет намного выше. В случае приобретения компанией НК CTS Metropark Hotels оператора отелей Kew Green Hotels в 2015 г. наблюдается синергический эффект, связанный с популяризацией этого бренда у китайских туристов, с одной стороны, и выходом оператора на туристический рынок Китая и Гонконга для управления другими активами компании — с другой.

Помимо целевых проектов строительство гостиниц, наряду с созданием офисной и торговой инфраструктуры, также предусматривается в таких крупных проектах жилищного строительства, как One Nine Elms, Alpha Square, Vauxhall Square и Peninsula Quays в Лондоне, Manchester «Airport City» и St Michael's в Манчестере.

Офисная и торговая недвижимость

Опираясь на данные СМИ и отчетность компаний, было проанализировано 96 сделок с участием инвесторов из Большого Китая по приобретению офисной недвижимости, включая 5 сделок по перепродаже недвижимости между этими компаниями.

Рис. 4. Инвестиции компаний из Большого Китая в офисную и торговую недвижимость Великобритании.

Источник: составлено автором на основании отчетности компаний и данных СМИ.

С 2011 по 2017 г. наблюдалось увеличение притока капитала из Большого Китая в офисную и торговую недвижимость Великобритании (рис. 4.). В год проведения референдума по Брекситу было реализовано рекордное число сделок, но в результате резкого снижения стоимости активов общий объем инвестиций снизился по сравнению с 2015 г. В 2017 г. рекордный объем инвестиций объясняется заключением двух крупных сделок, на которые пришлось более трети вложений за год — приобретением гонконгскими компаниями Lee Kum Kee Group и CC Land Holdings знаменитых небоскребов «Walkie Talkie» и «Cheesegrater» соответственно. С введением в Китае ограничений на вывоз капитала осенью 2017 г. происходит как резкое снижение числа сделок и объема инвестиций, так и спешная продажа активов компаниями, попавшим в трудное финансовое положение. Среди таких примеров — продажа британской недвижимости компаниями China Minsheng Investment Corp., HNA Group и Fosun Group. Также есть примеры сделок по продаже офисных зданий по выгодной цене после проведения ремонтных работ: сделка

по продаже Corn Exchange компанией Reignwood Group и Ampersand — компанией Peterson Group. В целом, инвестиционная активность компаний из Большого Китая в сфере недвижимости Великобритании почти полностью сошла на нет к началу 2019 г.

К концу 2018 г. объем накопленных инвестиций в офисную и торговую недвижимость составил примерно 18 млрд ф., а средний размер сделки компании из Большого Китая — 182 млн ф. Географическое распределение инвестиций в такую недвижимость, по сравнению с проектами в сфере гостиничной недвижимости или строительства жилой недвижимости, имеют наибольшую концентрацию в Лондоне. На инвестиции в торговый центр Fosse Shopping Park в Лестере и два офисных здания в Манчестере приходится всего 3% от общего объема инвестиций. На приобретение недвижимости в единоличную собственность компаний из Большого Китая приходится 85% всех вложений.

По результатам анализа 52 сделок, в которых приводятся данные по чистой начальной доходности недвижимости, средний показатель составляет 4–5%, но может сильно варьироваться в зависимости от класса, размера актива, его расположения, длительности аренды и финансовой надежности арендаторов.

Рис. 5. Соотношение инвестиций из материкового Китая, Гонконга и Тайваня в офисную и торговую недвижимость Великобритании в 2008–2019 гг.

Источник: составлено автором на основании отчетности компаний и данных СМИ.

Проанализировав сделки по целям использования недвижимости, можно сделать вывод, что на инвестиции в активы для дальнейшей сдачи их в аренду приходится 96% всех вложений. Большинство таких сделок подразумевает покупку недвижимости в комплекте с существующими соглашениями на сдачу офисных и торговых площадей в аренду на длительный срок. Такие соглашения выступают гарантией предсказуемого и стабильного дохода для инвестора. На недвижимость, приобретенную для собственного использования, приходится 3% инвестиций. Примерами таких вложений являются 3 офисных здания, приобретенные Bank of China и China Construction Bank, а также Royal Mint Court — новое здание посольства КНР. На инвестиции с целью повышения стоимости актива после проведения строительных или ремонтных работ для последующей сдачи недвижимости в аренду или перепродажи приходится 1% вложений. К этой категории можно отнести инвестиции Reignwood Group и Peterson Group, уже продавших свои активы, и вложения гонконгской компании Lai Sun Group в три соседних офисных здания для строительства на их месте офисного небоскреба.

Что касается происхождения капитала, то на гонконгские компании приходится 54% инвестиций, а на инвестиции из материкового Китая и Тайваня — 37% и 9% соответственно. Пиковая активность компаний из материкового Китая наблюдалась в 2013–2014 гг. с сокращением объема инвестиций в последующие годы, тогда как большая часть инвестиций из Гонконга пришлось на 2015–2018 гг., с пиком в 2017 г. (рис. 5.).

Факторы влияния

Факторы, влияющие на приток инвестиций из Большого Китая в недвижимость Великобритании, можно разделить на те, которые непосредственно влияют на инвестиционную среду в Великобритании, и те, которые связаны с изменениями китайских реалий.

Вложения в сектор недвижимости Великобритании, особенно в Лондоне и других крупных городах, имеют ряд преимуществ по сравнению с другими странами. Во-первых, ликвидный рынок с широким выбором активов различных видов, в том числе офисов класса «А». Во-вторых, открытость для иностранных инвесторов и относительно простой налоговый режим. Для сравнения, в Швейцарии и Бельгии действуют жесткие ограничения на покупку жилой недвижимости иностранными покупателями. В-третьих, довольно высокая стабильная рента с учетом предпочтений к заключению долгосрочных договоров аренды в среднем на 7–15 лет. В-четвертых, повышение имиджа компании за счет приобретения знаковых исторических зданий или небоскребов.

Проведение референдума по Брекситу поставило под вопрос будущее Лондона как одного из ведущих мировых финансовых центров, а также как места базирования иностранных компаний с целью выхода на рынки стран ЕС. Неопределенность перспектив развития рынка недвижимости привела к тому, что ряд зарубежных инвесторов заняли выжидательную позицию или даже решили продать имеющиеся активы. С другой стороны, падение курса фунта стерлингов привело к значительному снижению затрат на приобретение британской недвижимости зарубежными инвесторами, а уход с рынка части игроков предоставил широкий выбор активов для приобретения.

Весомым фактором влияния является государственная политика Великобритании, например, привлечение китайских инвесторов для участия в крупных девелоперских и инфраструктурных проектах на севере Англии. Планируемое ужесточение регулирования иностранного капитала, изменения в налоговом режиме для иностранных инвесторов, как ожидается, заметны снизят, но не полностью исключат привлекательность инвестиций в недвижимость Великобритании в будущем.

Для рынка недвижимости характерно циклическое развитие, проявляющееся в колебаниях ценовых показателей и инвестиционной активности. Китай проводит активную государственную политику по стимулированию или сдерживанию активности на рынке жилой недвижимости на разных этапах цикла. Динамика цен на коммерческую недвижимость в Китае в целом повторяет колебания на рынке жилой недвижимости³⁵. Инвестиции в зарубежную недвижимость для девелоперских компаний и институциональных инвесторов позволяют диверсифицировать риски за счет различных циклов развития рынков недвижимости в разных странах. Более того к выходу на иностранные рынки недвижимости китайских инвесторов подталкивала жесткая конкуренция на внутреннем рынке в сочетании с введенными государством ограничениями на покупку жилья и растущими затратами по займам³⁶. В период бума китайских инвестиций в зарубежную недвижимость Великобритания являлась одним из приоритетных направлений вложений инвесторов из материкового Китая наряду с Гонконгом, Австралией и США³⁷.

Наличие у Гонконга тесных связей с Великобританией до передачи его под юрисдикцию КНР в 1997 г. облегчило возможность выхода гонконгских компаний на британский рынок недвижимости. Уже с середины 1990-х годов ими реализуются проекты в сфере гостиничной недвижимости и жилищного строительства. В свою очередь компании из

материкового Китая стали вкладывать в британскую недвижимость только после мирового финансового кризиса в рамках более широкого потока китайских инвестиций в страны ЕС. Часть китайского капитала также была направлена в строительство недвижимости и приобретение гостиниц, однако преобладающее число инвестиций из Большого Китая в этот период было реализовано в виде сделок на рынке офисной недвижимости.

В 2012–2016 гг. наблюдался всплеск активности китайских институциональных инвесторов на рынке коммерческой недвижимости Великобритании, в том числе китайского суверенного фонда CIC и Государственного управления валютного контроля КНР (SAFE). Решение Комиссии по контролю за страховой отраслью КНР ослабить в 2012 г. ограничения по инвестированию в зарубежную недвижимость позволило китайским страховым компаниям Ping An Insurance Group Co. и China Life Insurance Company реализовать ряд сделок по приобретению офисной недвижимости в Лондоне. Подобный шаг Комиссии по финансовому надзору Тайваня способствовал выходу тайваньских инвесторов на рынок недвижимости Великобритании. В 2014–2015 гг. тремя страховыми компаниями Fubon Life, Cathay Life и Shin Kong Life было приобретено шесть объектов коммерческой недвижимости в Лондоне, включая здание Музея мадам Тюссо.

Массовый вывод капитала за рубеж в виде «нерациональных сделок» в индустрию развлечений, спорт и недвижимость за счет кредитов, полученных в китайский банках, поставил власти КНР перед необходимостью ужесточить контроль за выводом капитала за пределы страны в конце 2016 г. Были поэтапно сокращены возможности эмиссии корпоративных облигаций китайскими девелоперскими компаниями. В августе 2017 г. были введены ограничения на зарубежные инвестиции китайских компаний в определенные сектора, включая недвижимость. В результате, по данным международной консалтинговой компании CBRE, объем китайских инвестиций в зарубежную недвижимость сократился с 35,4 млрд долл. в 2017 г. до 7,5 млрд долл. в 2018 г.³⁸ В условиях отсутствия возможности получения долгового финансирования таким компаниям, как HNA Group, China Minsheng Investment Corp. и Dalian Wanda Group, пришлось для погашения кредитов прибегнуть к продаже активов, включая приобретенную британскую недвижимость. В начале 2019 г. зафиксирована только одна сделка на британском рынке коммерческой недвижимости с участием китайской компании. Пока не будут ослаблены действующие ограничения, можно ожидать только единичных инвестиций в сферу недвижимости, например, финансируемых за счет кредитов некитайских банков³⁹.

1. Здесь и далее имеется в виду только материковый Китай, Тайвань, Гонконг и Макао.
2. Фунт стерлингов.
3. Под доходной недвижимостью здесь понимаются крупные, профессионально управляемые активы.
4. The Size and Structure of the UK Property Market: End-2017 Update. Investment Property Forum. 12.2018. URL: <https://www.ipf.org.uk/resourceLibrary/the-size---structure-of-the-uk-property-market---year-end-2017-update.html>.
5. Hilber C.A.L., Vermeulen W. The impact of supply constraints on house prices in England. CPB Discussion Paper. 2012. P. 1. URL: https://www.cpb.nl/sites/default/files/publicaties/download/cpb-discussion-paper-219-impact-supply-constraints-house-prices-england_0.pdf.
6. Hilber C.A.L., Vermeulen W. The impact of restricting housing supply on house prices and affordability. London: Department for Communities and Local Government. 2010. P. 7.
7. Hilber C. UK Housing and Planning Policies: the evidence from economic research. LSE: London. 2015. P. 4.
8. Ibid. P. 1.
9. В Великобритании финансовый год считается с 1 апреля по 31 марта.

10. Table 120: components of housing supply: net additional dwellings, England 2006–07 to 2017–18. URL: <https://www.gov.uk/government/statistical-data-sets/live-tables-on-net-supply-of-housing>.
11. *Wilson W., Barton C.* Tackling the under-supply of housing in England. Briefing paper № 07671. London: House of Commons Briefing Paper. 2018. P. 10–12.
12. HM Land Registry ведет такую статистику с октября 2013 г., данные за более ранние периоды не учтены.
13. Firms on Caribbean island chain own 23,000 UK properties. 13.02.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/business-42666274>.
14. Draft Registration of Overseas Entities Bill: government response to Joint Committee report. Policy paper. 18.07.2019. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/draft-registration-of-overseas-entities-bill-government-response-to-joint-committee-report>.
15. London's Overseas Buyers. Savills UK. 14.08.2014. URL: <https://www.savills.co.uk/insight-and-opinion/savills-news/132747-1/london-s-overseas-buyers>.
16. *Wallace A., Rhodes D., Webber R.* Overseas investors in London's new build housing market. Centre for Housing Policy, University of York, York. 2017. P. 7–8. URL: https://www.london.gov.uk/moderngovmb/documents/s58641_08b2c%20University%20of%20York%20data%20report.pdf.
17. Proportion of overseas based landlords halves since 2010. Hamptons International. 18.08.2018. URL: <https://www.hamptons.co.uk/news-research/press-releases/august-18-2018/>.
18. Chinese buy-to-let investors flocking to Manchester as enquiries rise 250%. 20.03.2018. URL: <https://www.buyassociation.co.uk/2018/03/20/chinese-buy-to-let-investors-flocking-to-manchester-as-enquiries-rise-250/>.
19. *Wilson W., Barton C.* Foreign investment in UK residential property. Briefing paper № 07723. London: House of Commons Briefing Paper. 2017. P. 5.
20. Stop rich overseas investors from buying up UK homes, report urges. 01.02.2014. URL: <https://www.theguardian.com/business/2014/feb/01/rich-overseas-investors-uk-eu-housing-market>.
21. *Wilson W., Barton C.* Foreign investment in UK... P. 2–3.
22. Londoners will get «first dibs» on new-build homes up to £350,000. 05.02.2018. URL: <https://www.standard.co.uk/news/london/londoners-will-get-first-dibs-on-newbuild-homes-up-to-350000-a3758126.html>.
23. *Hamnett C., Reades J.* Mind the gap: implications of overseas investment for regional house price divergence in Britain. *Housing studies*. Vol. 34. 2019. P. 393–395.
24. «Dismay doesn't do it justice»: how a secret system was used to axe hundreds of affordable homes. 26.05.2015. URL: <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2015-05-26/dismay-doesnt-do-it-justice-how-a-secret-system-was-used-to-axe-hundreds-of-affordable-homes-on-britains-most-iconic-construction-site>.
25. Налоговые системы Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии имеют некоторые отличия. В связи с концентрацией в Англии иностранных инвестиций в сфере недвижимости здесь приводятся основные положения налоговой системы Англии.
26. Freehold — безусловное право собственности на землю и построенного на нем здания. Leasehold — пользование на правах долгосрочной аренды в течение определенного срока (обычно 99 или 125 лет).
27. History of stamp duty taxes. URL: <https://www.stampdutyrates.co.uk/historic-rates.html>.
28. Annual Tax on Enveloped Dwellings. 20.03.2014. URL: <https://www.gov.uk/guidance/annual-tax-on-enveloped-dwellings-the-basics>.
29. *Graeme Blair.* Non-resident corporate landlords tax changes coming. 25.06.2018. URL: <https://www.goodmanjones.com/blog/non-resident-corporate-landlords-tax-changes-coming/>.
30. Inheritance tax on UK residential property and related finance. KPMG. 10.2017. URL: <https://home.kpmg/content/dam/kpmg/uk/pdf/2017/03/inheritance-tax-on-uk-residential-property-and-related-finance.pdf>.
31. UK hotels prove resilient to market headwinds. Savills UK. 18.01.2019. URL: <https://www.savills.co.uk/blog/article/273859/commercial-property/uk-hotels-prove-resilient-to-market-headwinds.aspx>.
32. UK hotel investment report Q1 2018. Savills UK. 13.03.2018. URL: https://www.savills.co.uk/research_articles/229130/228411-0.

33. UK hotel investment report 2019. Savills UK. 23.01.2019. URL: https://www.savills.co.uk/research_articles/229130/274445-0.
34. Включены в статистику с 1997 г. после передачи Гонконга под юрисдикцию КНР.
35. *Cooper A., Cowling A.* China's property market. Reserve Bank of Australia. 2015. URL: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2015/mar/5.html>.
36. Chinese outward real estate investment: after the initial waves, what's next? Knight Frank report. 2015. URL: <https://content.knightfrank.com/research/736/documents/en/chinese-outward-real-estate-investment-2533.pdf>.
37. Hong Kong beats US and UK as top destination for Chinese property capital. 02.08.2018. URL: <https://hongkongbusiness.hk/commercial-property/news/hong-kong-beats-us-and-uk-top-destination-chinese-property-capital>.
38. Chinese cut realty buys outside mainland. 10.06.2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201906/10/WS5cfdc35da310176577230415.html>.
39. China could step up UK investment after regulations relaxed in Beijing. 14.06.2018. URL: <https://www.buyassociation.co.uk/2018/06/14/china-could-step-up-uk-investment-after-regulations-relaxed-in-beijing/>.

72
16 =

Теория и методология

К пониманию глобальной стратегии Китая

© 2019

В.В. Малявин

В статье рассматриваются принципы современной внешней политики и глобальной стратегии Китая в их связи с мировоззренческими посылками традиционной китайской философии, культуры и политики. Как показывает автор, в основе традиционного китайского миропонимания, в том числе стратегии, лежала категория превращения (*хуа, и* и др.), которая утверждала совместность, событийность вещей и скрытую преемственность полярных величин. Из этой посылки пронесткало представление о существовании двух несходных, но и не раздельных мировых порядков. Оппозиция субъекта и внешнего мира не допускалась. В этой перспективе рассматривается историческое значение выдвинутого китайским руководством идеала «общности судьбы человечества» и концепции «новой Поднебесной», отмечаются параллели между китайской и современной западной философией.

Ключевые слова: глобальная стратегия, метафизика превращения, «общность судьбы человечества», «новая Поднебесная», всеединство мира.

DOI: 10.31857/S013128120008017-9

Глобализация с китайской спецификой

Одним из главных событий современности стало формирование новой внешнеполитической стратегии Китая, которой сопутствует и новое видение будущего человечества. Важнейшие составные части этой стратегии выражены в формулах «пояс и путь» и «общность судьбы человечества»¹. Обе формулы глубоко укоренены в традиционном китайском мировоззрении и в своем роде универсальны, ибо могут относиться и к странам, примыкающим к Китаю, и к азиатскому континенту, и, наконец, ко всему земному шару. Китайский лидер Си Цзиньпин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что экспансия Китая в рамках проекта «пояс и путь» не направлена на установление мирового господства Китая, не предполагает отношений дискриминации и эксплуатации, но будет строиться на принципах «совместного обсуждения», «совместного строительства» и «совместного удовлетворения интересов». Приобщение к «общему будущему человечества», не устает повторять китайское руководство, возможно только на основе равенства всех государств и народов, мирного разрешения конфликтов, справедливых законов, открытости и инклюзивности межгосударственного сотрудничества и примата гуманисти-

ческих ценностей (по-китайски букв. «пути человека»). А высшей целью китайской политики являются устойчивый мир, всеобщая безопасность и совместное процветание².

За шесть лет, прошедших с момента провозглашения нового курса, в Китае возникла обширная литература, посвященная ему, и сложился устойчивый набор понятий и принципов, конкретизирующих его содержание. Вот, например, как разъясняются эти принципы в резолюции совещания о позиции КПК в отношении «диалога мировых цивилизаций» (октябрь 2016 г.):

1. Открытость и инклюзивность: не судить в зависимости от степени близости и родства, не проводить границ, исходя из идеологических и ценностных предпочтений.

2. Сотрудничество ради общих достижений: сотрудничество — движущая сила, общие достижения — высшая цель.

3. Размеренное и уверенное движение вперед: постепенно устранять несправедливые и нерациональные порядки в современном мире.

4. Вести упорядоченную и последовательную политику: совмещать решение актуальных вопросов и достижение долгосрочных целей.

5. Быть внимательным к действительности, добиваться практических результатов: тщательно вникать в реальное положение дел, опираться на жизненный опыт³.

Что касается аргументов, которыми пользуются китайские теоретики «общности судьбы человечества», то их можно разделить на три категории.

Первая категория взята из области наблюдения над «реальным положением вещей». Последнее характеризуется тем, что современные технологические системы и в особенности информационные технологии превратили нашу планету в единое и общее для всех пространство. «Мир — это одна большая семья, — рассуждает директор Института финансово-экономических исследований шанхайского университета Тунцзи Ши Цзяньли. — В мировой экономике я нахожусь в вас, а вы находитесь во мне. Ни одно государство, предприятие или индивид не могут в одиночку справиться с вызовами на международной арене. Мы должны сотрудничать, объединяя все силы»⁴.

Вторая категория относится к аргументации от противного: предыдущие формы глобализации оказались несостоятельными, и современный мир нуждается в глобализации нового типа. Здесь китайские авторы направляют острые критики на глобализационные процессы, связанные с гегемонией США. Глобализация, порожденная Америкой, объявляется ими несправедливой, углубляющей неравенство, дискриминацию, социальный и политический хаос и, как следствие, питающей военные конфликты и терроризм. Главный порок американской модели глобализации под флагом либеральной демократии состоит в том, что лежащий в ее основании принцип индивидуальной идентичности неотвратимо ведет к разделению между подобными себе и «прочими», по существу враждебными, элементами, что заставляет Запад создавать блоки и в конечном счете утверждает раскол между Pax Americana и остальным миром. Китайский ученый Чжао Тинъян прямо называет глобализм американского типа антирезой реального мира, «немиром»⁵. Социологи Ван Дун и Цао Дэцзюнь говорят о необходимости «реглобализации» и выделяют четыре фазы глобализации в новейшей истории: «закрытая» фаза, соответствующая периоду холодной войны, «инволюционная» (2001–2008), «беспорядочная» (2008–2013) и, наконец, современная «инклюзивная» фаза, когда ведущая роль в мировых интеграционных процессах переходит к Китаю⁶.

Здесь мы переходим к *третьей группе* аргументов, которые обращены к наследию китайской цивилизации. Новая концепция глобальной миссии Китая исходит из того, что традиционное мировоззрение и ценности китайцев наилучшим образом соответствуют идеалу всемирности. Главную роль идеологи «глобализации с китайской спецификой» отводят гармонии (хэ), что предъясняет широкий спектр требований к личности и ее поведению: преодоление эгоизма, смирение, душевная чуткость, любезность, приверженность нравственному совершенствованию и т.п. Акцент на гармонических отношениях исключает резкие и тем более насильственные перемены в сложившемся миро-

вом укладе. Апологеты глобализации по-китайски заверяют, что Китай будет мягко входить в сложившийся мировой порядок, опираясь на общемировой консенсус и используя существующие институты для достижения согласия в мире. Для них всеобщий Путь (Дао) осуществляется тогда, когда вещи «сами становятся собой» (*цзы жань*)⁷.

Пропагандисты новой глобальности не скрывают, что опираются на наследие традиционного китайского мировоззрения. Они призывают вырабатывать соответствующий ей понятийный язык, чтобы покончить с засильем западных теорий и методик в социальных науках. Эта задача предполагает борьбу с «гегемонией английского языка в научной сфере»⁸.

Первостепенным фактором «общности судьбы» в китайской литературе объявляется «народное мнение», или «сознание» (*минь синь*). В оригинале фигурирует слово «сердце», которое в китайском языке означает и сознание, и ум, и намерения, и даже переживания. Мудрый правитель обязан снискать одобрение «сердца народа». А «взаимное проникновение чайний народов» (*миньсинь сянтун*) — неперемное условие причастности к общей судьбе человечества, гарантия справедливости нового глобального порядка.

В большинстве случаев разговор о судьбе человечества сводится к перечислению ценностей, которые кажутся китайским авторам наиболее разумными и универсальными. Обычно в этом ряду упоминаются справедливость и равноправие, та же гармония в отношениях между индивидами, народами и государствами, служение обществу, сочетание милосердия и законности, искренность и доверие, трудолюбие и бережливость, любовь к учению, открытость миру и т.д. Встречаются формулировки, отражающие прагматический уклон китайской мысли, например: «искать истину в фактах, идти в ногу со временем» и т.д.⁹. Нередки сравнительные характеристики европейских и азиатских ценностей. Чаще всего китайскому идеалу «сердца народа» отдается предпочтение перед институциональной демократией Запада. Последняя объявляется только средством артикуляции «народных чаяний»¹⁰. Особенно охотно китайские авторы противопоставляют западным принципам свободы, демократии и равенства — слишком формальным в их понимании — конфуцианские идеалы человечности (*жэнь*), центрированности (*чжун*) и, если так можно выразиться, «музыкально-радостного» (музыка и радость обозначаются в китайском языке одним иероглифом) чувствования жизни¹¹. Еще один типичный для китайского мировоззрения список идеальных качеств управления включает в себя внимание к составлению правильных законов, личной безопасности, охране природной среды, отбору талантливых людей и заботу о народе¹².

Трудно не согласиться с тем, что разговоры об «общих ценностях человечества» в китайской литературе преследуют цель, так сказать, «китаизировать» глобалистский дискурс и поставить его на службу интересам Китая. По этой причине за пределами КНР и особенно на Западе рассуждения о «новой глобализации» под эгидой Китая часто считаются пропагандистским прикрытием китайской экспансии, не заслуживающим серьезного разбора. Разумеется, элемент пропаганды присутствует в проекте «общей судьбы человечества», как, впрочем, в любой политической и общественной программе. Но столь же верно и то, что заявленные цели и принципы этого проекта требуют пристального рассмотрения и взвешенной оценки, ведь они касаются реальных проблем мирового развития. Даже западные идеологи признают, что китайская традиция располагает мощным ресурсом глобализации, не уступающим по привлекательности американскому идеалу «свободного мира»¹³. Самое понятие «судьбы человечества» едва ли не наилучшим образом определяет смысл глобализации и притом ставит достижение этой цели в зависимость от усилий самих людей. Сходные программы не чужды и Западу. Например, либеральный немецкий социолог У. Бек задолго до нынешних инициатив китайского руководства призвал к созданию «цивилизационного сообщества общечеловеческой судьбы», основой которого должно служить осознание «глобальных рисков и кризисов»¹⁴.

Конечно, продумывание исторического потенциала и перспектив китайской глобальной стратегии не гарантирует их реализации. Но отказ от их серьезного обсуждения

и анализа гарантированно сделает их реализацию невозможной. Нижеследующие заметки могут помочь заложить предпосылки для теоретического осмысления китайского глобального проекта.

Мировоззренческие послышки китайской стратегии

Говоря максимально просто, фокусом китайского мировоззрения и китайской культуры является концепт «перемены», «превращения» (*и, хуа, бян*). Такое понимание реальности предопределяет, по крайней мере, три метафизических постулата.

Во-первых, реальность несводима к субстантивному единству, будь то бытие, идея, материя и т.п. Мир в китайском представлении — это неисчерпаемое множество всего случающегося в нем. Соответственно, сущее здесь есть абсолютная единичность, самодостаточная сингулярность. Воистину существует лишь несравненное, безусловное, укорененное в себе.

Во-вторых, превращение утверждает присутствие в бездне метаморфоз сокровенной преемственности, некоей «всепроницающей» нити бытийствования¹⁵. Как следствие, каждая вещь существует по своему пределу и, следовательно, настолько же есть, насколько не-есть и даже более того: она становится собой благодаря тому, чем она не является. Другими словами, отсутствие и «небытие» в этой перспективе, будучи самым условием превращений, имеют приоритет над тем, что присутствует и имеет форму.

В-третьих, превращение по определению должно само превращаться и, следовательно, имеет внутреннюю глубину, второе дно, в котором оно переходит в нечто вечно-сущее. Предел изменчивости, он же неповторимое различие или абсолютная сингулярность, совпадает с высшим постоянством. Поэтому китайская мысль утверждала особую двойственность понятий без разделения. Она говорила о «сокрытии сокровенного» (*сюань-сюань*), «животворении живого» (*шэн-шэн*), «одухотворении духовного» (*цзин-цзин*), «гармонизации гармонии» (*хэ-хэ*) и т.д. Это означает, что превращение хранит в себе вертикальную ось возрастания качества, некий иерархический порядок и, следовательно, предполагает путь очищения и совершенствования, превосхождения себя.

Теперь укажем наиболее существенные следствия метафизики превращения для человеческой практики.

1. Практика при свете превращения удостоверяет мир всеобщего подобия, в котором все явленное, словно грани необозримого кристалла или бусы ожерелья, отсвечивают бездной мировых явлений и всегда указывают на нечто другое. Это мир вездесущей инно-сказательности, безграничной глоссолалии, столь же разнообразный, сколь и единый. Здесь все причастно высшей реальности, но повороты вселенского кристалла носят характер разделяющего синтеза: они и рассекают первичную цельность бытия на два полюса существования, и удерживают их в совместности. Первый полюс — чистая внешность, декорум, отблеск. Второй — чистая внутренность, то, что «темнеет» в темной глубине опыта. Одно не сопоставимо с другим, но, как ни странно, совпадает с ним, ибо то и другое — *тени* мира: то, что остается в своей оставленности. Каждая вещь долговечна своей «тенью».

2. Самое действие в перспективе превращения носит характер следования и одновременно возвращения, возобновления Начала всего, т.е. повторения неповторяемого. Оно предвосхищает все явления, не имеет признаков, самодостаточно и единично и потому существует в модусе самосокрытия. Сокровенность подлинного, или «великого», превращения — лейтмотив китайской традиции¹⁶. Те, кто проникается им, незаметны для окружающих, но могут внушать им панический страх¹⁷ именно потому, что, приобщаясь к «всепроницающей нити бытия», способны воздействовать на других изнутри, из самой глубины души. По сути, речь идет о событии в его непознаваемой спонтанности.

3. Действие следования/возвращения, оно же повторение неповторяемого, со стороны кажется подражанием, пассивной реакцией, которая, впрочем, предшествует активности. Здесь исчезает противопоставление покоя и движения, подлинного и ложно-

го и, более того, возобновление имеет приоритет над самостоятельным действием. Последствия этого подхода хорошо известны по склонности китайцев к имитации и их культу учения. В контексте вселенской гармонии упомянутое действие носит характер не прямого воздействия, а, так сказать, настройки, призыва и намёка, поиска наилучшего соответствия между отдельными моментами жизни — задание сущностно нравственное. Неразрывная связь жизненного опыта и морали запечатлена в самой емкой формуле китайской мудрости: «соответствуй другим в том, что таково само по себе» (*шэ у цзы жань*). Соответствие исключает тождество и, следовательно, разделение мира на «своих» и «чужих». Оно служит стимулом личного совершенствования, ведя личность к идеалу мировой со-ответственности. Понятие же «того, что таково само по себе» указывает на природу соответствия как качественно самобытного момента существования вне оппозиции субъекта и объекта, единого и множественного. В его свете мир предстает множественностью сингулярностей, ежесекундно *скрывающих* себя в имманентности опыта, удостоверяя тем самым «сокровенное единство» всего сущего¹⁸.

Предшествующее изложение позволяет увидеть в новом свете фундаментальный для восточноазиатского мировоззрения тезис о «недвойственной» или, если угодно, «двуединой» природе бытия. Превращение в его высшей фазе означает возведение опыта к текучей целостности единичностей, одновременно более разнообразной и более единой, чем эмпирический или интеллектуальный образы мира. Даосский патриарх Лао-цзы назвал эту целостность «Небесной сетью» — столь же неуловимой, сколь и всеместительной¹⁹. Метафора Лао-цзы указывает на глубинный порядок жизни, который представляет собой, если воспользоваться словами Б. Массуми, сказанными по другому поводу, «разнообразие событий, совместность которых непосредственно воспринимается — чувствуется поверх любых расстояний»²⁰.

Свидетельства об этом «небесном» — сверхлогическом и сверхличном — порядке жизни, спрятанном в ее земном укладе, имеются в знаменитой 2-й главе книги «Чжуан-цзы», где говорится о том, что в перспективе «переменных голосов» мира вещи «как будто едины в том, что как будто не едины»²¹. В другом месте Чжуан-цзы говорит о способности быть верным единству даже там, где единства нет, что, по его словам, равнозначно «служению Небу»²². Этот порядок действует противоположным образом в сравнении с физическими процессами и логикой рассуждения: он ничего не продолжает и не выявляет, а прерывает, ставит границу и возвращает к изначальному началу. Человек Пути, говорит Лао-цзы, «милует других обратным ходом»²³. Он уходит к центру бытия, ежесекундно скрывает себя и потому «подобен слепцу, идущему без посоха»²⁴. Милость мудрого состоит в том, что он, оставляя себя, предоставляет другим свободу «управляться самим» (букв. «самим превращаться») и так восстанавливает родовую полноту существования.

Итак, согласно философии превращения, в предметный мир вписан *другой* порядок — беспредметное, пустое единство единичностей вне или, точнее, прежде оппозиций рассудка и чувственного восприятия. Недоступный описанию и выражению, он свидетельствует о себе посредством иносказаний и аллюзий. Один из самых ярких тому примеров — знаменитый рассказ Чжуан-цзы о том, как он приснился себе бабочкой. Это рассказ, как подчеркивает сам Чжуан-цзы, о превращении, которое утверждает единство несопоставимых вещей в спонтанности существования (равнозначной сновидению). Превращение, заявляет Лао-цзы, «пособляет тому, что таково само по себе в вещах»²⁶. Речь идет о тождестве соотношенности всего сущего в «великом превращении» бытия или, по-другому, со-бытийности в событии мира.

Если Конфуций превыше всего ценил уступчивость, уклонение от самооткровенности как условие гармонизации отношений в церемониально-обходительном поведении, то даосские учителя ставили во главу угла совпадение всего сущего как логический предел «соответствия». Как сказано в «Чжуан-цзы», даосский патриарх Лао-цзы и его ученик Гуань Инь-цзы учили, что «в подобии — согласии»²⁷. Здесь «подобие» достигается ра-

дикальным преодолением самости и совпадает с пребыванием в междубытности, характеризующей сингулярность. Концепт прикровенного «подобия в согласии» допускает только косвенное, символически обозначаемое воздействие, где всего добиваются от обратного в духе высказывания Лао-цзы: «Поднебесная — священный сосуд. Кто хочет силой завладеть ею, тот ее потеряет»²⁸. Присутствие единства в соотносительности как раз делает возможным воздействие на расстоянии, эффективность без усилия и даже, согласно заветам китайской традиции, «передачу Пути» через века земной хронологии. В его свете письменность, архитектура, образы божеств и прочие артефакты стихийно проявлялись в природном мире, все сущее оправдывалось не-сущим, смерть удостоверяла жизнь вечную.

Уже в эпоху раннего Средневековья китайская мысль пришла к систематическому пониманию «сокровенного подобия» земного и небесного в «учении о сокровенном» (*сюань сюэ*). Главная тема этого философского синтеза — «сокровенное единство» вещей в «превращениях единичного» (*чун и ду хуа*). Тогда же получила метафизическое обоснование идея «утонченного» или «чудесного» совпадения символических («небесных») и эмпирических свойств вещей в сингулярной природе бытия-события. Позднее на этой основе сложился репертуар символических качеств действий и ситуаций, которые стали основными кирпичиками китайской традиции. Эти типовые, обладавшие весомостью ритуальных норм жесты и фигуры речи были плодом поиска идеального соответствия, которое утверждало единство внешне не связанных между собой вещей. Символические типы составили матрицу образования в школах культурной и общественной практики Китая. Их усвоение как раз вело к прозрению «сокровенного подобия» вещей, дарующее эффективность действия²⁹. А его сущностью была поистине чудесная способность разрубать вещи не надвое, а *наодно*: постигать единство бытия, выявляя все более тонкие различия в опыте. Классическим примером здесь служит герой рассказа Чжуан-цзы, который разделял туши быков, полагаясь на их «небесное устройство», т.е. бытийную цельность³⁰. В даосском каноне «Ле-цзы» есть сюжет о волшебном мече, который рассекал тела, не оставляя на них разрезов³¹. С особенной резкостью тот же мотив выражен в чаньском коане о наставнике, который восстановил в монастыре единство, разрубив кошку³².

Мотив «небесной сети», или «небесного устроения» вещей, имеет и определенное психологическое измерение. Еще полвека тому назад А. Мишотт показал, что опыт «качественной событийности» относится к бессознательной, сверхиндивидуальной страте восприятия, наблюдаемой у младенцев³³. Недаром со времен Лао-цзы «младенческое сердце» стало именем высшей мудрости во всех учениях Китая. В душевном опыте индивида оно соответствует не просто блаженно-цельному восприятию жизни у младенца, а переживанию жизни общему для всех живущих. Мы имеем дело с опытом совместности всего живого, который относится к тому, что можно назвать онтологическим субстратом памяти, т.е. памятью чистого события, вернее, со-бытийности мира. На нее указывает Лао-цзы, когда говорит, что люди древности «завязывали узелки вместо письма»³⁴. Попутно уточним популярный, но поверхностный тезис о любви китайцев к имитациям и подделкам. Речь идет, как можно сейчас видеть, не об имитации, а именно о «пособлении», аккомпанировании в поле жизненной совместности. Такое действие не стесняет творческих импульсов.

Теперь мы можем видеть, каким образом возвращение к «младенчески чистому сердцу» могло служить в Китае условием стратегической инициативы. С одной стороны, речь идет об особом рода действенном знании, оказывающем неотразимое воздействие на вещи, удаленные во времени и пространстве. Автор этих строк когда-то назвал эту неизвестную на Западе форму практики «стратегическим подпольем Китая»³⁵. С другой стороны, в мировой со-бытийности все явления равно реальны и нереальны, а знание «чудесной смычки» сокровенного и явленного, небесного и человеческого порядков бытия позволяет мгновенно изменять статус явления, превращать фиктивное в подлинное и наоборот, согласно актуальной ситуации. Искусный стратег не делает выбора между тем и другим, но постоянно *возвращается* к предвечному началу, предоставляя вещам «превращаться самим», а себе — «привечать» грядущее, оседлав поток перемен. Китай-

ская мудрость исконно стратегична в том смысле, что она учит находиться где угодно, не находясь нигде, пребывать в своем отсутствии, ни с чем себя не отождествляя, не разделяя фикцию и действительность. Последнее обстоятельство, кстати, объясняет вкус китайцев к экстравагантному, курьезному, даже гротескному, запечатлевшемуся даже в нормативных образах китайской культуры, по сути — тех же символических типах.

Образец китайской глобальности: «новая Поднебесная»

Вернемся к теме общей судьбы человечества. Немалые трудности для ее понимания за пределами Китая обусловлены особенностями китайской государственности и политики. Дело не только в том, что политический уклад в Китае, как, впрочем, везде, трудно, если вообще возможно, отделить от китайской культуры. Политический уклад и социальная идентичность в Китае пронстекали, как уже было сказано, из императива нравственного совершенствования, а эта задача подчиняла политику культуре и отводила второстепенную роль факторам этническим или социальным. Классическое определение политики в Китае принадлежит Конфуцию, который объяснил ее смысл по принципу омонимии и графического сходства соответствующих знаков: «Управлять (*чжэнь*) — значит выправлять (*чжэнь*)»³⁶. Речь идет о «выправлении себя», т.е. устранении индивидуалистического произвола в потоке жизни, отчего социальность становится синонимом добродетели. В китайской традиции субъект составлял с миром «одно тело». Последнее не имело «ничего вовне» (*у вай*) и в то же время сводилось к «предельно малому, не имеющему ничего внутри», т.е. предельно малой, недоступной восприятию и мысли дистанции *самоотличия*. На путь совершенствования мог встать каждый независимо от его статуса, этнической принадлежности, рода занятий и т.д. Достаточно посвятить себя поиску соответствия жизненных перемен в рамках мировой гармонии.

В западной литературе распространено мнение американского сиолога Л. Пая, назвавшего Китай «цивилизацией, притворяющейся государством»³⁷. Рассуждая в том же ключе, М. Жак противопоставляет «государства-нации» и «государства-цивилизации»³⁸. Ряд китайских авторов тоже разрабатывают концепцию «цивилизационного государства» в Китае³⁹.

Влиятельной версией глобального будущего в Китае стала концепция «системы Поднебесной» Чжао Тинъяна⁴⁰. Чжао Тинъян различает в понятии Поднебесной (*тянь ся*) три измерения: обитаемый мир, пространство духовной общности, оно же «сердце народа» или «сердце Поднебесной», и определенный политический строй. Таким образом, Поднебесная — явление одновременно природное и культурное. Древние китайцы полагали, что основоположники их государства «учредили Поднебесную»⁴¹. Для европейского наблюдателя соседство трех названных значений в одном понятии выглядит весьма странным, но остается фактом, что в китайской традиции, исходившей из нераздельности субъективных и объективных измерений бытия, мир был реальностью настолько же материальной, насколько и моральной. Как писал в XVII веке ученый Гу Яньу, гибель государства означает только смену династии, гибель же Поднебесной предполагает одичание людей, которые опускаются до людоедства⁴². За суждением Гу Яньу стоит многовековая традиция видеть в Поднебесном мире образ высшей «общности» (*зун*) всех людей: «Поднебесная — общее достояние», — гласит классическая формула. Быть частицей Поднебесной означало отречься от всего корыстного и частного ради общего блага — акт всецело моральный.

Итак, в китайской традиции жизнь неотделима от морального императива, и человек есть прежде всего существо учащееся и совершенствующееся. Политика в Китае — это поиск безупречного соответствия в отношениях с другими, воспитание в себе смирения. Тот, кто отрывается от морального закона «преодоления себя», недостойн звания человека.

Принципом мироустройства, которое Чжао Тинъян называет «новой Поднебесной», является «самогармонизация» в акте «порождения живого». Отсюда примат события над бытием (т.е. отношения между вещами первичнее и важнее их сущности) и императив этической жизни, который требует устранения излишнего и восполнения недостающего, взаимопомощи и благосклонной беспристрастности⁴³. Природа жизни для китайцев всецело социальна и раскрывается в естественных формах организации человеческих сообществ: семье, клане, общине, дружбе, государстве и т.д. Мудрый пребывает в «сокровенной сообщительности» с другими и оказывает на них благотворное воздействие даже помимо их ведома, ведь обыкновенные люди не могут сравниться с мудрецом в духовной чувствительности. Отсюда вырастает и этика «лица», наложившая глубокий отпечаток на внешнюю политику Китая, постоянно заявляющего о приверженности «исполнению своих обязательств» и настойчиво требующего должного почтения к себе.

Цельность концепции Поднебесной выражается, помимо прочего, в преемственности различных уровней общественной организации: личности, семьи, округа, государства и, наконец, всего мира. В этом ряду Поднебесная выступает образом высшей целостности мира как событийности всего сущего. Выше уже было сказано, что стратегия Китая предполагает, во-первых, равноценность явленного и сокрытого измерений политического действия и, во-вторых, примат сокрытого над явленным. Чтобы оценить эти условия китайской стратегии мироустройства, обратимся к ключевой формуле политики в «Дао дэ цзине», в которой Чжао Тинъян видит главное отличие между западным и китайским представлениями о глобальном управлении. Если западная традиция мыслит о мире как внеположенном предмете, то китайская мысль, уже устами Лао-цзы, предлагает «смотреть на Поднебесную, исходя из Поднебесной». На первый взгляд завет Лао-цзы кажется нелепостью. Невозможно созерцать мир, отстраняясь от него, ведь мир превосходит разделение на объект и субъект. Эта трудность может быть разрешена, если увидеть в ней указание на присутствие некоего разрыва между различными перспективами созерцания, наличие слепого пятна в самом центре нашего видения. Именно такой образ мира мы встречаем в китайских классических пейзажах, где предьявлены два как будто несовместимых видения: с одной стороны, мир изображен из бесконечно удаленной точки, а с другой — каждая вещь имеет собственную перспективу и представлена крупным планом. Такое структурирование живописного пространства ломает привычный образ мирового пространства и внушает интуитивную близость всего сущего. Но это не изобразительный прием, тем более не фантазия художника, а способ раскрыть самое существо видения, которое всегда несет в себе слепое пятно, бездну невидимого. Такова же природа самопознания: мое «я» столь же очевидно для моей интуиции, сколь и недоступно для умственного взора. Таков же и мир: он является в сокрытии себя.

В Китае сознавали указанное двуединство реальности и даже извлекали из него выводы, важные и в личной жизни, и в политике. Как писал историк Чжан Сюэчэн (начало XIX в.), «Неведомо, почему Дао таково, каково оно есть. Не то, чтобы оно не было видно, но нельзя его видеть». Дао, продолжал Чжан Сюэчэн, ведомо только мудрецам, но мудрецы учатся у всего множества людей⁴⁴. В этом суждении хорошо выражена суть политики в Китае, которая сводилась к поиску смычки полярных величин: неведения и ведения, вершины индивидуального просветления и стихии народной жизни. В «Дао дэ цзине» читаем: «Мудрый постоянно не имеет чаяний (вариант: «не имеет постоянных чаяний, в оригинале букв. «сердце»). Чайания народа — вот его чаяния»⁴⁵. Перед нами еще одна формула (само)превращения, на сей раз представляющего неопределимой преемственностью индивидуального и коллективного сознания. И эта игра перспектив внутри единого поля духовного видения-ведения внушает ощущение радостной полноты жизни.

Еще в древности Чжуан-цзы остроумно заметил, что душевный покой обретет тот, кто сумеет «спрятать Поднебесную в Поднебесной». Понстине, вещь, спрятанная в самой себе, одновременно видна и не видна, пребывает в собственной складке. Современный китайский автор Чэнь Юнь видит в словах Чжуан-цзы способ позволить каждой

вещи «соответствовать своей изначальной природе и стать собой»⁴⁶. Эта мудрость оставления себя имеет, конечно, политический подтекст. К примеру, в XVII в. ученый Хуан Цзунси видел в ней, в духе Лао-цзы, призыв предоставить народу свободу «управляться (букв. «превращаться») самому». Современные же правители, заявлял Хуан Цзунси, «прячут народ в клетке»⁴⁷.

Традиционная конфигурация политики в Китае (а равно, напомним, стратегии) выстраивается по принципу двуединства, или недвойственности, бытия. Мы видим в ней два полюса: власть, представляющую «небесную» полноту жизни, и народную массу, которой следует «управляться самой». Между этими полюсами нет формальной связи, но они пребывают в совместности. Эта сокровенная преемственность присуща и отношениям между внутренним опытом просветления и внешним укладом жизни. Поразительной иллюстрацией этого тезиса служит рассказ в книге «Чжуан-цзы» о даосском учителе Ху-цзы, который являл некоему прорицателю Цзи Сяню последовательные ступени духовной просветленности. В конце концов прорицатель в страхе убегае прочь, а Ху-цзы поясняет, что показал ему «свой изначальный облик, когда я еще не вышел из своего первотца». Комментатор XVII в. Ван Фучжи увидел в этом, как кажется, мистическом состоянии указание на общество, где «каждый в одиночестве свершает небесное в себе», а внутренний опыт «переносится» в его отчужденные следы, которые не могут быть предметом рефлексии. В этом мире все делается как бы само собой, без планов и расчета. В нем «пахота сама пашется, пряжа сама прядется, ритуалы и наказания сами собой исполняются, и все дают друг другу обрести покой в небесном начале каждого... Это значит: пребывать в отсутствии всего и не искать славы, следовать другому в том, как все есть само по себе, и не иметь корысти. Обыденность и простота такой жизни как раз означают схоронить мир в мире». В этом обществе, добавляет Ван Фучжи, все «свершается не от людей, а по обычному распорядку», но все «замешает собой что-то»⁴⁸.

Перед нами социум по ту сторону созерцания и рефлексии, совпадающий со стихией повседневности, пределом естества жизни — единственной невообразимой реальности. Недаром в «Дао дэ цзине» встречаются уникальные для древней литературы наблюдения над психологией быта: «Пускай они радуются своей еде и любят свои наряды...»⁴⁹. В этом мире живут и пользуются орудиями в модусе забвения, напоминающем принцип «оставления» (Gellassenheit) у Хайдеггера. Но это забвение есть, в сущности, разновидность метанойи, происхождения ума: она обеспечивает целостность сознания более высокого порядка, свойственную, например, виртуозному мастерству⁵⁰.

Иностранные критики «новой Поднебесной» видят в ней новое издание китаецентризма, «метафору мировой роли Китая», проект «китайского мира», в котором свобода подменена культом «порядка», а «чаяния народа» — мнением правящей элиты⁵¹. Конечно, китайскому официозу не чуждо вольное или невольное смешение понятий Китая (Срединного государства) и Поднебесной ради повышения авторитета КНР на мировой арене. Однако сам Чжао Тинъян, признавая историческую связь идеала Поднебесной и китайской государственности, называет «систему Поднебесной» только «возможной», «воображаемой» перспективой глобализации, которая «принадлежит всему миру» и притом кардинально отличается от западного понимания мира как системы международных отношений⁵². Другой китайский ученый, Чэнь Юнь, полагает, что концепция Поднебесной «укоренена в локальности и одновременно преодолевает ее ограниченность, открывая значение мирового пространства между Небом и Землей»⁵³. Таким образом, Чэнь Юнь видит в Поднебесной скорее эмпирическую реальность и в отличие от Чжао Тинъяна не только подчеркивает отсутствие связи между Поднебесной и собственно Китаем, но даже противопоставляет одно другому.

Предварительные выводы

Выводы из вышеизложенного в рамках этой статьи могут быть только вопросами для дальнейших исследований. Первый и самый трудноразрешимый вопрос касается природы глобального мира в китайском понимании. Его решение зависит от того, насколько и в каком смысле можно считать реальными утопические элементы сознания. Утопизм в данном случае связан с презумпцией «небьгтийности», или «пустоты» (*у, куи* и др.), которые включают в себя, по крайней мере, два ряда значений: они, во-первых, выступают условием перемен и самым истоком жизни и, во-вторых, представляют пространство подобия несопоставимого, оно же пространство дифференциальных отношений, которые стремятся к бесконечно малой величине, к «чудесному совпадению» (*мяо ци*) присутствия и отсутствия, бесконечного и конечного, символических и эмпирических измерений практики. Это утопия имманентности жизни, заданной и знанию, и опыту, столь же невысказанной, сколь и неизбежной. Результат «пустотных превращений» мира есть именно недвойственность, «не-связь» сокровенного и явленного, глубины бытия-события и его явленных «следов», что придает практике стратегическое измерение. Мудрец в Китае не мог не быть одновременно носителем морального авторитета и искусным стратегом.

Допущение этого утопического — или все-таки квазиутопического? — компонента в жизни оставляет, а точнее, высвобождает в мировом процессе место для спонтанности и неопределенности, человеку же оно предоставляет пространство для духовного совершенствования (в смысле актуализации все более тонких соответствий между вещами) и тем самым реальной свободы. Эта перспектива практична именно тем, что не предьявляет догматических образов будущего, но ставит судьбу мира в зависимость от доброй воли и морального усилия самих людей. Будущее в нем не предрешиено и именно поэтому может стать общей судьбой человечества.

Надо сказать, что в истории Китая поддержание сбалансированного соотношения символического и эмпирического измерений опыта (по-китайски, «небесного» и «человеческого» порядков существования) всегда было условием жизнестойкости культуры, а забвение дистанции между ними вело культуру к упадку и разложению⁵⁴. Эпоха Модерна (XVII—XX вв.) ознаменовалась глубоким кризисом китайского миропонимания. Современность, или Постмодерн, ищущие истину не в тождестве, а в различии, в презумпции неадекватности существования, вновь делают актуальным наследие китайской традиции. Ключевую роль здесь играет, если можно так выразиться, «виртуальная прагматика» информационных технологий. Основой практики становится определение дифференциальных связей между векторами действия, поиск виртуальных соответствий по ту сторону физического мира и предметности мысли. Новое положение человека можно оценивать двояко. Оно кладет конец гуманитарной цивилизации Модерна, но избавляет человека от участи придатка и расходного материала инженерной рациональности. Оно позволяет человеку открыть в себе новые духовные ресурсы для самостояния и заново сделать целью жизни обретение свободы в совместном созидании — и созидании совместности — человеческого существования.

Человеку присуща интуиция единства мира или того, что было выше названо событием бытия. Эта интуиция угадывается в рассказах о том, как древний даос Чжуан-цзы, засмотревшись на резвящихся в воде рыбок или переживая во сне вольный полет бабочки, испытывал чистую, стирающую грань между человеческим и божественным радость жизни. Об этой радости на свой лад свидетельствуют Маркс и Энгельс, когда в «Немецкой идеологии» говорят о способности человека «наслаждаться обретением всестороннего производства Земли»⁵⁵. Эта «небесная полнота человеческого» не может быть ни умозрительной, ни эмпирической, ни смешением того и другого. Подлинная всемирность беспредметна, но заложена в конкретном жизненном моменте. Только так может быть оправдано единство всего живого на Земле. Китайский идеал «великого единения», или всеобщего подобия, как раз нацеливает на переживание зеркальной взаимности всех

форм жизни или, если угодно, единотелесности всего живого. Как показывает поразительный рассказ того же Чжуан-цзы о виртуозном разделщике быков, это всеединство одновременно предваряет индивидуальное сознание и является завершением длительного пути совершенствования. Оно действует в упительном забвении «человеческих понятий», открывая перед человеком бездну «чудесных свершений» в игре самого бытия.

Для современных людей, особенно на Западе, в нарисованной здесь перспективе «постгуманитарного» человечества много непривычного, неизвестного и даже пугающего. Однако она в многих отношениях близка представлению о природе социума в философии постмодерна, которая считает ядром человеческой общности «пустоту» или нечто отсутствующее в опыте (Лефорт, Эспозито), отсутствие субъектности (Нанси), некое «неопределимое» или «грядущее», «чаемое» сообщество (Лаклау, Агамбен) и т.д. Современная социальность ищет себя вне себя подобно тому, как «единотелесность» китайского Пути пребывает «вне тел». Она непрозрачна для самой себя подобно тому, как техника в философии Хайдеггера и древних даосов действует в модусе самосокрытия или забытья.

Китайская традиция указывает некоторые важные аспекты этой непрозрачности социума, которых не замечает европейская мысль. Отказ от нарциссизма, культивированного модернистской идеологией и капиталистическим потреблением, открытость мировому потоку превращений делает жизнь формой учения и совершенствования, которые являются, по сути, поиском соответствия инаковости в себе. В обществе, где жизнь стала учением и совершенствованием, статус индивида определяется степенью его духовного просветления, способностью различать все более тонкие различия в опыте, выстраивать все более утонченные дифференциальные отношения между вещами и в итоге устанавливать совместность качеств физически далеко отстоящих друг от друга моментов существования. Это означает, как мы видели, выстраивание «всегда иного», «небесного» порядка жизни, который равнозначен полноте природы каждой вещи и поэтому способен оказывать неотразимое, хотя и неопределимое, воздействие в соответствующих точках пространственно-временного континуума. В таком случае иерархия имеет нравственную природу, и высокое положение в ней не может вызвать протеста нижестоящих по той простой причине, что обладание властью здесь зависит от степени самоотречения. Здесь социальность совпадает со школой духовной практики неотделимой от учения и воспитания. Непрозрачность такого социума проявляется как несопоставимость отдельных школ, но также как непрозрачность в отношениях учителя и ученика. Последние, согласно китайскому изречению, должны уподобиться «прохожим, случайно сторговавшимся на дороге и забывшим друг о друге». Встреча и совместность, напомним, предполагают несравненность, единичность вовлеченных в них сил. Поэтому встречи в жизни бывают «только раз» и приходят неожиданно, хотя ожидаются всю жизнь.

Наверное, понадобится немало времени для того, чтобы основательно продумать черты представленного здесь эскиза постгуманистического, пребывающего в сокрытости и потому не имеющего идентичности общества грядущей всемирности. Но уже сейчас можно сказать, что многие его существенные черты предвосхищаются особенностями геополитического уклада в ареале Большой Евразии, как-то: приоритетом сингулярностей и солутствующего им синергийного взаимодействия перед статичными сущностями; глубиной преемственности культуры и природы, интуицией единства всего живого, формирующих «большой стиль» Евразии; приматом этики жизненной целостности над аналитическим мышлением. Нельзя согласиться с теми критиками китайской стратегии, которые утверждают, что последняя «остается либо синоцентричной, либо глобалистской и не содержит отчетливого видения евразийства»⁵⁶. Резоннее предположить, что предлагаемая Китаем «общность судьбы человечества» будет опираться на ареал Евразии и одновременно служить маяком реальной глобализации. Правда, для достижения этой цели от всех народов и государств Евразии, и в первую очередь, от самого Китая, потребуются переоценка исторических границ своих цивилизационных миров. Но это уже тема для отдельного исследования.

1. В англоязычных материалах китайские авторы предпочитают говорить о «сообществе общего будущего для человечества».
2. *Лян Ханьгуан, Чжан Яоцзюнь*. Идай илу эршисы гэ чжунда лилунь вэньти: [Один пояс, один путь. 24 важных теоретических вопроса]. Пекин: Жэньминь, 2018. С. 16.
3. Цюаньцю чжили ды чжунго даньдан: [Задачи Китая в глобальном управлении]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ, 2017. С. 5.
4. Жэньминь жибао. 01.24.2018.
5. *Чжао Тиньян*. Тянься ды дандайсин: [Современность Поднебесной]. Пекин: Чжунсинь, 2016. С. 28. Интересно, что этого мнения придерживается известный французский философ Ж.-Л. Нанси, который называет глобальность американского образца утверждением не-мира (im-monde) и противопоставляет ей всемирность как единство многообразия (mondialization). См.: *J.-L. Nancy. The Creation of the World, or Globalization*. Albany: SUNY, 2007. P. 49.
6. *Ван Дун, Цао Дэцзюнь*. Цзай цюаньцюхуа: [Реглобализация]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ юань, 2018. С. 62.
7. Там же. С. 25.
8. *Лян Ханьгуан, Чжан Яоцзюнь*. Указ. соч. С. 25. *Чжоу Вэнь*. Чжунго шицзянь дабу сяньцян, чжунго лилунь дэ гэньшань: [Практика Китая идет вперед, теория Китая должна идти вровень с ней] // Хуаньцю шибао. 07.02.2019. С. 15.
9. См.: *Ван Хунгуан, Ли Дунфан*. Цзязчи гуниш шинойся жэньлэй минюнь гунтунти гоуцзянь таньцзю: [Исследование о создании общей судьбы в свете консенсуса ценностей] // Ганьнань шифань дасюэ сюэбао. 2018. № 5. С. 1–5; *Ли Баогэн, Ван Чжэнь*. Лунь жэньлэй минюнь гунтунти сысян ды чучан лоцзи юй шидай цзязчи: [О логике понятия сообщества судьбы человечества и ценностях эпохи] // Синань шифань дасюэ сюэбао. 2019. № 7; *Хуаншань Чжанцин*. Си Цзиньпин жэньлэй минюнь гунтунти сысян лилунь тэчжэн: [Особенности идей Си Цзиньпина о сообществе судьбы человечества] // Чжунго кэсюэ цзишу дасюэ. 2019. № 7.
10. *Чжао Тиньян*. Тянься тиси: [Система Поднебесной]. Пекин: Жэньминь, 2011. С. 19; *Е Цзычэн, Лун Цюаньлин*. Хуася чжуи: [Китайзм]. Пекин: Жэньминь, 2013. С. 520.
11. *Го И*. Цун цзязчи цзегуо кань чжун си цзязчи ситун ды чапи юй жунтун: [Различия и преемственность в системе ценностей Китая и Запада в свете структуры ценностей] // Ди у цзе нишань шицзе вэньминь луньтань вэньминь цзи: [Материалы 5-го Нишаньского форума мировых цивилизаций]. Т. 1. Цюйфу. 2018. С. 53.
12. *Е Цзычэн, Лун Цюаньлин*. Указ. соч. С. 536.
13. *W.A. Callahan*. Nationalizing International History. Paper presented at "IR Theory in the 21st Century. Renmin University of China, 2003. P. 6.
14. *Ulrich, Beck*. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity, 2006. P. 7.
15. См.: «Дао дэ цзин». Гл. 4; «Лунь юй».
16. *François, Jullien*. Les transformations silencieuses. Paris: Grasset, 2009.
17. См.: «Дао дэ цзин». Гл. 15; «Чжуан-цзы». Гл. 2, 7, 19.
18. Этой теме посвящена одна из новых книг о китайской философии. См.: *Bary, Allen*. Vanishing into Things: Knowledge in Chinese Tradition. Harvard University Press, 2015. Впервые она обоснована в комментариях Го Сяна к даосскому канону «Чжуан-цзы». См.: «Чжуан-цзы. Внутренний раздел» / пер. В. Малявина. Иваново: Роцца, 2017. С. 344. Интересные наблюдения на эту тему применительно к японской культуре содержатся в работе: *Marilyn, Lu*. Discourses of the Vanishing: modernity, phantasm, Japan. Chicago: Chicago University Press: 1995.
19. «Дао-Дэ цзин». Гл. 73.
20. *Brian, Massumi*. Semblance and Event. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2011. P. 112.
21. «Чжуан-цзы. Внутренний раздел» / пер. В. Малявина. Иваново: Роцца, 2017. С. 166.
22. Там же. С. 273.
23. «Дао дэ цзин». Гл. 65.
24. *Мибэнь Сисуй цзин*: [Тайный список «Сисуй цзин»]. Тайбэй: Цзыю, 1986. С. 44.
25. «Дао дэ цзин». Гл. 37.
26. «Дао дэ цзин». Гл. 64. Простые люди, говорят Лао-цзы в другом месте, «напрягают зрение и слух», а мудрый правитель «по-детски привечает их». «Дао дэ цзин». Гл. 49. Чжуан-цзы в сходных контекстах употребляет термин *dai*, который тоже означает «привечать», «смирненно ожидать».
27. «Чжуан-цзы. Внешний и Смешанный разделы» / пер. В. Малявина. Иваново: Роцца, 2017. С. 453.
28. «Дао дэ цзин». Гл. 29.

29. Подробнее см.: *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Китайская культура на пороге Нового Времени. Москва: АСТ, 2002.
30. «Чжуан-цзы. Внутренний раздел»... С. 208.
31. «Ле-цзы» / пер. В. Малявина. Иваново: Роша, 2017. С. 165.
32. Умэньгуань: [Застава без ворот] // Чаньсюэ дачэн. Т. 2. Тайбэй: Чжунхуа фоцзяо вэньхуагуань, 1969. С. 10.
33. *Michotte A.* The Perception of Causality. London: Methuen, 1963. P. 19.
34. «Дао дэ цзин». Гл. 80.
35. *Малявин В.В.* Глобализация: стратегическое подполье Китая // Ведомости. 28.03.2007.
36. «Лунь юй». 13: 23.
37. *Lucien W. Pye.* The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1992. P. 235.
38. *Martin, Jacques.* Civilizational State versus Nation-state. URL: <http://www.martinjacques.com/articles>.
39. См.: *Чжан Вэйвэй.* Чжунго чаоюз: игэ вэньминсин гоцзя ды гунжун юй мэнян: [Превосходство Китая: блеск и мечты цивилизационного государства]. Шанхай: Шанхай жэньминь, 2014.
40. *Чжао Тинъян.* Тянься тиси: [Система Поднебесной]. Нанкин: Цзянсу цзяоюй, 2005; Второе дополненное издание вышло в 2011. Новейшее изложение концепции «системы Поднебесной» см.: *Чжао Тинъян.* Тянься ды дандайсин: [Современность Поднебесной]. Пекин: Чжунсинь, 2016.
41. *Чжао Тинъян.* Тянься ды дандайсин... С. 60–62.
42. *Гу Янью.* Жи чжи лу: [Записки о познании день ото дня]. Ланьчжоу: Ганьсу миньцзу, 1997. С. 583.
43. *Чжао Тинъян.* Тянься ды дандайсин... С. 268–275.
44. *Чжан Сюэчэн.* Вэньши туньи: [Всеобъемлющий смысл письмен и истории]. URL: www.guoxuemeng.com/wenshi tongyi.
45. «Дао-Дэ цзин». Гл. 49.
46. *Чэнь Юнь.* Тянься хо тяньди чжи цзянь: [Поднебесная, или между Небом и Землей]. Шанхай: Шанхай шудянь, 2007. С. 38.
47. *Хуан Цзунси.* Мин и дай фан лу: [В ожидании просвещения варваров]. Тайбэй: Саньминь, 1995. С. 27.
48. *Ван Фучжи.* «Чжуан-цзы» цзе: [Разъяснение «Чжуан-цзы»]. Тайбэй: Хэло тушу, 1974. С. 74.
49. «Дао дэ цзин». Гл. 80.
50. См.: *Малявин Владимир.* Китайский этос, или Дар покоя. Иваново: Роша, 2016. С. 266.
51. *William A. Callahan.* Tianxia, Empire and the world // *China Orders the World / Callahan, Barabantseva,* (ed.). Baltimore: John Hopkins University Press, 2011. P. 105; *Shi, Zhiyu.* Civilization, Nation and Modernity in East Asia. New York: Routledge, 2012. P. 127.
52. *Чжао Тинъян.* Тянься ды дандайсин... С. 277.
53. *Чэнь Юнь.* Указ. соч. С. 108.
54. О кризисе китайской культуры в XVII в. см.: *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Москва: АСТ, 2003. Впервые такого рода, говоря языком Н. Леонтьева, «упростительное смесительство» проявилось на закате эпохи классической философии в интерпретации учения Лао-цзы школой законников. См.: *Даосские каноны. Управление и стратегия / пер. В.В. Малявина.* Иваново: Роша, 2018. С. 89–99.
55. *Marx-Engels.* Werke. Berlin: MEGA, 1975. Bd. 3, S.37. В русском переводе «наслаждение (Genußfähigkeit) обретением» передано как «способность пользоваться».
56. *Emerson, Michael.* Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What and How // *Global Journal of Emerging Markets Economics.* 2014. [No.] 6 (1). P. 356.

991 72 9316

«Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая

© 2019

А.В. Семёнов, А.В. Цвык

Статья посвящена проблеме дипломатического дискурса Китая. Авторы приходят к выводу, что в экспертной среде отсутствует консенсус относительно того, является ли китайский дипломатический дискурс трудным для понимания в странах Запада и каким он должен быть. Они предпринимают попытку анализа одного из базовых концептов современного дипломатического дискурса Китая — «общего будущего человечества» — на языковом, когнитивном и прагматическом уровнях его понимания.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, дипломатический дискурс, концепция «общее будущее человечества», Си Цзиньпин.

DOI: 10.31857/S013128120007998-8

За последнее десятилетие КНР заметно активизировала свое участие в международных делах. Проведение мероприятий мирового уровня, таких, как Олимпийские игры 2008 года в Пекине, ЭКСПО-2010 в Шанхае, ряда дипломатических саммитов, где Китай выступает в качестве хозяина уже существующих международных форумов (АТЭС, G-20, ШОС, БРИКС), выдвигание ряда проектов глобального характера (инициатива «Один пояс, один путь») — все это свидетельствует о том, что КНР последовательно и энергично выходит на мировой уровень и делает заявку на повышение своего статуса в глобальном управлении в качестве ответственной глобальной державы.

Пекин все глубже осознает, что экономические успехи не являются безоговорочным залогом повышения политической роли страны в мире. Положения Дэн Сяопина о первостепенной важности экономического роста, ориентированности на собственное развитие, незаинтересованности (возможно, декларативной) в политическом лидерстве на глобальном уровне и ограниченной ответственности в международных делах продолжают сказываться на внешней политике КНР, однако претерпевают определенные трансформации и смысловые метаморфозы.

К тому же усиление глобальной экономической мощи Китая и действия по повышению его политической роли на международной арене не сопровождалось автоматическим ростом его политического веса. Глобальное внешнеполитическое поле, в том числе в информационном пространстве, всецело принадлежало странам Запада. Китай, несмотря на свои политические и экономические успехи, по-прежнему был фактически заблокирован в регионе Восточной Азии. Попытки выйти за его пределы ограничивались

Семёнов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: legatus@bk.ru;

Цвык Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультет гуманитарных и социальных наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: tsvyk-av@rudn.ru.

лишь усилением активности Пекина в странах с наиболее многочисленной китайской диаспорой.

По нашему мнению, осознание того, что влияние и образ государства на глобальной арене зависят не только от экономических достижений, но, может быть, в большей степени от возможности говорить об этих достижениях, давая им свою интерпретацию, а также заставляя слушать себя и предлагая миру свою повестку дня, явилось причиной возникновения «лингвистического поворота» во внешней политике КНР.

Разработка дипломатического дискурса в Китае

В связи с развитием междисциплинарных исследований на основе теории дискурса в настоящее время можно подойти к интегральному изучению самой сути дипломатической деятельности Китая как «особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности»¹.

Понятие «дискурс» является многозначным, поэтому пока нет единого, удовлетворяющего всех определения. Тем не менее, основой дискурса выступает коммуникативное явление, что признают все исследователи. Расхождения возникают при «доставании» основы дискурса до полноценного определения, исходя из направления конкретной науки.

Дипломатический дискурс определяет коммуникацию институционализированных субъектов в профессиональной и публичной областях для достижения целей государства во внешней политике.

Так, дипломатический дискурс Китая — это *как говорит* (языковой аспект), *что понимает* (когнитивный аспект) и *какие цели ставит* (коммуникативный аспект) китайская дипломатия.

На первоначальном этапе вышеупомянутого «лингвистического поворота» были на экспертном уровне проанализированы проблемы презентации страны в мире и формирования имиджа Китая за рубежом. Экспертами было обращено внимание на важную роль дискурсивного подхода в работе на международном поле. Причем китайские аналитики исходили из практических целей и трактовали дискурс в социолингвистическом ключе. Понятие «дискурс» они передавали как «话语», букв.: «язык, на котором говорят».

При этом следует отметить, что в китайской интерпретации получить право говорить — право на дискурс «话语权» (huaayuquan) в международном языковом пространстве равнозначно тому, чтобы добиваться власти своего дискурса (话语权) (huaayuquan). Дело в том, что в китайском языке такие понятия, как «права» «权利» (quanli) и «власть» «权力» (quanli) одинаково звучат и почти одинаково пишутся — отличаются только вторые иероглифы в бинамах. Таким образом, переход от права к власти может являться не процессом, а субъективным решением руководителя в зависимости от конкретной обстановки.

С приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина к борьбе за дискурс подключилось высшее руководство КНР. В ноябре 2013 г. на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято «Решение о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформы», в котором особо подчеркивалась необходимость укрепления возможностей распространения информации за рубежом, создания системы права/власти на внешнеполитический дискурс и содействия выходу китайской культуры в мир².

30 декабря 2013 г. Си Цзиньпин в ходе проведения 12-й коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК подчеркнул, что «для повышения уровня мягкой силы государства необходимо прилагать усилия с целью укрепления права/власти на международный дискурс. Чтобы открыть новые возможности для распространения информации за границей, нужно тщательно формировать систему внешнеполитического дискурса, привлекая силы творчества, вдохновения и общественного доверия. Стратегиче-

ской целью всех этих действий является повышение права/власти Китая на международный дискурс»³.

В дальнейшем тема внешнеполитического дискурса Китая оставалась актуальной вплоть до настоящего времени.

Предметом дискуссий в китайской экспертной среде стал ряд вопросов.

1. В чем заключается причина непонимания китайского дипломатического дискурса странами Запада?

2. Является ли дипломатический дискурс Китая трудным для понимания и должен ли он быть таким?

3. Как повысить эффективность дипломатического дискурса?

В этой связи необходимо осуществить обзор основных подходов китайских экспертов к вопросу понимания дипломатического дискурса Китая.

Дискуссии о дипломатическом дискурсе Китая

Причины непонимания китайского дипломатического дискурса

В 2015 г. на новостном веб-портале «Пэнбай синьвэнь» в Шанхае была опубликована статья Чжан Фэна, исследователя факультета международных отношений Австралийского государственного университета, под заголовком «Почему так трудно понять дипломатический дискурс Китая?», которая вызвала оживленные дискуссии в китайской экспертной среде.

Автор поставил проблему несоответствия репрезентации международной картины мира Западом и Китаем и рассмотрел это обоюдное непонимание, исходя из языкового, когнитивного и прагматического уровней.

В языковом плане, как отметил Чжан Фэн, дипломатический дискурс Китая актуализирует формулы, содержание которых является семантически неясным и непрозрачным. Так, понятие «合作共赢» (hezuo gongying) (сотрудничество и общий выигрыш), которое является ядром международных отношений нового типа, пропагандируемых китайским руководством, является нечетким, расплывчатым и не объясняет, каковы будут действия китайской дипломатии. По его мнению, требуют конкретизации и детализации такие дискурсивные формулы, как «义利观» (yi li guan) (взгляд на справедливость и выгоду), «命运共同体» (mingyun gongtongti) (общее будущее) и т.д.⁴

Как отмечает Чжан Фэн, причиной непонимания дипломатических формулировок является не столько сложность китайского языка, поскольку на Западе также есть немало высококвалифицированных синологов. Корни непонимания лежат в когнитивной области.

Несколько тысяч лет в Китае культивировался целостный способ мышления. Китайцы в общем включали единичное. Люди Запада, наоборот, делали акцент на единичном, индивидуальном. Поэтому, когда китайские официальные лица заявляют о том, что подъем Китая — это благо для всего мира, которое может принести пользу человечеству, Запад, исходя из своей индивидуалистической картины мира, считает такое заявление лукавством и намерением КНР скрыть свои корыстные мотивы.

Предлагая глобальные проекты («Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы»), Китай часто использует в своих дискурсивных формулах иероглиф «共» («общий»): «共商» (gongshang), «共建» (gongjian), «共享» (gongxiang) (сообща торговать, обща строить, обща пользоваться результатами труда). Западный мир считает их довольно туманными, скрывающими эгонстическую выгоду Китая.

Между Западом и КНР существует разрыв и на прагматическом уровне. Наиболее ярко он проявляется в отношениях Китая и США. При этом стоит отметить, что автор рассматривал китайско-американские отношения до их ухудшения в 2018 г.

По мнению Чжан Фэна, Китай хочет установить с США «отношения крупных государств нового типа» и делает акцент на трех позициях.

Во-первых, Китай и США не конфликтуют и не противостоят друг другу. Эту дискурсивную формулу американцы понимают, но сомневаются, можно ли ее осуществить.

Во-вторых, Китай и США уважают коренные интересы друг друга. Эта дискурсивная формулировка еще в большей степени понятна американцам, но они ее не могут принять, потому что некоторые коренные интересы Китая могут идти вразрез с интересами США. По их мнению, принятие данного тезиса — слишком большая уступка Китаю.

В-третьих, между Китаем и США должно быть сотрудничество, а его результатом стать общий выигрыш. Этот дискурс не очень понятен американцам в связи с тем, что он не объясняет, каких целей хочет добиться Китай и каковы его интересы. Поэтому они считают этот тезис бессодержательным, на который не следует реагировать и обращаться серьезно⁵.

Таким образом, считает Чжан Фэн, дискурсивная стратегия «отношения между крупными государствами нового типа» является шаблонным понятием, которое выражает стремления и интересы Китая. Однако необходимо провести большую разъяснительную работу, чтобы наполнить его реальным содержанием и устранить «прагматический разрыв» между двумя странами.

Автор считает, что его ликвидация также связана с изучением ментальных особенностей партнера. По мнению автора, американцы лучше всего понимают, когда речь идет об их собственных интересах, поэтому при общении с ними нужно прямо ставить вопрос о распределении интересов⁶.

Кроме того, свободная коммуникация и прагматизм зависят от учета особенностей партнера, выбора соответствующих дискурсивных стратегий и конкретного времени осуществления коммуникации. Автор делает вывод о том, что не только мир должен понимать Китай, но и Китай должен приложить максимальные усилия, чтобы мир его понял. Сила убеждения — это составная часть международного влияния государства и та цель, к достижению которой должен стремиться китайский дипломатический дискурс.

В полемику с Чжан Фэном вступил ряд китайских исследователей.

Сюй Цзинь, начальник отдела исследований теории международной политики Института мировой политики и экономики Академии общественных наук КНР, не считает, что китайский дипломатический дискурс труден для понимания.

Во-первых, по мнению Сюй Цзиня, именно западные страны жалуются на непонимание китайского дискурса, а у стран, не являющихся западными, такими, как Россия, не возникает проблем с пониманием дискурсивных формул КНР⁷.

Во-вторых, формулировки китайской дипломатии, такие, как «*xinxing daguo guanxi*» (отношения крупных государств нового типа), «*hezuo gongying*» (сотрудничество и общий выигрыш) и ряд других, не труднее для понимания, чем такие термины американской дипломатии, как «акционеры и заинтересованные лица» (*stakeholder*) или «коэволюция» (*coevolution*). Причем китайские дипломаты, стремясь выявить семантический смысл американских формулировок, не жалуются на трудность их понимания.

В-третьих, убедить мир ни одному государству не удавалось, — это *mission impossible* (миссия невыполнима).

В-четвертых, ссылаясь на М. Фуко, по мнению которого, дискурс — это власть, Сюй Цзинь считает, что в дипломатическом дискурсе отражаются интересы западных стран, а Китай претендует на то, чтобы получить право определять и интерпретировать понятия, идеи и правила международных отношений. Именно поэтому Запад будет бороться за свою власть в международном дискурсе любыми способами, в том числе, в форме непонимания, жалоб и обвинений.

Более того, Сюй Цзинь снимает проблему непонимания дискурса. Он разделяет профессиональный дипломатический дискурс и публичный дипломатический дискурс и полагает, что дискурсивные формулы больше относятся к профессиональной сфере, а дипломатический дискурс — это сигнал, роль которого заключается не в убеждении противоположной стороны, а в демонстрации политической позиции и скрытом указании на принципы и направление действий. И, в конечном счете, эффективность китайской дипломатии нужно оценивать не столько по ее дискурсу, сколько по реальным действиям⁸.

Профессор Женевского института международных отношений Сян Ланьцин также, как и Сюй Цзинь, считает, что дипломатический дискурс Китая не является трудным для понимания, и лидеры Запада, начиная с первых контактов в 70-годах XX века, на официальных встречах и переговорах умело используют цитаты и афоризмы из китайских классических книг и поэтических произведений. По его мнению, путь к пониманию китайского дискурса не близок, и необходимо вырабатывать силу убеждения, не следует специально идти на встречу западному мышлению и вступать в контакт с другими цивилизациями на равноправной основе⁹.

Чжан Чжичжоу, старший научный сотрудник Центра по изучению публичной дипломатии и Центра по изучению инновационной деятельности и распространению китайской культуры Пекинского университета иностранных языков, вступая в полемику с Чжан Фэном, считает, что проблемы непонимания ряда неясных дискурсивных формул Китая, таких как «сотрудничество и общий выигрыш» и «отношения нового типа между крупными государствами», заключаются в том, что они были приведены недостаточно корректно, и им недостает конкретизации и детализации¹⁰.

Он утверждает, что формула «сотрудничество и общий выигрыш» имеет корни в традиционной европейской культуре, а именно в стратегии обоюдного выигрыша — «win-win strategy», а вариации формулировки «отношения нового типа между крупными странами» использовали в свое время и президент США Барак Обама, и госсекретарь Джон Керри.

В первом случае следует не просто вводить в дискурс абстрактную формулу, а конкретизировать, в каких сферах следует осуществлять сотрудничество и какой общий выигрыш можно получить. Во втором случае расхождения между крупными государствами — Китаем и США — зависят не столько от размытости формулировок или неопределенности внешней политики, сколько от многолетних проблем во взаимном доверии и переплетения интересов.

Вместе с тем Чжан Чжичжоу согласен с позицией Сюй Цзиня о том, что жалобы на непонимание китайского дискурса в мире идут с Запада, и причиной этих жалоб является претензия Китая на власть дискурса¹¹.

Профессор факультета дипломатии института международных отношений и связей с общественностью Фуданьского университета Су Чанхэ полагает, что довольно часто можно слышать такое утверждение, что в условиях международной коммуникации люди за рубежом не понимают как китайский официальный политический, так и дипломатический дискурс, дискурсивные формулы считают пустыми и бессодержательными, поэтому предлагают выражать себя на понятном языке «передового международного сообщества».

Су Чанхэ считает, что дискурсивная система, сформированная из языка международного общения, политических понятий, терминов, наименований, является составной частью культурного суверенитета государства, и народ должен защищать свой суверенитет, выражая мысли на своем языке¹².

По мнению Су Чанхэ, проблема непонимания дискурса предопределена различием языков, и ее решение лежит в плоскости межкультурной коммуникации. Однако в общении разных культур большую роль играет взаимное влияние, которое бывает сильным и слабым. Сильная культура, исходя из своих стандартов, объясняет более сла-

бую. Внедряя свой дискурс, она создает центр притяжения для образованного сословия, но из-за несимметричности и несбалансированности взаимодействия богатство национального дискурса остается неиспользованным¹³.

Таким образом, непонимание не является историческим дефектом китайского политического и дипломатического дискурсов, а отражает доминирование иностранного, в данном случае западного дискурса, и нежелание его носителей постигать особенности внутреннего, китайского. В этом смысле, изучение китайского языка и культуры будет способствовать лучшему взаимопониманию Китая и Запада и возможности избежать «коммуникативных сбоев и провалов».

Возникает также вопрос: каким образом повысить эффективность своего дискурса и добиться убедительности его функционирования?

Су Чанхэ считает, что дискурс можно повысить до уровня стратегии культурной дипломатии и использовать, чтобы закрыть, затемнить или заменить противоположный дискурс, а в результате его ассимилировать, поставить под надзор и изолировать. В этом случае сильный дискурс ставит под контроль более слабый и может выдвинуть обвинения носителям слабого дискурса в отсутствии профессионализма, непонимании, отсутствии связи с основной международной тенденцией. По его мнению, Китаю нужно опираться на свой дипломатический дискурс, который стоит на защите культурного суверенитета страны, причем для партнеров понимание дипломатии КНР не представляет трудностей. Странам Запада в этом случае нужно самостоятельно постигать логику и стилистику китайского нарратива¹⁴.

Доцент Аомыньского университета и приглашенный научный сотрудник Чжунъянского института финансовых исследований Народного университета КНР Чэнь Диндин также согласен, что для достижения своих стратегических целей китайской дипломатии требуется искусное владение дискурсом.

Модель дипломатического дискурса он предлагает строить на основе концепта «умного дискурса» (*цзяо хуаюй*), имеющего своим истоком понятие «умной силы» (*smart power*), предложенное американскими политологами¹⁵.

«Умный дискурс» определяется им как способ презентации дипломатии, в котором гибко и уместно соединяются «жесткий дискурс» и «мягкий дискурс». Предлагая в дальнейшем наполнять конкретным содержанием модель «умного дискурса», Чэнь Диндин обращает особое внимание на публичную презентацию китайской дипломатии:

– повышать мастерство официальных выступлений, улучшать выразительность речи;

– научиться разными способами и на разных языках выражать один и тот же смысл, уметь затронуть своими идеями душу зарубежной аудитории;

– изменить психологический настрой и дискурсивную тактику: не только активно обороняться, но и активно наступать, причем применять эту тактику во всех международных дипломатических случаях¹⁶.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в китайском экспертном обществе отсутствует консенсус относительно того, является ли китайский дипломатический дискурс трудным для понимания странами Запада и каким он должен быть.

Действительно ли дипломатический дискурс Китая труден для понимания?

«Общее будущее человечества»¹⁷ как базовый концепт дипломатического дискурса Китая

В данной связи мы предлагаем проанализировать концепт «общее будущее человечества», который является системообразующим ядром дипломатического дискурса Китая на современном этапе и представляет собой характеристику глобальной картины ми-

ра руководством КНР. Это концепт не получил конкретного описания и остается мало понятным для международного научного и экспертного сообщества.

Языковой уровень

При исследовании концепта «общее будущее человечества» на языковом уровне мы воспользуемся методом, предложенным Ю.С. Степановым. В онтологическом плане он предлагал рассмотреть три уровня — три слоя концепта:

- современный, актуальный слой;
- исторический, пассивный слой;
- внутреннюю форму, базовый этимологический слой¹⁸.

Первичный анализ китайской письменности в рамках этой методики показывает, что каждый иероглиф представляет собой комплексный многослойный конструкт, где представлены и этимологический, и исторический, и современный уровни, которые могут актуализироваться в зависимости от контекста или разновидностей речи — письменной или разговорной.

Изучение семантической структуры концепта «общее будущее человечества» как многомерного смыслового образования, по мнению российского лингвиста В.И. Карасика, предусматривает рассмотрение понятийной, образной и ценностной составляющих¹⁹.

Своеобразие китайского языка состоит в том, что единица письменности — иероглиф — является фактически микроконцептом, обладает графической наглядностью формы и условно-символическим содержанием. Зрительная наглядность позволяет прямую, через внешний образ прикоснуться, а иногда и проникнуть в содержание иероглифа. Внешняя форма помогает раскрыть или истолковать лишь небольшую часть содержания, связанную с этимологическим ядром. За более чем тысячелетнюю историю развития китайского языка иероглифика обогащалась новым содержанием, которое включало как логико-понятийные, так и образно-символические компоненты.

«人类命运共同体» (renlei mingyun gongtongti) состоит из трех концептов: «人类» (renlei) — человечество, «命运» (mingyun) — судьба/будущее и «共同体» (gongtongti) — сообщество/общность/общий.

Этимологический слой концепта «человечество» в китайском языке передается двумя иероглифами: «人» (ren) — человек и «类» (lei) — род, то есть их сочетание означает «人类» (человеческий род). Современной актуализацией этого биннома считается «человечество».

Концепт «судьба» в китайском языке обозначается двумя иероглифами «命运» (mingyun), причем они оба играют важную роль в понимании семантики слова.

Этимология иероглифа «命» (ming) связана с иероглифом «令» (ling), который означает «указание от высшего низшему», в дальнейшем был добавлен иероглиф «口» (kou) и таким образом «令» (ling) превратился в «命» (ming), чтобы подчеркнуть, что «высший отдает авторитетный устный приказ низшему».

Исторически иероглиф «命» (ming) использовался в понятии «天命» (tianming) — небесный мандат (распоряжение Неба), вручаемый императору на правление; «命名» (mingming) — наречение именем (имя, дарованное указанием).

Иероглиф «命» (ming) также имеет значение «определенные ограничения», то есть «указание, которое лимитирует процесс, деятельность». «生命» (shengming) — жизнь (определенный лимит жизни).

В словах, в которых иероглиф «命» (ming) идет первым, он выступает в качестве устойчивого и заданного указания и лимита процесса — алгоритма жизнедеятельности.

Этимологическое значение иероглифа «运» [運] (yun) определяется ключом «движение вперед» и фонетиком «армия», то есть морфема переводится как «движение армии».

Исторически иероглиф «运» [運] (yun) приобрел значение «движение войск согласно замыслу», «движение кругами — вращательное движение» и далее «траектория изменяющегося развития».

Соединение иероглифа «运» (yun) с иероглифом «气» (жизненная энергия «ци») дает нам понятие «运气» (yunqi) — удача, счастье, фортуна как круговорот энергии. Этот компонент является нейтральным, в отличие от европейской интерпретации данного понятия.

Удача, фортуна зависят от правильного поведения и понимания внешних императивов: везение «运气好» (yunqi hao), невезение «运气不好» (yunqi bu hao), а также от счастливого случая: встретить удачу «幸运» (xingyun)

Объединение «命» (ming) и «运» (yun) в один концепт «命运» (mingyun) дает значение «предопределение», «судьба», подразумевая «движение жизни, круговорот жизни». Жизненные метаморфозы могут изменить жизнь, судьбу «改命» (gaiming), можно лишиться жизни, а в древности — Небесного мандата — «革命» (geming). Смена парадигмы жизни-судьбы — это результат действий Неба, сверхъестественных сил или приказа свыше, как реакция на правильное или неправильное нравственное поведение.

Следует заметить, что морфема «命运» (mingyun) «судьба» в китайской традиции не имеет фаталистического смысла в отличие от русского понятия «судьба» или английского — «destiny». «命运» (mingyun) — это подверженный изменениям жизненный путь в будущее, который можно корректировать.

Поэтому при переводе на английский язык в качестве стандарта понимания Бюро переводов при ЦК КПК сначала был предложен вариант «destiny» (судьба), а после нескольких лет апробации концепта окончательный перевод был согласован как «future» (будущее).

Концепт «сообщество» состоит из морфемы «共同» (gongtong) (общий, совместный) и «体» (ti) (тело, форма, структура, строй), то есть «共同体» (gongtongti) — форма или структура общего, структурированное или сформированное общее. По-английски: community — common+unity.

Целостный концепт «人类命运共同体» («общее будущее человечества») включает смыслы всех его элементов, тем не менее собранные вместе отдельные элементы-концепты в связи с иероглифической многозначностью и образно-символическим смыслом не дают однозначной интерпретации данного концепта. Более того, в ЦК КПК, агентстве «Синьхуа» при стандартизации перевода новых политических терминов-концептов допускают разную интерпретацию для разных иностранных языков.

Таким образом, перевод концепта «人类命运共同体» на русский язык как «сообщество единой судьбы человечества» и его дальнейшие корректировки не отражают в полной мере китайский контекст. Так, в русском переводе присутствует мотив исключительности и предопределенности судьбы человечества, однако, если исходить из анализа составляющих целостного концепта, подобная доминанта отсутствует.

При рассмотрении переводов данного концепта на английский язык можно заметить постоянную корректировку разных вариантов.

Первоначально «人类命运共同体» переводилось как «Community of Common Destiny for Mankind», затем «Community of Shared Destiny for Mankind», далее «Community of Shared Future for Mankind» (перевод в выступлении Си Цзиньпина в ООН в 2015 г.) и, наконец, уже на XIX съезде КПК были исправлены все ошибки и представлена версия «A Community of a Shared Future for Mankind», которая остается на сегодняшний день основной версией перевода на английский язык. Правда, по нашему мнению, в связи требованиями толерантности, в Европе в 2019 г. перевод был изменен на «A Community of a Shared Future for Humanity/Humankind».

Анализ концепта «人类命运共同体» на языковом уровне показал, что в связи с особенностями иероглифического образно-символического письма существуют определенные трудности развития концепта и превращения его в однозначный термин. Многозначность, присущая концепту изначально, особенно ярко проявляется в переводах на иностранные языки, причем в разных языках, видимо, по политическим или идеологическим причинам, меняются акценты внутри концепта, и даже дается его расширенная лексическая интерпретация.

Понимая неадекватность концепта «人类命运共同体», китайское руководство уже на когнитивном уровне приложило усилия для его дальнейшей структуризации и создания соответствующей концептосферы.

Когнитивный уровень

На когнитивном уровне происходит идентификация, классификация и структуризация идеи, концептов, понятий и ценностей, тем самым создается когнитивная сфера.

Когнитивная сфера является открытой системой, построенной по типу иерархии подчинения низших звеньев высшим. Она имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Развертываясь вовне, когнитивная сфера может входить составной частью в более широкое когнитивное пространство.

Внутренняя структура когнитивной сферы может быть представлена в виде «пирамиды» или «дерева».

Гибкость системе управления когнитивной сферы обеспечивают **фреймы** — основные идеи-образы, концепты, понятия, ценности. Фреймы интегрированы в когнитивную сферу вертикально и горизонтально. Они подвижны, и в ходе мыслительной деятельности образы через концепты трансформируются в понятия.

К когнитивной сфере подключены и необходимые исторические фреймы для придания когнитивному пространству временной глубины и объемности.

Как показал языковой анализ, когнитивная сфера «人类命运共同体» («общее будущее человечества») состоит из трех основных концептов: «общий, сообщество», «будущее/судьба», «человечество». Лингвистическая интерпретация и перевод на иностранные языки нередко меняет акценты словосочетаний и в данном случае многосоставного концепта.

В китайском языке основным членом словосочетания «人类命运共同体» является «共同体» (gongtongti) — сообщество, общность.

Определением к «сообществу» выступает «судьба/будущее», а определением второго порядка является «человечество». Когнитивная интерпретация взаимосвязей в главном многосоставном концепте будет выглядеть таким образом: «общее будущее человечества».

В ходе развития многосоставного концепта расширялась его когнитивная сфера, каждая его составная часть — прирастала низшими звеньями.

Основной фрейм — «общность/общее» — конкретизируется образами и метафорами:

– китайское руководство использует и концепцию «глобальной деревни» (地球村) (diqiu cun) (проживание в отдельных домах, но в рамках одной деревни, в этой связи наличие общих связей и интересов) как важный узел когнитивной сферы;

– «под общим синим небом, в общем доме» (同一个蓝天下, 同一个家园) (tong yige lan tian xia, tong yige jia yuan) (Си Цзиньпин на встрече с представителями политических партий всего мира заявил, что в современном мире судьбы народов тесно связаны и все зависят друг от друга, будто они живут в общем доме);

– «большая семья» (大家庭) (da jiating) (метафора более тесной взаимосвязи между народами мира).

Наивысшим критерием общности являются тесные супружеские связи. Приводя цитату из стихотворения «Я и ты» известной художницы и каллиграфа династии Юань — Гуань Даошэн (1262–1319) «В тебе есть я, а во мне есть ты» (你中有我, 我中有你) (nǐ zhōng yǒu wǒ, wǒ zhōng yǒu nǐ), Си Цзиньпин приводит неразрывность и неразделимость двух супругов в качестве примера степени интегрированности человечества для общего будущего.

Фрейм «будущее» описывается образами:

- «прекрасное будущее» (美丽未来) (měilì wèilái) (наиболее общее понятие);
- идеал «прекрасного завтра» — это «Великое единение в мире и Поднебесная как одна семья» (世界大同, 天下一家) (shìjiè dàtóng, tiānxià yíjiā) — метафоры «золотого века» из истории Китая.

Фрейм «человечество» делает акцент на единство людей в мире:

- «у человечества только одна Земля, и все государства вместе существуют в одном мире» (人类只有一个地球, 各国共处一个世界) (rénlèi zhǐ yǒu yíge dìqiú, gèguó gòngchǔ yíge shìjiè) (фраза, означающая единство мира, но отдельное существование государств).

Образно-метафорическое измерение когнитивной сферы «人类命运共同体» («общее будущее человечества») дополняется развитием концептуально-понятийного аппарата.

Выступление Си Цзиньпина в Нью-Йорке на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. с докладом «Сообща создадим новое партнерство сотрудничества и общего выигрыша, единодушно построим общее будущее человечества» ознаменовало переход к структуризации и систематизации когнитивной сферы «общего будущего человечества». Когнитивное поле идей и образов получило четкие ориентиры в рамках дипломатического дискурса и понятийное описание.

Председатель КНР определил основные фреймы концептуализации «общего будущего человечества»:

Фрейм «политика» — установление партнерских отношений на условиях равноправия и взаимопонимания.

Фрейм «безопасность» — создание безопасной архитектоники, основанной на правде и справедливости, совместном строительстве и совместном использовании результатов.

Фрейм «экономика» — стремление к открытому инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, построение нормативной системы, в которой уравниваются эффективность и справедливость.

Фрейм «культура» — содействие обмену между цивилизациями, исходя из принципов «находиться в согласии, имея разные взгляды», «принимать всех и каждого».

Фрейм «экология» — создавать экологическую систему уважения к природе и «зеленому» развитию²⁰.

Следует отметить, что руководство Китая вкладывало во фреймы с общими понятиями, такими, как политика, экономика, безопасность, культура, экология, свое содержание, видение будущего человечества.

Доминантой концептуального решения стала идея «общего, совместного», которая увязывала образно-метафорическое измерение когнитивной сферы «общего будущего человечества» с его концептуально-понятийным измерением.

Актуализация когнитивного пространства концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») происходит на коммуникативном уровне.

Прагматический уровень

На прагматическом уровне определяются задачи создания концепта «общего будущего человечества», решается, с какой целью было расширено и углублено содержа-

ние концепта, была осуществлена его структуризация и классификация в образном, понятийном, концептуальном и аксиологическом полях.

На прагматическом уровне продвижение концепта «общего будущего человечества» требовало четкого формулирования целей и планирования задач, выбора пути решения задач и достижения цели. Уже языковой анализ концепта указывал на его глобальную ориентированность, разрабатываемые задачи относились к международной деятельности, способы их решения были связаны с внешнеполитической деятельностью, а инструментом достижения цели стал дипломатический дискурс.

Таким образом, выдвижение концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») с момента прихода к власти Председателя КНР Си Цзиньпина в 2012 г. свидетельствовало о том, что Китай в международных делах переходит от региональных целей к глобальным. Этот переход от стратегических установок Дэн Сяопина, направленных на внутреннее развитие страны и устанавливающих приоритет экономики над политикой, к более активному участию в мировых делах и выдвижению глобальной повестки дня происходил постепенно. Задачи выдвигались последовательно. Дискурсивное обеспечение осуществлялось на уровне Председателя КНР, премьера и членов Госсовета. Канцелярии по внешним делам ЦК КПК, академических институтов и учебных университетов, «мозговых центров» и отдельных экспертов.

Целью выдвижения концепта «общего будущего человечества» стало продвижение на глобальном уровне внешнеполитического продукта Китая, который бы стал заявкой на повышение политической роли КНР в мире и способствовал участию страны в глобальном экономическом и политическом управлении.

Для достижения этой цели разрабатывались задачи продвижения данного концепта на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, а также достижения его международного признания и последующего включения в систему норм международного права.

В условиях практически полного контроля международного пространства западными СМИ важной задачей также стало оказание дискурсивной поддержки продвижению китайского глобального концепта.

Эволюция концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») прошла четыре этапа, прежде чем превратилась в основной внешнеполитический инструмент реализации современной глобальной стратегии Китая.

Первый этап (до октября 2012 г.) — появление идеи «общего будущего» (именно она в дальнейшем стала основой концепта «общего будущего человечества») в риторике китайского руководства. До выхода на глобальный уровень она прошла апробацию в ходе идеологической дискуссии между Пекином и Тайбэем.

Идея «общего будущего между двумя берегами» (两岸命运共同体) (liang an mingyun gongtongti), выдвинутая руководством КНР, предлагалась как общая формула взаимоотношений в период правления тайваньской администрации Ма Иньцзю в 2001–2016 гг. в противовес концепции «сообщества/общей жизни и судьбы» (生命共同体) (shengming gongtongti) Ли Дэнхуэя (1988–2000 гг.) и Чэнь Шуйбяня (2000–2007 гг.), выступавших за локализацию Тайваня и фактический отрыв от материка.

Первое появление идеи «общего будущего» в политической риторике руководства КНР произошло еще в 2007 г., когда эту формулировку использовал председатель КНР Ху Цзиньтао, рассуждая об отношениях КНР и Тайваня. Эта идея получила развитие в Белой книге «Мирное развитие Китая» (2011), где она была впервые официально представлена как отражение важной тенденции экономической глобализации, которая оказывает влияние на международные отношения²¹. Ответственный секретарь Канцелярии по иностранным делам ЦК КПК Дай Бинго в своей статье в газете «Фигаро»²², а также Ху Цзиньтао в 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК активно использовали этот

термин²³. Таким образом, еще до прихода к власти Си Цзиньпина идея «общего будущего» присутствовала в дипломатическом багаже руководства КНР. Она была актуализирована как в официальных документах, так и в выступлениях китайских лидеров.

Второй этап (с марта 2013 г. по сентябрь 2015 г.) — развитие идеи и превращение ее в концепт «общего будущего человечества». Во время своего первого визита в Москву в марте 2013 г. в качестве Председателя КНР Си Цзиньпин выступил в Московском государственном институте международных отношений с речью, в которой представил свою интерпретацию китайского проекта для мира. Он, в частности, сказал: «В мире беспрецедентно углубляются взаимные связи и взаимная зависимость государств, человечество живет в одной глобальной деревне и в едином временном пространстве, где переплетаются история и современность. Этот мир все больше представляет собой общее будущее человечества, в котором у нас есть вы, а у вас есть мы»²⁴. Таким образом, идея «общего будущего» обросла образами и метафорами, которые углубили ее содержание, но на этом этапе идея представляла собой концепт, пред-понятие.

На этом этапе идея «общего будущего» была выдвинута на региональном уровне. Именно региональное звучание она приобрела в выступлениях Си Цзиньпина на Азиатском форуме в Боао 7 апреля 2013 г. и на Рабочем семинаре по дипломатической работе с сопредельными странами 24 октября 2013 г. Председатель КНР заявлял, что осознание общего будущего должно укорениться в сопредельных с Китаем странах, указав тем самым впервые вектор развития проекта. Знаменательной вехой в развитии этой идеи стала речь Си Цзиньпина перед парламентом Бразилии в июле 2014 г., в которой он выступил с инициативой о формировании общего будущего человечества и где впервые был обозначен глобальный масштаб китайской инициативы.

На втором этапе идея «общего будущего» приобрела образно-символическую глубину концепта и пространственные рамки, которые расширялись от двусторонних отношений к региональным (сопредельные страны) и далее к глобальным.

Третий этап был ознаменован речью Си Цзиньпина в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН на 70-й юбилейной сессии ГА ООН 28 сентября 2015 г. на тему: «Сообща создадим новое партнерство сотрудничества и общего выигрыша, единодушно построим общее будущее человечества».

Председатель КНР выступил с уже разработанной концепцией «общего будущего человечества», в которой определил основные сферы ее развития: политическую, безопасность, экономическую, культурную и экологическую²⁵.

Таким образом было сформировано когнитивное пространство «общего будущего человечества», которое включило узловые элементы: идею, концепт, понятие и концепцию «общего будущего человечества».

В своих выступлениях 2015–2016 гг. Си Цзиньпин широко пропагандировал новый инструмент «общее будущее человечество» и повысил его статус до главной внешнеполитической установки Китая вместе с построением «международных отношений нового типа, в центре которых сотрудничество и общий выигрыш». Трансконтинентальная инициатива «Один пояс, один путь» рассматривалась как инструмент практической реализации внешнеполитической стратегии «общее будущее человечества».

В этот период когнитивное пространство «общего будущего человечества» стало обогащаться глобальными предложениями Китая по реформированию мировых глобальных институтов. Идея о «совместном обсуждении» (共商) (gong shang), «совместном строительстве» (共建) (gong jian) и «совместном использовании» (результатов) (共享) (gong xiang), которая лежала в основе системы управления инициативой «Один пояс, один путь», была предложена для улучшения работы институтов глобального управления.

Важным дополнением когнитивного пространства «общего будущего человечества» стало выступление Председателя КНР в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г. В нем Си Цзиньпин подробно и системно изложил понятийную составляющую когнитивного пространства «общего будущего человечества». Особенностью данного выступления явилось то, что Си Цзиньпин показал историческую глубину и временной масштаб когнитивного пространства. Создание «общего будущего человечества» он определил как «时代命题» (shidai mingti) (тему эпохи), что является понятием временного разграничения, охватывающим от нескольких десятков до сотен лет, и по своему объему уступает только периодизации формаций. Как отметил Си Цзиньпин, «создание общего будущего человечества — это прекрасная цель, которую можно осуществить, передавая эстафетную палочку от поколения к поколению»²⁶.

На третьем этапе было завершено в целом создание когнитивного пространства «общего будущего человечества», определены его временные и пространственные параметры, была разработана внутренняя структура и ее элементы. Китайский проект «общего будущего» был представлен и прошел апробацию в глобальных институтах ООН в Нью Йорке и Женеве.

Четвертый этап связан с практической реализацией проекта «общего будущего человечества» в плане его дальнейшей пропаганды на всех уровнях и углублением теоретического обоснования.

Пространство «общего будущего человечества» стало основной целью инициативы «Один пояс, один путь», о чем Председатель КНР заявил на Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути» (ОПОП) в мае 2017 г. В своем выступлении на заседании «круглого стола» Форума он сказал, что «в контексте международного сотрудничества по строительству «Одного пояса, одного пути»... все будут непрерывно продвигаться вперед в направлении общего будущего человечества». По словам Си Цзиньпина, это и было его первоначальным намерением выдвигания этой инициативы и высочайшей целью, которую он надеется достичь посредством нее²⁷. Таким образом, инициатива ОПОП представляет собой практическую реализацию китайского проекта «общего будущего человечества» на трансрегиональном уровне.

В октябре 2017 г. состоялся XIX съезд КПК, на котором были подведены итоги деятельности партии и ее генерального секретаря Си Цзиньпина за отчетный период и намечены перспективы будущей работы. Проект «создания общего будущего человечества» получил достаточно широкое освещение в отчетном докладе китайского лидера.

Важным итогом XIX съезда КПК было внесение в Устав КПК дополнения о построении сообщества судьбы/общего будущего человечества как внешнеполитической цели Коммунистической партии Китая. В марте 2018 г. на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва было принято решение о внесении в Конституцию формулировки о создании такого будущего как основной цели государства во внешней политике в эпоху Си Цзиньпина.

Осуществив институционализацию проекта «общего будущего человечества» внутри страны, руководство КНР стало прилагать усилия для ее актуализации на международном уровне. Целью внешнеполитической деятельности Си Цзиньпина и китайских дипломатов было добиться включения этого проекта в международно-правовую систему для дальнейшего превращения китайских идей в международно-правовые нормы.

Особую роль в распространении проекта «общего будущего человечества» в мире сыграли Председатель КНР Си Цзиньпин, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, министр иностранных дел Ван И и др. Они продвигали эту концепцию с 2013 г. в двустороннем и многостороннем форматах, на региональном и глобальном уровнях.

Начиная с 2017 г. китайский проект «общего будущего человечества» получил отражение в документах Организации Объединенных Наций.

10 февраля 2017 г. на 56-м заседании Комитета ООН по социальному развитию была принята резолюция «О социальном аспекте развития отношений нового партнерства в Африке», в которой по инициативе китайской стороны впервые появилась формулировка «создание общего будущего»²⁸.

17 марта 2017 г. при принятии Советом Безопасности ООН резолюции по проблеме Афганистана было заявлено, что необходимо продвигать региональное сотрудничество на основе духа сотрудничества и общего выигрыша, чтобы эффективно содействовать безопасности, стабильности и развитию и создавать общее будущее в Афганистане и регионе.

23 марта 2017 г. на 34-м заседании Совета ООН по правам человека было принято две резолюции об «экономических, социальных и культурных правах» и «правах на продовольствие», где впервые было указано на необходимость создания общего будущего человечества²⁹.

2 ноября 2017 г. завершилось заседание Комитета ООН 72-го созыва по международной безопасности и сокращению вооружений. В резолюцию Комитета была внесена выдвинутая Китаем идея о создании общего будущего человечества. По этому поводу официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньбао заявила на очередной пресс-конференции, что идеи Китая получают все более широкую поддержку в мире и все больше находят свое отражение в повестке дня ООН³⁰.

23 марта 2018 г. во Дворце наций в Женеве Совет ООН по правам человека на своем 37-м заседании принял резолюцию «Продвигать сотрудничество и общий выигрыш в сфере прав человека», выдвинутую Китаем. Впервые в резолюцию ООН одновременно вошли две важные идеи — содействия строительству международных отношений нового типа и создания общего будущего человечества.

По нашему мнению, включение идеи «общего будущего человечества» в резолюции ООН свидетельствовало о важном этапе международного признания китайского глобального проекта.

* * *

В результате проведенного исследования очевидны следующие выводы.

Дискуссии известных китайских ученых, предметом которой стал дипломатический дискурс Китая, показали, что проблема актуальна как для высших эшелонов власти, так и для экспертов научных учреждений. Руководство Китая дает необходимый импульс к изучению темы, а ученые предлагают соответствующие модели и решения.

Китайские ученые пришли к выводу, что в современном мире изучение темы дипломатического дискурса имеет важное теоретическое и прикладное значение. При разработке дискурсивных моделей необходимо учитывать передовой западный опыт, но приоритетом должна быть традиционная культура Китая, достижения которой необходимо умело соединять с современными требованиями международной жизни. Понимание китайского дипломатического дискурса является результатом активной профессиональной работы по продвижению китайского языка и культуры за рубежом. Эффективность дипломатического дискурса во многом зависит от разработки адекватных дискурсивных формул, владения дискурсивными технологиями, использования дискурсивной стратегии и тактики в дипломатической практике.

В кейсе «общего будущего человечества» был проанализирован главный внешнеполитический инструмент китайской дипломатии при Си Цзиньпине.

Он представляет сложный, многослойный и многосоставной конструкт, состоящий из традиционных и современных идей, концептов и понятий, которые во всей своей совокупности образуют многомерное и структурированное пространственно-временное поле.

Концепт «общее будущее человечества» рассматривался авторами на трех уровнях понимания.

На языковом уровне была определена семантическая форма «общего будущего человечества» как концепт, который является переходным состоянием от идеи к понятию. В связи с тем, что он состоит из трех частей, он является многосоставным. Его анализ осуществлялся в рамках герменевтического круга: от частного к целому и от целого — к отдельным частям. Была показана этимологическая основа концепта. Важным моментом для понимания концепта был анализ его переводов на иностранные языки, которые имеют свои особенности в его интерпретации.

На когнитивном уровне было показано, как из образов, идей, концептов и понятий образуется когнитивное пространство «общего будущего человечества», имеющее пространственно-временные параметры внутреннюю структуру и открытую систему, которая, в свою очередь, может принимать новые элементы. Именно на когнитивном уровне мы можем понять конструкт с учетом его внутреннего и внешнего контекста.

На прагматическом уровне в рамках дискурсивной прагматики проект «общего будущего человечества» рассматривался как главный инструмент и цель внешней политики Китая. Авторами была показана этапность развития проекта и его практическая реализация.

В заключение следует отметить, что проблема понимания китайского дискурса обладает многоуровневой сложностью, которая обусловлена образно-символической семантикой, отличающимися переводами на иностранные языки, многомерностью когнитивной сферы и многосторонностью коммуникации. По нашему мнению, основные затруднения пониманию дипломатического дискурса создают профессиональная терминология и когнитивный контекст.

1. Ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 111–160.
2. Zhongyuan dangxiao guoji zhanlüe yanjiusuo ketizu. Zhongguo guoji huaiquan jianshe de taozhan yu chulu: [Группа института по международной стратегии партийной школы при ЦК КПК. Вызовы и выходы при формировании права на международный дискурс Китая] // Xin zhanlüe yanjiu: [Исследования новых стратегий]. 2015. № 1. С. 23–33. URL: http://iiss.ccps.gov.cn/zbkw/201505/t20150508_60139.html.
3. Там же.
4. Zhang Feng. Tianxiahui. Wei shenme Zhongguo de waijiao huayu zhenme nandong?: [Тяньсяхуэй. Почему так трудно понимать дипломатический дискурс Китая] // Pengpai xinwen. 15.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1331004.
5. Там же.
6. Там же.
7. Xu Jin. Dongfangce. Wei shenme baoyuan Zhongguo waijiao nandong de zongshi xifang ren: [Дунфан цз. Почему западные люди всегда жалуются, что китайскую дипломатию трудно понять] // Pengpai xinwen. 21.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1332594.
8. Там же.
9. Xiang Lanqing. Meiguo zai yatai jiaojü, fanying de zhen shi “huayu ji quanli”: [Беспорядки, которые устраивают США в АТР, как раз и являются отражением тезиса «дискурс есть власть»] // Pengpai xinwen. 03.06.2015. URL: <http://www.thepaper.cn/baidu.jsp?contid=1335668>.
10. Zhang Zhizhou. Haishi rang Zhongguo waijiao huayu baochi heli de “nandong”ba!: [И все-таки пусть китайский дипломатический дискурс останется в разумной степени «не понятным»!] // Pengpai xinwen. 27.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1334910.
11. Там же.

12. *Su Changhe*. Rang women lai wushi de tan tan ruhe tisheng Zhongguo wajiao huayu nengli: [Давайте по-деловому поговорим, как нам повысить возможности китайского дипломатического дискурса] // *Guoguan xuepai*. 27.06.2016. URL: <http://m.duxuan.cn/doc/5670497.html>.
13. Там же.
14. Там же.
15. *Chen Dingding*. Dongfangce. Weihe Zhongguo wajiao biaoda bu shan shiyong "qiao huaiyu": [Дунфан цэ. Почему в китайской дипломатии не используется «умный дискурс»] // *Pengpai xinwen*. 09.06.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1339829_1.
16. Там же.
17. Этот термин не имеет универсального перевода на русский язык. В российской академической среде встречаются переводы «человеческое общество с единой судьбой», «человечество как сообщество единой судьбы», «мир с общей судьбой», а также «сообщество судьбы», «сообщество единой судьбы», «сообщество судьбы человечества». В связи с особенностями перевода на русский язык произошла трансформация трехкомпонентного термина «人类命运共同体». В статье компонент «命运» интерпретируется как «будущее», а компонент «共同体» — как «общий».
18. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследователя. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 44.
19. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс.- Волгоград: Перемена, 2002. С. 84.
20. Xi Jinping's Speech at the General Debate of the 70th UN General Assembly. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
21. Zhongguo de heping fazhan baipishu: [Белая книга «Мирное развитие Китая»]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1000032/1000032_4.htm.
22. *Dai Bingguo*. Jianchi heping fazhan yu geguo tongzhou gongji: [Дай Бинго. Придерживаться мирного развития и «находиться в одной лодке»]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2011-09/22/content_1954365.htm.
23. *Hu Jintao*. Jianding bu yi yanzhe Zhongguo tese shehui zhuyi daolu qianjin wei quanmian jiancheng xiaokang shehui er fendou—zai Zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao: [Ху Цзиньтао. Неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой и стремиться к всестороннему построению среднезажиточного общества / доклад на XVIII съезде Коммунистической партии Китая]. URL: http://news.china.com.cn/politics/2012-11/20/content_27165856.htm.
24. Guanyu renlei mingyun gongtongti Xi Jinping shuji zheyang shuo: [Что Генеральный секретарь Си Цзиньпин говорил об общем будущем человечества]. URL: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/201804/t20180409_169547.html.
25. Xi Jinping zai di qishi jie lianheguo dahui yiban xing bianlun shi de jianghua. [Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 70-й Генеральной Ассамблеи ООН]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
26. Xi Jinping zhuxi «Gongshang gongzhu renlei minhyun gongtongti» gaojibie huiyi bing fabaio zhuzhi yanjiang: [Основной доклад Председателя Си Цзиньпина «Работать вместе для создания общего будущего человечества»]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/19/c_1120340049.htm.
27. Xi Jinping yi dai yi lu guoji hezuo gaofeng luntan yuanzhuo fenghui shang de bimuqi: [Выступление Си Цзиньпина на круглом столе на закрытии форума высокого уровня «Один пояс, один путь»] // *Жэньминь жибао*. 16.05.2017.
28. *Zhang Lili*. Wei goujian renlei mingyun gongtongti fendou: [Чжан Лили. Борьба за создание общего будущего человечества]. URL: <http://www.71.cn/2017/0420/944540.shtml>.
29. Там же.
30. Там же.

История

К 100-летию «Движения 4 мая» 1919 г.

© 2019

Н.Л. Мамаева

В статье дается авторский взгляд на важнейшее событие в истории Китая первой половины XX в. — «Движение 4 мая» 1919 г. И причины, и последствия этого движения представлены на фоне «Движения за новую культуру (1915–1925)» и с учетом влияния на Китай идей вестернизации, а также опыта Октябрьской революции 1917 г. в России. Показана взаимосвязь внутренних событий и внешних влияний на Китай. Как показала история, оно стало поворотным событием в общественной жизни Китая и поставило вопрос о дальнейшем пути развития страны. Современные оценки «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г. обновляют и дополняют существовавшие представления о причинах и содержании «Движения 4 мая» 1919 г.

Ключевые слова: «Движение 4 мая» 1919 г., «Движение за новую культуру», «раскрепощение личности», Советская Россия, вестернизация, влияние идей Октябрьской революции на Китай.

DOI: 10.31857/S013128120007996-6

«Движение 4 мая» 1919 г. считается одним из выдающихся событий в Китае в XX веке. В 2019 г. ему исполнилось 100 лет. И причины, и последствия «Движения» охватывали широкий круг проблем, стоявших перед Китаем. «Движение» всегда вызывало интерес китайских руководителей страны, а также историков, пользовалось большим вниманием в мировой историографии, особенно китайской и советской/российской. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая в преддверии 100-летия «Движения 4 мая» 1919 г. на 14-й коллективной учебе с участием членов Политбюро ЦК КПК, призвал к новым усилиям по изучению «Движения 4 мая». Характеризуя «Движение» с позиции его значения для возрождения нации, он подчеркнул необходимость поощрять молодежь вносить неустанный вклад в изучение наследия «Движения 4 мая», в сохранение духа обновления и сохранения китайской нации.

Изучение «Движения 4 мая» в России имеет длительную историю. Эта тема получила отражение в работах многих исследователей Китая: Ю.М. Гарушянца, В.И. Глумина, К.В. Кукушкина, К.В. Шевелова, А.И. Картуновой, М.Ф. Юрьева, А.В. Меликсетова, Н.Л. Мамаевой, И.Н. Сотниковой и др. Изучение «Движения» осуществлялось по двум основным направлениям. Первое направление включает характеристику внутренних событий в Китае, связанных с «Движением за новую культуру» (1915–1925 гг.). Другое направление акцентируется на исследовании идейно-культурного и политического влияния Октябрьской революции на общественную жизнь Китайской Республики (КР). Взаимосвязь

внутренних событий и внешних влияний на Китай наиболее четко и всесторонне проявила себя в «Движении 4 мая» 1919 г., развивавшегося на базе «Движения за новую культуру»¹. Возникновение мощного идейного начала, направленного против старой культуры, против деспотизма во многих его проявлениях, «раскрепощение сознания» и бурное развитие интеллектуальной сферы, всей духовной и политической жизни вызвали небывалый рост самосознания населения. Благодаря феноменальному значению в идейной, культурной и общественной жизни страны «Движения за новую культуру» «Движение 4 мая» развивалось на фоне интеллектуального подъема по широчайшему спектру, включавшему различные области демократии и науки, дипломатии, просвещения, литературы, культуры. Интеллектуальный подъем, идеи освобождения и раскрепощения личности, революция в литературе и языкознании, реформа системы народного просвещения как результаты «Движения за новую культуру» отражали в целом стремление к обновлению, к разрыву со старой феодальной культурой, тесно связанной с догматами конфуцианства, одновременно — стремление интеллектуальных слоев населения к утверждению и укреплению буржуазно-демократических ценностей, характерных для западных стран. Таким образом, «Движение 4 мая» 1919 г., с одной стороны, развивалось под влиянием духа и идей «Движения за новую культуру», с другой — восприняло опыт революционного движения в Советской России: массовость, антиимпериалистические, прежде всего, антияпонские лозунги, а также социальные аспекты. Как показала дальнейшая историческая практика, оно стало поворотным событием в общественной жизни Китая и поставило вопрос о дальнейшем пути развития страны. В клубке разнородных идей и духовных ценностей определенное место занимали идеи вестернизации, имевшие свою историю и ориентированные на буржуазно-демократическое развитие страны. На построение капиталистического общества была направлена Синьхайская революция (1911 г.). С этой целью предпринимались попытки формирования политической системы парламентской республики. Среди настроенных на копирование западных принципов общественного устройства групп населения идеи западного образа жизни продолжали сохранять свои позиции. Миссионерская деятельность западных стран, в том числе продолжение гуманитарной поддержки населения со стороны великих держав — строительство школ и ВУЗов, медицинских учреждений и т.д., — подпитывала в стране идеи вестернизации.

Между тем, Первая мировая война и тяжелые экономические, политические и социальные условия в постсиньхайское время, элементы хаоса в политической сфере КР привели к тому, что некоторые передовые деятели страны, такие, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао и др. начинали сомневаться в целесообразности для Китая буржуазной демократической республики как не вполне отвечающей условиям Китая, и призывали к обсуждению вопроса о том, существует ли у Китая иной выход².

Сведения об Октябрьской революции в России к началу «Движения 4 мая» 1919 г. если еще и не стали достоянием общественности Китая, однако в средствах массовой информации уже существовали каналы для публикаций сообщений о событиях в России, о первых шагах советского государства в области внутренней и внешней политики. Информация о революции в России, включая документы Советского правительства о принципах внешней политики по отношению к Китаю, в течение полутора-двух лет после свершения революции доходила до Китая медленно, преодолевая препятствия, чинимые западными державами, опасавшимися распространения марксизма и большевистских идей на Китай и другие страны³. В годы гражданской войны в России (1920–1922 гг.) Китай, совершенно отрезанный чехословацким выступлением, а затем армией Колчака от всякого общения с Советской Россией, лишь после взятия большевиками Владивостока получил возможность вплотную следить за борьбой Красной Армии с интервентами и белогвардейцами.

Неудовлетворенность в обществе развитием событий в стране после Синьхайской революции определяла внутренние факторы зарождения «Движения 4 мая». Междоусобицы среди милитаристских группировок, связанных с теми или иными великими державами, несли в себе угрозу для сохранения национального суверенитета, отражались негатив-

ным образом на благосостоянии населения. Однако непосредственным импульсом для вспышки «Движения» стали решения Версальской мирной конференции (1919 г.), от которого китайская общественность ожидала, но не получила поддержки требований по восстановлению национального суверенитета Китая. Несмотря на то что выдвинутые китайской делегацией на Парижской мирной конференции требования к державам — победительницам в Первой мировой войне отражали чаяния значительной части населения, они не получили у них поддержки. Широкие круги китайской общественности надеялись прежде всего на возвращение Китаю всех прав и владений, ранее захваченных Германией в провинции Шаньдун, а затем — Японией во время Первой мировой войны. Отклонение конференцией выдвинутых требований, передача германских владений в Шаньдуне Японии, нерешительная позиция в этом вопросе Пекинского правительства вызвали в Китае взрыв возмущения патриотов⁴. Выдвинутые студентами-демонстрантами лозунги: «Защитим государственный суверенитет!», «Не подписывать мирный договор!», «Аннулировать 21 требование!», «Бойкот японских товаров!», «Бороться за права страны, наказать изменников!» были активно поддержаны различными слоями населения.

События развивались следующим образом. 4 мая 1919 г. более 3000 студентов Пекинского университета и 13 других высших и средних учебных заведений устроили на площади Тяньаньмэнь митинг и демонстрацию протеста. Демонстранты потребовали наказания национальных предателей — Цао Жулия, Лу Цзунъюя и Чжан Цзунсяна, подписавших с Японией ряд документов, противоречащих национальным интересам Китая. Пекинское правительство ввело в действие полицейские части. В схватке с полицией погиб один студент, 32 участника демонстрации были арестованы.

Вслед за этими событиями, 5 мая демонстранты объявили забастовку. Выступление студентов поддержали ректоры университетов Пекина и, прежде всего, Цай Юаньпэй — ректор Пекинского университета. В «Движение» включились преподаватели пекинских вузов, торговая палата Пекина, некоторые депутаты парламента и ряд общественных организаций. Таким образом, «Движение» сразу получило высокий статус. В поддержку также выступили студенты высших и средних учебных заведений многих городов страны, а также общественность провинций Чжэцзян, Шаньси, Хунань, Фуцзянь, Гуанси и Гуандун.

Не остался безучастным к событиям патриотического антимпериалистического движения и парламент в Гуанчжоу, который 9 мая 1919 г. разослал во все провинции циркулярную телеграмму с резким осуждением действий прояпонских элементов в Пекинском правительстве и с одобрением выступления пекинских студентов⁵.

Как свидетельствует пресса того времени, все эти лозунги выдвигались и поддерживались, особенно на втором этапе «Движения 4 мая», «Китайским профсоюзом», «Промышленной ассоциацией Китая», «Союзом металлистов», рабочими китайско-японских предприятий, текстильщиками, железнодорожниками, моряками пароходства, рабочими и служащими типографий и т.д.⁶. Впервые был выражен массовый протест против правительства бэйяньских милитаристов и выдвинуто принципиальное требование — не подписывать мирный договор. Солидарность проявили учащиеся всего Китая, но 3 июня 1919 г. демонстрации были подавлены правительственными войсками.

Грандиозный размах получило забастовочное движение. Причем среди забастовщиков созрела идея организации небольших профессиональных организаций, которым в перспективе надлежало объединиться и выступить против японцев. Нередко в процессе забастовок возникали мелкие стычки рабочих с предпринимателями⁷. Забастовочное движение охватило и рабочие коллективы на английских верфях⁸, в англо-американской компании в Пудуне, в американской электроламповой компании «Шэньчан»⁹ и др. 9 июня началась забастовка шанхайских моряков. На якорь встали все китайские и иностранные торговые пароходы¹⁰.

«Движение 4 мая», помимо вышеизложенной специфики (влияние «Движения за новую культуру»), масштабный характер, организация забастовочного движения, выраже-

ние протеста и на предприятия западных держав), имело и другие особенности. Небывалую активность проявили студенты и учащиеся, на втором — шанхайском — этапе (с июня 1919 г.) в знак солидарности с их действиями рабочие Шанхая устроили ряд забастовок, а предприниматели (средняя и мелкая буржуазия) бойкотировали торговлю. Участие населения в демонстрациях и забастовках приняло невиданный размах — к движению примкнули рабочие более ста городов Китая, в том числе Ханькоу, Чанша, Уху, Цзинань. Народное давление было столь велико, что правительство бэйянских милитаристов было вынуждено отправить в отставку прояпонски настроенных чиновников: Цао Жулиня, Лу Цзунъюя, Чжан Цзунсяна. Китайская делегация в знак протеста не присутствовала на церемонии подписания документов Парижской мирной конференции¹¹.

«Движение 4 мая» 1919 г. стало решительным поворотом к формированию в обществе антиимпериалистического настроения. Подчеркивая внутрикитайские причины этого движения как базовые, нельзя не отметить следующее. Рассматривая «Движение» под углом зрения широкого распространения в начале века революционных идей во всем мире, отмечая глобальный характер национально-освободительного и коммунистического движений, можно сделать вывод, что «Движение 4 мая» 1919 г. проявило себя как составная часть мирового революционного процесса. Патриотические идеи падали на благодатную почву, в значительной степени подготовленную «Движением за новую культуру».

При оценках «Движения 4 мая» в китайской историографии правомерно уделяется значительное внимание наличию новых исторических условий, в которых оно развивалось, — атмосфере призывов к мировой революции, активной пропагандистской деятельности В.И. Ленина. Широкий и массовый характер «Движения» отражал веяния эпохи¹².

Следует отметить, что «Движение 4 мая» возникло в условиях продолжавшегося роста новых общественных сил Китая. Хотя в тот период еще не было Коммунистической партии Китая, однако существовал довольно широкий круг интеллигенции, одобрявшей революцию в России и уже знакомой, в разной степени, с некоторыми работами по научному социализму. Распространяя идеи марксизма, передовые молодые интеллигенты проводили просветительскую работу и подготовили ситуацию, в которой представители различных социальных слоев, среди которых было немало участников «Движения за новую культуру», поставили вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая Октябрьская революция в России. Эти так называемые дискуссии о социализме, как правило, велись в среде представителей либеральной интеллигенции, которая вплоть до 1925 г. не формулировала четкой позиции по этому вопросу. Эту сторону событий убедительно и подробно рассматривает в своих исследованиях А.В. Ломанов¹³.

Как указывал Мао Цзэдун в статье «О новой демократии», «Движение 4 мая» характеризовалось стремительным присоединением к нему с июня 1919 г. ранее активно не участвовавших в общественно-политической жизни страны социальных слоев и групп. К 3 июня революционное движение охватило всю страну¹⁴. В китайской историографии отмечается такой интересный факт, что в ходе «Движения 4 мая» учащиеся Пекина и Шанхая направляли своих представителей для установления связей с Гоминьданом, но руководители Гоминьдана отказались от участия в «Движении», объяснив свою позицию отсутствием у них необходимых сил¹⁵.

Рост национального самосознания, обусловленный главным образом внутренними социальными причинами, отражал в то же время международную обстановку и носил геополитический характер. События в Китае были частью общего мирового процесса развития национально-освободительных движений во многих странах мира¹⁶.

Как показало «Движение 4 мая», разочарование китайской общественности в президенте США Вильсоне и недовольство позицией союзников усилились по сравнению с дооктябрьским периодом. На фоне по сути предательства китайских интересов государствами Антанты Советская Россия уже в июле 1918 г. в лице наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина представила новый внешнеполитический курс, основанный на принципах уважения национального суверенитета КР, равенства и добрососедства.

Большое впечатление на общественность КР произвели уже первые шаги Советской России в ее внутренней и особенно внешней политике. основополагающие принципы новой внешней политики Советской России — равенство, мир, добрососедство, помощь — содержались в Декрете о мире (8 ноября 1917 г.), Декларации прав народов России (15 ноября 1917 г.), в Обращении Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (3 декабря 1917 г.). В Обращении содержались практически все основные подходы и принципы, на которых молодое Советское государство было намерено выстраивать систему международных отношений¹⁷. Политика равноправия, мира, дружбы, а также идеалы социальной справедливости, провозглашаемые Советским государством и документально зафиксированные в новых документах по внешней политике и по российско-китайским отношениям в частности, получили глубокий отклик в широких слоях китайского общества. Советская сторона нашла нужные слова, понятные широкому слою китайского населения, в Обращении РСФСР от 25 июля 1919 г. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, в котором изложила свою позицию по отношению к Китаю: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабошенные народы Востока, и в числе их в первую очередь китайский народ...». Наряду с конкретно названными мероприятиями, такими, как отказ от завоеваний царского правительства, уничтожение всех особых привилегий, всех факторий русских купцов на китайской земле, четко формулировались и другие показатели национального суверенитета: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». И далее: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале... пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»¹⁸.

Эти планы сопровождались выражением готовности Советской России договориться по этим вопросам с китайским народом в лице его уполномоченных¹⁹. Пекинское правительство не только не ответило Москве, но предприняло попытки в ряде журнальных статей представить этот шаг Советского правительства как «обман и ловушку»²⁰. Стремление китайского правительства скрыть от населения содержание новых принципов внешней политики Советской России не остановило советское правительство в его усилиях донести до китайской общественности судьбоносное содержание данного документа. В марте 1920 г. текст документа был передан китайским дипломатам и одновременно напечатан в газетах Иркутска, Верхнеудинска и Владивостока. Причем из Владивостока текст Обращения был передан по радио и принят в Шанхае редакцией прогрессивной русской газеты «Шанхайская жизнь», которая 25 марта 1920 г. опубликовала его в газете, а также издала специальным приложением тиражом 1 млн экземпляров²¹. После этого Обращение было перепечатано многими китайскими газетами и журналами. Усилиями советской стороны оно все-таки стало достоянием китайской общественности и реальным фактором влияния РСФСР на Китай.

Инициативы России в области внешней политики не оставили китайский народ равнодушным к формирующейся в Советской России новой внешней политике, не похожей на внешнеполитические действия в отношении Китая империалистических держав. В крупных городах КР начались выступления за нормализацию советско-китайских отношений²². Перемена в сторону положительной оценки внешней политики советской стороны имела место и в правительстве КР, хотя и с существенными оговорками, среди которых можно отметить выдвигавшиеся китайскими дипломатами в неофициальных переговорах с советскими представителями условия, заключавшиеся в готовности китайской стороны начать переговоры с РСФСР лишь после того, как другие страны признают Советское правительство²³.

Процесс урегулирования советско-китайских отношений, несмотря на трудности, создаваемые руководством КР, а также великими державами, продолжал развиваться

ся. К концу 1922 г. наблюдалось укрепление международного престижа Советской России, заключившей торговые договора и соглашения со многими странами. Это факт ускорило переход китайского правительства к активизации процесса нормализации советско-китайских отношений.

Вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая революция в России, стал одним из основных, которые ставила перед собою китайская революционная и либеральная интеллигенция и представители других социальных слоев.

Заключенное 31 мая 1924 г. советско-китайского соглашения об установлении официальных дипломатических отношений между двумя государствами было успехом советской дипломатии и демократических сил Китая. Параллельно с повышением авторитета Советской России в сфере внешней политики в Китае усиливался интерес и к идеологии, которой руководствовалась правящая партия России в подготовке и проведении Октябрьской революции.

Таким образом, подготовка и реализация в Китае новых подходов Советской России к внешней политике разрушили прежние представления политических и общественных сил Китая о России как одной из стран — проводников системы «неравноправных договоров» с КР, способствовали углублению межгосударственных доверительных отношений. В результате этого значительно повысился интерес к изучению научного социализма и большевизма среде учащейся и студенческой молодежи и интеллектуалов.

Параллельное развитие действий, связанных с урегулированием советско-китайских отношений и событиями «Движения 4 мая» 1919 г., усилило восприятие в китайском обществе европейских идей социализма и опыта Октябрьской революции в России, распространение которых в широких масштабах относится уже к 1920-м годам, и создало предпосылки для последующего преодоления замкнутого круга воспроизводства милитаристских режимов.

Отметим при этом высокие оценки Мао Цзэдуна, данные в статье «О новой демократии» «Движению 4 мая» 1919 г., истоки которого он тесно связывает с «Движением за новую культуру». Он проводит связь между «Движением за новую культуру», «Движением 4 мая» 1919 г. и последующими движениями, включая «Движение 30 мая» 1925 г., характеризовавшееся подъемом национального, демократического и коммунистического движений.

Неудивительно, что «Движение 4 мая» 1919 г., выдвинувшее целый ряд злободневных требований и осуществлявшееся в условиях необычайного революционного подъема, воспринималось многими современниками как преддверие новой демократической революции. Следует отметить, что обсуждение в современной китайской историографии подобного подхода к «Движению 4 мая» 1919 г. выглядит как его дополнительная характеристика, базирующаяся на новом уровне исследований «Движения за новую культуру», внутренней ситуации в Китае того времени, изучении влияния Октябрьской революции на Китай.

И последнее, к чему хотелось бы привлечь внимание, — это связь событий «Движения 4 мая» 1919 г. с активизацией либеральной интеллигенции, с ростом ее интереса к марксизму и дискуссиями о выборе модели развития для Китая. Рассматривая «Движение 30 мая» 1925 г. как трансформацию «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г., а также учитывая влияние Коминтерна и советских коммунистов, Мао Цзэдун характеризовал революционные события 1925 г. как подъем национального, демократического и коммунистического движений. Между тем представители либерально-вестернизаторского движения определяли его главным образом с позиции распространения в обществе радикальных настроений.

Дискуссия о России, состоявшаяся в конце 1925 г. на страницах «Чэньбао фукань», фактически объединила китайских либералов на почве отрицательного отношения к истории России, Октябрьской революции и деятельности Советов. Соответственно подверглось критике и идейно-культурное влияние Советской России на все указанные

выше общественно-политические движения, в том числе «Движение 4 мая» 1919 г. и «Движение 30 мая» 1925 г.²⁴ Хотя к 1925 г. популярность социалистических идей и авторитет советского государства в революционном лагере продолжала расти, однако в стране в целом преобладали идеи вестернизации.

Фактически идеологическая борьба между левым и правым крылом китайской политической мысли, определившаяся в ходе «Движения 4 мая» и активно развивавшаяся после него, являлась борьбой между сторонниками двух возможных перспектив развития Китая — социалистической и капиталистической. Интеллигенция марксистского толка, принимавшая участие в этой борьбе, опираясь на опыт событий в России, призвала встать на путь развития социализма в Китае.

Пройдет немало лет, прежде чем вошедшие глубоко в национальное самосознание элементы «раскрепощения личности» и отдельные проявления демократии (наличие демократических партий и движений и др.) получат новое развитие, а теория и практика марксизма-ленинизма — новую интерпретацию (в форме новодемократической революции), больше соответствующей китайской национальной специфике.

1. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 5.
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. Сюй цзюань: [Очерк по истории Китайской Народной Республики. Предисловие]. Пекин, 2012. С. 86–87; Чжунго гунчаньдан лиши: [История Коммунистической партии Китая]. Т. 1: 1921–1949. Кн. 1. Пекин, 2011. С. 33.
3. *Ивин А.* За СССР. За революционный Китай. М.; Л., 1929. С. 22.
4. История Китая с древнейших времен до начала века: в 10 т. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2013. С. 87.
5. Там же. С. 88.
6. Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969. С. 275–279, 285–289.
7. Там же. С. 237.
8. Там же. С. 238.
9. Там же.
10. Там же. С. 242–242.
11. Там же. С. 87–88.
12. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао... С. 89.
13. *Ломанов А.В.* Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* / отв. ред. Е.И. Сафронова. С. 343.
14. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения / пер с кит. Т. 3. М., 1953. С. 215–220.
15. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао... С. 91.
16. История Китая с древнейших времен... Т. VII. С. 90.
17. Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983. С. 48–49.
18. Документы внешней политики СССР: в 10 т. Т. 2. М., 1957. С. 223.
19. История Китая с древнейших времен... Т. VII. С. 108, 111.
20. *Ивин А.* Указ. соч. С. 24.
21. Красное знамя. Владивосток. 21.5.1920.
22. *Мировицкая Р.А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924). М., 1962. С. 14–24.
23. Новейшая история Китая... С. 70.
24. *Ломанов А.В.* Указ соч. С. 347–348.

Деятельность Коминтерна на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.)

© 2019

Т.А. Орнацкая

В марте 2019 г. отмечалось 100-летие Коммунистического Интернационала, внесшего огромный вклад в мировую политику. Статья посвящена рассмотрению деятельности Коминтерна в контексте внешней политики Дальневосточной республики в 1920–1922 гг., вклада восточных секций Коминтерна в решение внешнеполитических задач на Дальнем Востоке в условиях противостояния США, Великобритании и Советской России в начале 1920-х годов.

Ключевые слова: Дальний Восток, внешняя политика, Коммунистический Интернационал (Коминтерн), В.И. Ленин, Дальневосточная республика.

DOI: 10.31857/S013128120007995-5

Главные принципы Советской внешней политики были провозглашены в первых внешнеполитических документах Советского государства: докладе о задачах власти Советов, Декрете о мире, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, трудах В.И. Ленина, в Декларации об образовании Союза ССР, которая затем составила первый раздел Основного Закона (Конституции) СССР 1924 года. Главным принципом было заявлено мирное сосуществование, хотя сама эта формулировка была выработана В.И. Лениным гораздо позже¹.

События в России, приведшие большевиков к власти, не только ускорили процесс создания коммунистических партий в различных странах, но и стали для них ярким, а самое главное — практическим примером для подражания. Подавляющее число сторонников коммунистической идеологии в тот период искренне считали, что русская революция — первый этап международной социалистической революции. Поэтому другой стороной международной политики Советской России во всем мире, а, следовательно, и в бассейне Тихого океана, стало инициирование революционного движения.

Коминтерн (III Коммунистический Интернационал) был создан в марте 1919 г. в Москве. Поначалу объединяющий 35 партий и групп из 21 страны, Коминтерн был призван всемерно содействовать объединению пролетарских революционеров, разрабатывать стратегию и тактику международного коммунистического движения, помогать созданию и развитию коммунистических партий, вести борьбу с социал-реформизмом в рабочем движении, помогать угнетенным народам бороться против колониализма и империализма. Создавая Коминтерн, ЦК РКП (б) пытался сделать его и рычагом внешней политики Советской России. В связи с этим в первые годы существования Коминтерна в его руководящие органы были введены руководители Народного комиссариата иностранных дел (НКИД).

Создание Коминтерна было большевистским ответом на моральный и политический кризис международной социал-демократии, верхушка которой «поддержала» империалистов в Первой мировой войне.

Орнацкая Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток). E-mail: otal2@ya.ru.

В ноябре 1920 г., когда отмечалось трехлетие Октябрьской революции, В.И. Ленин подчеркивал, что победа коммунистов будет прочной только тогда, когда их дело победит весь мир, потому они и начали революцию в России исключительно в расчете на мировую революцию². К попытке мировой революции их подвигли революции в Финляндии, Германии, Венгрии, которые, однако, потерпели поражение из-за вмешательства в них великих держав³.

Во внешней политике программа Коммунистического интернационала, подтверждавшаяся решениями всех съездов РКП (б), фиксировала, что Советская Россия неизбежно становится базой мирового движения всех угнетенных классов, очагом международной революции⁴.

Одновременно мировой пролетариат рассматривался как единственный и естественный союзник, поэтому партии Коминтерна в случае нападения на Советскую Россию обязаны были «ответить самыми смелыми и решительными выступлениями и борьбой за свержение империалистических правительств»⁵.

Дальневосточная республика (ДВР) была создана в апреле 1920 г. и являлась внешнеполитическим компромиссом, уступкой Советской России ее враждебному окружению в АТР. ЦК РКП (б), Советское правительство, В.И. Ленин, создавая ДВР, ставили цель: предотвратить войну Советской России с Японией и добиться мирной ликвидации интервенции с последующим восстановлением советской системы на Дальнем Востоке⁶.

После начала НЭПа и необходимости мирного сосуществования со странами капитализма доктрина мировой пролетарской революции вошла в противоречие с экономическими и геополитическими реалиями. В начале 20-х годов XX века прагматизм в политике РКП (б) стал брать верх, но противоречие между геополитическими интересами и революционными задачами во внешней политике РСФСР и ДВР так и не было искоренено до конца. Более того, помощь революционным организациям вызывала сомнения в искренности намерений правительства РСФСР и ДВР. Однако такие же претензии можно было предъявить и странам, которые вели переговоры с Советской Россией и Дальневосточной республикой и в то же время оказывали помощь белым армиям и контрреволюционным подпольным и эмигрантским организациям.

Хотелось бы подчеркнуть, что советская дипломатия действовала в конкретных исторических условиях и рамках этики международных отношений того времени. В этом смысле деятельность Коминтерна представляется орудием внешней политики РСФСР, поддержки левой оппозиции в различных государствах, которые поддерживали Белое движение. Так, на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. В.И. Ленин критиковал пацифизм тех, кто считал, что Советская Россия должна действовать на международной арене, не используя тайной дипломатии и ведения наступательных войн в условиях активизации враждебных сил⁷.

На различных международных конференциях и встречах, проходивших в период существования буферной Дальневосточной республики, делегации США, Японии и Китая требовали прекратить коммунистическую пропаганду в их странах и Корее, распустить Исполком Коминтерна (ИККИ) и прекратить помощь коммунистическим группам⁸. С другой стороны, делегации РСФСР и ДВР постоянно поднимали вопрос о помощи США, Японии и Китая белогвардейцам и настаивали на ее прекращении⁹.

III конгресс Коминтерна в июне 1921 г. призвал к поддержке Советской России и подчеркнул, что обязанностью коммунистов всех стран является поддержка первого в мире пролетарского государства. Только тогда Советской России удастся восстановить народное хозяйство и устранить невероятную нужду, вызванную трехлетней империалистической войной и трехлетней Гражданской войной¹⁰.

После краха иллюзий о мировой революции, когда провалился «освободительный поход» в Польшу, В.И. Ленин сформулировал альтернативу: раз революция на Западе запаздывает, следует, опираясь на собственные силы и возможные научно-технические и организационные заимствования из-за границы, строить образцовую базу мировую

го социализма в России¹¹. «Мы встретили большой национальный подъем мелких буржуазных элементов, которые по мере приближения к Варшаве приходили в ужас за свое национальное существование. — говорил Ленин, — нам не удалось прощупать действительного настроения пролетарских масс и в батрачестве, и в рядах промышленного пролетариата Польши»¹².

Обращая внимание на страны Востока, В.И. Ленин отмечал, что Первая мировая война и капиталистическая эксплуатация втянула эти страны «в общий круговорот всемирного революционного движения». Он выражал надежду, что избежать грядущего столкновения Советской страны с империалистическими государствами и способствовать окончательной победе социализма помогут не только внутренние противоречия и конфликты между этими державами. Огромную роль сыграет революционное движение в странах Востока (Индии, Китае и др.), которые вместе с Россией составляют гигантское большинство населения Земли¹³. В «Первоначальном наброске Тезисов ко II конгрессу Коминтерна по национальному и колониальному вопросам», а также в докладе на этом конгрессе 19 июля 1920 г. В.И. Ленин говорил о необходимости союза между пролетарскими революционерами развитых капиталистических стран и трудящимися массами Востока¹⁴.

В августе 1919 г. Политбюро ЦК РКП (б) утвердило в качестве директивы представленные В.Д. Виленским (Сибиряковым) тезисы о работе среди восточноазиатских народов и назначило его уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР на Дальнем Востоке. Суть директивы, данной Виленскому, содержалась в следующих тезисах.

1. Советская политика на Дальнем Востоке должна строиться в расчете на столкновение интересов Японии, Америки и Китая, на необходимости форсирования этого столкновения всеми возможными средствами.

2. «Практически мы должны стремиться к поддержке революционных движений среди народов Восточной Азии», особенно в Китае, Монголии и Корее.

В связи с этим предполагалось оказание помощи партизанским образованиям корейцев и китайцев¹⁵.

Необходимо отметить, что в то время основная работа среди иностранных граждан, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, проводилась через иностранные секции при местных органах РКП (б). Однако весной 1920 г. иностранные секции в соответствии с решениями VIII всероссийской конференции РКП (б), указавшей на необходимость усиления единства и централизации партии, влились в РКП (б) и стали вести революционную работу уже через соответствующие отделы ее местных организаций.

Для инициирования революционной деятельности в странах Востока и подготовки кадров для этой работы в июле 1920 г. Сиббюро ЦК РКП (б) создало Секцию восточных народов в Иркутске. Секция поставила целью объединить все существовавшие в Сибири и на Дальнем Востоке революционные группы и направлять их деятельность. Кроме того, она должна была руководить работой организационно-пропагандистской сети Шанхайского бюро и монгольской экспедиции¹⁶. Работа секции велась за счет средств Сиббюро. Первое заседание Секции восточных народов состоялось 27 июля 1920 г. Секция разделилась на национальные подсекции и имела связи в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Харбине, Сеуле, Нагасаки, с помощью которых распространяла пропагандистскую литературу в Китае, Монголии, Корее и Японии. Для заграничной работы секция планировала создать агентурные отделения «во всех крупных центрах Востока», тем более что к лету 1920 г. такие отделения уже действовали в Шанхае, Пекине и Тяньцзине. В задачи отделений входило создание и инструктирование революционных организаций в пределах своего района и обеспечение их революционной литературой, а также пропаганда идей коммунизма и советской власти. 15 января 1921 г. секция перешла в ведение ИККИ¹⁷. Кроме всего прочего, В. Виленскому поручалось подготовить реорганизацию секции, т.е. преобразование ее в Дальневосточный секретариат ИККИ. По-видимому, в эту структуру предполагалось включить и Восточное бюро ИККИ, созданное в мае 1920 г. во Владивостоке¹⁸.

С началом работы Секции восточных народов при ней были созданы китайский, корейский и, несколько позже, монголо-тибетский отделы. Каждый отдел включал в себя три подотдела: организационно-инструкторский, редакционно-издательский, информации и связи.

Большое внимание Восточная секция ИККИ, а затем секретариат уделяли организации революционного движения в Корею. Еще в апреле 1920 г. НКВД требовал оказать помощь корейцам, формируя специальные корейские отряды. Почти во всех партизанских районах Приморья действовали корейские партизанские отряды и группы, оказывавшие помощь малочисленным советским партизанским отрядам. В июне 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) постановило, что пока Япония не начинает открытой войны, корейские повстанческие отряды не должны базироваться на территории ДВР и не должны отправляться в форме целых формирований в Корею. Тем более нельзя допускать их открытых и демонстративных передвижений¹⁹.

Корейский отдел первым начал работу в Восточной секции ИККИ, т.к. еще до открытия секции среди корейцев, живших на территории Сибири, была проведена большая подготовительная работа, ознаменовавшаяся созывом 8 июля 1920 г. в Иркутске Всероссийского съезда корейских коммунистических организаций. Избранный на этом съезде ЦК фактически возглавил работу отдела, заведующим которого был назначен М. Гершевич²⁰.

Китайский отдел возглавил М. Абрамсон. Основная работа отдела осуществлялась на территории самого Китая, где находилась основная часть его сотрудников.

Монголо-тибетский отдел был образован в конце августа 1920 г. Представители Монгольской народно-революционной партии признали секцию своим высшим руководящим органом и вошли в состав созданного монголо-тибетского отдела. Руководителем отдела был назначен С.С. Борисов²¹.

Секцией была установлена прочная связь с Монголией, ее сотрудники в качестве резидентов работали в столице Монголии Урге и Маймачене. В конце 1920 г. в страну была отправлена большая экспедиция, состоявшая из работников монголо-тибетского отдела во главе с С.С. Борисовым с целью организации центральной резиденции в пограничной Джиде. Организационная работа отдела по консолидации монгольских революционных элементов завершилась созывом в начале марта 1921 г. в Кяхте учредительного съезда Монгольской народно-революционной партии, который объединил различные революционные группы.

Организация японского отдела и планомерная работа в Японии начинаются в конце 1920 г. Сказывалось отсутствие подходящих партийных кадров, знающих Японию и японский язык. До этого времени попытки установления связи с Японией предпринимались Владивостокским и Шанхайским отделениями секции, которые летом 1920 г. отправили своих агентов в Японию²².

В мае 1920 г. в Шанхае начал свою работу «Восточно-Азиатский секретариат III Коминтерна». Председатель секретариата В.Д. Виленский по прибытии в Москву сделал доклад «О работе Восточно-Азиатского секретариата», где просил руководство Советской России утвердить организационную схему, по которой Иркутску (а значит, и Секции восточных народов) предназначалась лишь роль передаточного пункта для директив из центра²³. Непосредственную же революционную работу в Восточной Азии должен был проводить Восточно-Азиатский секретариат, базировавшийся в Шанхае.

Другой конкурирующей организацией выступало Дальневосточное бюро ЦК РКП (б). Оно было создано в марте 1920 г. для руководства местными большевистскими организациями. Поначалу бюро состояло из двух групп — Верхнеудинской (Западной) и Владивостокской (Восточной), между которыми существовали разногласия относительно тактики действий, выбора столицы ДВР и т.д. Поначалу Дальбюро подчинялось Сибирскому бюро ЦК РКП (б), 13 августа 1920 г. Дальбюро РКП (б) было преобразовано в Дальбюро ЦК РКП (б) и стало подчиняться непосредственно ЦК²⁴.

Противоречия между Секцией восточных народов и Дальбюро ЦК РКП (б) приводили иногда к полной парализации работы. В Верхнеудинске работниками Дальбюро задерживалась вся почта, доклады, литература, предназначавшиеся для секции, которые доставлялись с большим опозданием, либо вовсе не доходили до последней.

Создание Дальневосточного бюро ЦК РКП (б), кроме руководства дальневосточными партийными организациями, имело целью установление связи с коммунистическими ячейками корейцев, китайцев и японцев, распространение агитационной литературы на местах²⁵. Финансирование этой работы велось из средств Коминтерна, хотя не редкими были случаи и заимствования денег из Дальбюро. Так, например, на заседании Дальбюро 21 мая 1921 г. было принято решение о выдаче 5000 рублей золотом из сумм Дальбюро для нужд Коминтерна. Впоследствии Коминтерн должен был вернуть эти деньги в Дальбюро ЦК РКП (б)²⁶.

Приехавший на Дальний Восток представитель Москвы В.Д. Виленский начал вести переговоры с представителями других государств от имени Советского правительства, не ставя в известность руководство Дальневосточной республики²⁷. Такое поведение вызвало раздражение председателя правительства ДВР А.М. Краснощёкова, который называл В.Д. Виленского «сатрапом Советской России»²⁸.

Кроме Коминтерна, командировкой работников, посылкой литературы и материальных средств в восточноазиатские страны занимались Военно-политическое управление Народно-революционной армии ДВР, подпольщики на местах²⁹.

В конце 1920 г. представители Секции прибыли в Москву, для того чтобы решить с Исполкомом Коминтерна вопрос о ее реорганизации в соответствующее Бюро Коминтерна. Вопрос был решен положительно и 15 января 1921 г., вышло постановление Исполкома Коминтерна о переходе Секции в непосредственное подчинение Коминтерну, в связи с чем ее временно переименовали в «Представительство Коминтерна на Дальнем Востоке». В Иркутск был послан уполномоченный Коминтерна Б.З. Шумяцкий (А. Червонный)³⁰, бывший в свое время председателем Совета министров и министром иностранных дел ДВР. Шумяцкий приступил к реорганизации Секции в Дальневосточный секретариат Коминтерна³¹. Ему отпускались значительные суммы в валюте. НКВД и Коминтерн тесно сотрудничали с ОГПУ РСФСР и Государственной политической охраной (ГПО) ДВР³². Так, М.А. Трилиссер одновременно являлся членом Дальневосточного бюро ЦК РКП (б), Амурским областным эмиссаром ДВР, членом ГПО ДВР и членом Президиума ИККИ. В декабре 1921 г. он стал помощником начальника ИНО ВЧК — ОГПУ, а с мая 1922 г. — начальником ИНО. При зарубежных миссиях ДВР действовали представительства ГПО, которым было вменено в обязанность вести работу по выяснению планов иностранных государств и белоэмиграции. Сотрудничество Коминтерна со спецслужбами РСФСР регламентировалось инструкцией от 8 августа 1921 г. Ее подписали: от Коминтерна Г.Е. Зиновьев и И.А. Пятницкий, от ВЧК — И.С. Уншлихт, от РУ РККА — А.Я. Зейбот³³. Таким образом, в Иркутске создавался центр, руководивший всей революционной работой на Дальнем Востоке.

Дальневосточный секретариат Исполкома Коминтерна организовывал агитационные компании по разоблачению японской захватнической политики на Дальнем Востоке, по поводу «Николаевских событий», разрыва переговоров в Дайрене, Вашингтонской конференции³⁴, направлял курьеров, которые доставляли информацию, перевозили литературу. Через Читу шла связь с Японией, через Харбин — Владивосток и через Благовещенск — Хабаровск — Владивосток организовывалась связь с Шанхаем, Кантоном и т.д.³⁵.

Большое внимание Президиум ИККИ и его Дальневосточный секретариат уделяли агитационно-пропагандистской работе в японских экспедиционных войсках на российском Дальнем Востоке³⁶. По решению ИККИ на российский Дальний Восток для помощи в развертывании антивоенной пропаганды среди японских солдат прибыл японский интернационалист Сэн Катаяма. 20 мая 1922 г. Президиум ИККИ принял секретное постановление «Об агитработе и ее характере в японо-экспедиционных войсках в Сиби-

ри» и возложил ответственность за ее проведение на Сэн Катаяму и заведующего Дальневосточным отделом ИККИ Войтинского. Для этих целей в Чите была создана типография, которая находилась в ведении Дальбюро ЦК РКП (б) и публиковала пропагандистские тексты на японском языке. Материалы направлялись в Хабаровск, Владивосток и Николаевск-на-Амуре. На эти цели Коминтерн отпустил 5 тыс. золотых рублей из общей сметы для компартий стран Дальнего Востока в 100 тыс. рублей. Зачастую финансирование деятельности Дальневосточного отдела ИККИ производилось за счет средств Дальбюро ЦК РКП (б). Пропагандистские материалы разоблачали японскую интервенционистскую политику в Сибири и Маньчжурии, разъясняли солдатам бесплодность и преступность войны, ведомой Японией против крестьян и рабочих ДВР, призывали к прекращению вооруженной борьбы и к братанию японских солдат с народами ДВР. К пропагандистской работе привлекались и другие японские интернационалисты, в том числе Рё Накахира, Кноси Симбо и другие³⁷.

В мае 1922 г. ИККИ на одном из своих заседаний уделил приоритетное внимание работе в японской экспедиционной армии. Необходимо было срочно приступить к широкому освещению и разоблачению японской захватнической политики на Дальнем Востоке в западноевропейской, американской и китайской прессе. Для этого предполагалось использовать выступления японского делегата Иши на конференции в Генуе, так называемые Николаевские события, разрыв переговоров между делегацией ДВР и Японией в Дайрене и т.д. Ведение этой агитационно-информационной кампании было поручено «заведующему восточным отделом НКВД — т. Духовскому и заместителю заведующего дальневосточным отделом ИККИ — т. Слепоту»³⁸.

Организация агитации в японских войсках и персональная ответственность за ее проведение в Сибири была возложена на члена ИККИ С. Катаяму и Г.Н. Войтинского³⁹, им рекомендовалось немедленно поднять интенсивную агиткампанию, в рамках которой особо выделить вопрос. Кроме того, акцентировать внимание на провокационной работе японских захватчиков на о. Сахалин, где ими в январе 1920 г. был распространен слух о том, что из сахалинской тюрьмы выпущены уголовные преступники, которые убивают японских граждан, проживающих на Сахалине. В результате японские рабочие, трудившиеся на западном берегу Сахалина...стали убегать на южный Сахалин, многие из них по дороге обморозились и погибли, что было использовано «японскими самураями для обоснования захвата Сахалина»⁴⁰.

Работой в Японии руководил Таро Ёсихара (псевдоним Ноги). Первой задачей его было через секцию японского секретариата наладить печать литературы на японском языке для распространения в Японии. Возвращение Таро Ёсихара в Японию было возможно только после налаживания этой работы. Причем в ДВР вместо него должен был остаться кто-то, способный его заменить⁴¹.

Для организации коммунистического движения в Китае действовали работники Коминтерна: Г.Н. Войтинский — в Шанхае осенью 1920 г., Г. Маринг — в Гуйлине в августе—сентябре 1921 г., Далли — в Гуаньчжоу в апреле—июне 1922 г. Активизации революционного движения посвящена переписка Наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина с Сунь Ятсеном в 1920–1922 гг. В январе 1922 г. Г.В. Чичерин переслал письмо Сунь Ятсена В.И. Ленину, а в феврале направил ответ с выражением искренней дружбы китайскому народу. В августе 1922 г. Исполком Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам вступить в Гоминьдан для создания единого национально-революционного фронта⁴².

Дальбюро ЦК РКП (б) и его корейская секция, Военный совет НРА не только помогали корейским партизанам, но и использовали их в борьбе против белогвардейцев и интервентов⁴³. Так, в районе Посьета для борьбы с белыми был создан корейский Посьет-Хунчунский партизанский район, перед которым одновременно ставилась задача борьбы с японскими интервентами. Границы района были определены на севере и востоке по р. Суифун (ныне р. Раздольная), а на юге и западе — по морскому побережью и да-

лее по российско-корейской и российско-китайской границе. «Если необходимость борьбы требует занятия территории Кореи, Хунчуна и Маньчжурни, — говорилось в приказе, — таковую занимать и включать в сферу Посьет-Хунчунского района». Такая задача могла быть поставлена Дальневосточным секретариатом ИККИ, выступавшим с левозэкстремистским лозунгом организации похода Корейской революционной армии из Сибири через Маньчжурию в Корею. Дальбюро ЦК РКП (б) не разделяло этих планов, могущих привести к продолжению японской интервенции на Дальнем Востоке, но не могло этому противостоять и запросило уточнений из Центра. В июне 1921 г. часть корейских партизан, находящихся в г. Свободном Амурской области, отказались сдать оружие, поскольку не хотели подчиняться Дальбюро ЦК РКП (б). В результате проведенного силового разоружения погибли около 500 человек, около 900 человек были арестованы. Позже отмеченный в документах так называемый Амурский инцидент стал рассматриваться как результат левачьих перегибов Коминтерна. По приказу Военного совета партизанских отрядов от 3 июня 1922 г. начальники военных районов, в которых имелись корейские партизанские отряды, должны были направить их в Посьет-Хунчунский район. Из-за ответных боевых операций японских войск, а также в преддверии Чанчуньской конференции, 15 августа на заседании Дальбюро ЦК РКП (б) постановили «принять меры к недопущению боевых оперативных корейских партизанских отрядов вообще». Приморскому Облбюро РКП (б), Облнарревкому и Военному совету партизанских отрядов было указано «ни в коем случае не допускать своего участия в корейском партизанском движении; отказываться от руководства им и от снабжения корейских партизанских отрядов»⁴⁴.

Поначалу НКВД РСФСР тесно сотрудничал с Коминтерном как по линии дипломатов, так и по линии торговых миссий. У руководителей как РКП (б), так и Коминтерна, было твердое убеждение, что назревала мировая революция, что победа пролетариата может быть осуществлена быстрее и легче, чем в России. 8 августа 1920 г. Малое бюро ИККИ приняло решение о создании в своей структуре Секретного отдела. С июня 1921 г. отдел стал называться Отделом международной связи (далее ОМС) Коминтерна, в котором существовали подотделы: связи, финансирования, литературы и шифровальный. Его главной задачей являлось осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку информации, документов, директив и денег, переброску функционеров из страны в страну и т.д.⁴⁵. В 1920–1921 гг. значительную часть работы ОМС составляли переправка в Москву и обратно делегатов конгрессов Коминтерна, пропагандистской литературы, различных грузов, в т.ч. и оружия.

21 января 1921 г. Малое бюро ИККИ постановило «просить ЦК РКП, чтобы: 1) в числе сотрудников НКВД (в отделе дипломатических курьеров) был товарищ, назначаемый Коминтерном и исполняющий поручения Коминтерна; 2) то же в Наркомвнешторге; 3) то же в каждой из торговых миссий»⁴⁶. ЦК РКП (б) предоставил Коминтерну такое право, однако следствием этого стали участившиеся жалобы представителей торговых миссий на деятельность коминтерновцев, открыто занимавшихся нелегальной работой⁴⁷. 4 мая 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) обсуждались вопросы взаимодействия Наркомата иностранных дел и Коминтерна, в т.ч. и об использовании дипломатических курьеров для перевозки документов Коминтерна и нелегальной литературы. Постановили, что перевозка нелегальной литературы дипломатами должна осуществляться только с согласия управляющего делами СНК Н.П. Горбунова. Использование аппарата НКВД в интересах Коминтерна разрешалось с соблюдением строжайшей конспирации, чтобы не «засветить» аппарат НКВД. Были утверждены инструкции, регламентировавшие взаимоотношения между НКВД и ИККИ, в которых указывалось, что при использовании дипломатических курьеров необходимо иметь в виду установленный по соглашению с отдельными странами предельный вес неприкосновенной дипломатической почты, и пользоваться ею поэтому исключительно для пересылки письменных сообщений и пакетов малого веса. При посылке секретной почты необходимо было соблюдать строжайшую экономию в весе — писать на папиросной бумаге, использовать конверты

из тонкой бумаги и избегать множества сургучных печатей. В целях контроля зарубежных поступлений и отправок Отделу внешней связи НКВД было предоставлено право вскрывать все поступающие и отправляемые пакеты за исключением тех, которые были адресованы членам ЦК РКП (б), членам коллегии НКВД, лично наркомам или от них исходили. Все поручения дипкурьерам от Коминтерна передавались только через начальника Отдела международной связи ИККИ О. Пятницкого или через прикомандированного сотрудника НКВД, отвечавшего за доставку почты — Вильковскийского, на них была возложена персональная ответственность за сохранение конспирации. Совершенно недопустимым признавался всякий иной способ передачи почты Коминтерна с использованием аппарата НКВД, кроме как от полномочных представителей адресатам, исключительно через агентов Коминтерна. Возможности же перевода денежных сумм на нужды Коминтерна за границей устанавливались сообразно конкретным условиям и согласовывались между НКВД и ИККИ. Отправка Коминтерном ответственных агентов в качестве официальных и служебных лиц проходила исключительно по согласованию с НКВД.

Однако вскоре ввиду участвовавших жалоб из торговых миссий о чрезмерной активности занимавшихся революционной работой деятелей Коминтерна, Политбюро ЦК рассмотрело вопрос о взаимоотношениях между НКВД и Коминтерном. В результате обсуждения 14 мая 1921 г. было принято решение: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу как послам и ответственным должностным лицам Советских представительств за границей, так и курьерам, и всяким другим служащим»⁴⁸. Этим решением работа Коминтерна отделялась от работы НКВД⁴⁹.

Однако конфликт между ИККИ, ОМСом, с одной стороны, и НКВД — с другой, был гораздо глубже. Коллегия НКВД 29 сентября 1921 г. постановила: с иностранных путешественников Коминтерна плата за проезд взимается наравне с другими. Руководитель ОМС О. Пятницкий направил в Президиум ВЦИК протест на решение внешнеполитического ведомства, т.к. отныне «инострannую валюту придется брать из золотого фонда, который был ассигнован Коминтерну». Пятницкий отмечал, что «если из золотого фонда будут выплаты советскому учреждению, то сумму этого фонда придется увеличить»⁵⁰. НКВД ответил на этот протест отказом, мотивируя его соображениями конспирации.

Следует отметить, что в 1921–1922 гг. Отдел международной связи создал или реорганизовал конспиративные пункты во многих зарубежных странах, в т.ч. в Китае (Шанхай). Направления деятельности оставались прежними — переброска агитационной литературы, информационных бюллетеней, изготовление фальшивых паспортов, организация явочных квартир и т.д. Наглядным примером конкретной деятельности ОМС может служить случай вскрытия дипломатических вализ членов торговой миссии И.Л. Юрина (Дзевалтовского), которая работала в Китае в 1920–1921 гг. 19 августа 1921 г. китайские власти незаконно досмотрели багаж курьера миссии ДВР в Пекине и обнаружили документы, в которых содержались рекомендации Юрина для Москвы организовать Секретариат Коминтерна в Китае, создать военную академию для армии Сунь Ятсена, помочь в формировании компартии, организаций рабочего класса, студенчества и т.д. Разразился дипломатический скандал⁵¹. Досмотры багажа дипкурьеров имели место и позднее⁵². Дело осложнялось тем, что несмотря на все усилия дипломатов из ИККИ и НКВД в политике правительства Китая в период существования ДВР продолжали преобладать антисоветизм, боязнь революции в собственной стране, солидарность с империалистическими державами, а, кроме того, надежды на отрыв Дальнего Востока от России и на возможность безвозмездного присвоения «русского наследства» в Маньчжурии. Тем не менее Коминтерн, равно как и НКВД Советской России и МИД ДВР, делали ставку на Китай, в котором бурно развивалось революционное антиколониальное и коммунистическое движение.

Таким образом, рассматривая деятельность Коминтерна в контексте внешней политики РСФСР на Дальнем Востоке в период существования Дальневосточной республики, необходимо отметить, с одной стороны, его огромный вклад в информационное обеспечение руководства страны о ситуации на Дальнем Востоке, а с другой — подчерк-

нуть, что внутренние противоречия, перегибы в его деятельности оказывали негативное влияние на ведение дипломатической и разведывательной работы. В актив Коминтерна можно записать создание мирового коммунистического движения, распространение в рабочем движении мира идей марксизма-ленинизма, разработку важнейших теоретических вопросов борьбы с капиталом в период империализма, стратегии и тактики коммунистических партий в разных социально-экономических условиях, проблем национально-освободительного движения. Коммунистический Интернационал теоретически обосновал и практически участвовал в организации народного сопротивления империализму в ряде стран. Он воспитал многих интернациональных бойцов-революционеров. Перечисление даже этих немногочисленных фактов позволяет увидеть объем проведенной теоретической, аналитической и практической работы по развитию форм национальной и международной борьбы рабочего класса и его союзников.

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 354; Т. 27.С.50; Т. 31.С. 53, 406; Т. 34. С. 232–233.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 1.
3. Там же. С. 4.
4. Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 34–35.
5. Там же.
6. Подробнее см.: Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика на международных переговорах и конференциях (1920–1922 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 1 (9). С. 117–131; Орнацкая Т.А. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5.С. 125–137.
7. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 172–173.
8. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 69. Л. 23; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 199–201; Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика на международных переговорах...
9. Ципкин Ю.Н. Борьба Советской России и Дальневосточной республики за ликвидацию интервенции на Северном Сахалине в 1920–1925 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 138–152.
10. Коммунистический Интернационал в документах... С. 199.
11. Там же. С. 5–6.
12. В.И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922 гг. М., 1999. С. 389–390, 315, 376.
13. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 403–406.
14. Там же. Т. 41. С. 163, 233.
15. Демин Ю.А. Из истории создания Дальневосточного секретариата Коминтерна (1919—январь 1921 гг.) // Вестник международного центра азиатских исследований. 2004. № 12. Иркутск, 2004. С. 102.
16. РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 154. Л. 9.
17. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 26.
18. Там же. С. 26.
19. Коминтерн и идея мировой революции. Док. М., 1998. С. 286–287.
20. Демин Ю.А. Указ. соч. С. 103–104.
21. Там же. С. 105.
22. Там же. С. 106.
23. Там же.
24. См.: Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 191–192; Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М., 1998. С. 45; Шагин Э.М. В.И. Ленин и создание Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. Владивосток, 1985. С. 29–30.
25. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1–2; Д. 118. Л. 2, 27. Дальбюро установило связи с коммунистическими ячейками стран Востока через Харбин и Шанхай, где издавались газеты, действовали работники Коминтерна (агитаторы, организаторы, инструкторы) и т.д.
26. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 54. Л. 65.

27. *Мухачёв Б.И.* Александр Краснощёков. Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 120–121; *Орнацкая Т.А.* Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Хабаровск, 2006.
28. В июне 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов в телеграмме на имя Я.Д. Янсона потребовал немедленного отзыва Виленского из Владивостока. Самому Янсону были предъявлены претензии в том, что он самостоятельно вёл переговоры с американцами и компрометировал идею буфера, поскольку все переговоры с иностранцами должны вестись правительством ДВР. (См.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 26. Л. 63).
29. *Циткин Ю.Н., Ширяев В.А.* Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 125–137.
30. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.
31. *Адибеков Г.М., Шахназарова, Ширия К.К.* Указ. соч. С. 25–26.
32. Там же; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. М., 2004. С. 76. 92–94, 131–132; *Ченик М.В.* Деятельность спецслужб Дальневосточной республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 92–105.
33. См.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 552. Л. 14, Д. 118. Л. 2, 27; Ф. 495. Оп. 127. Д. 17. Л. 1, 6–7; Дальневосточная республика: Становление... Ч. I. Владивосток, 1993. С. 170; Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 193–194; Коминтерн и идея мировой революции. С. 232; ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001. С. 275–277; *Линдер И., Чуркин С.* Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. С. 92.
34. *Циткин Ю.Н.* Дальневосточная республика на международных переговорах... С. 117–131.
35. РГАСПИ Ф. 495. Оп. 127. Д. 17. Л. 1, 6–7; Дальневосточная республика: Становление... Ч. I. С. 170.
36. ВКП (б), Коминтерн и Япония... С. 275–277.
37. См.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 40. Л. 101; Д. 54. Л. 65; Д. 135. Л. 27–28; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн. С. 131–132; *Беликова Л.И., Храпцова Н.А.* Пропагандистская работа дальневосточных большевиков в войсках интервентов (1917–1922 гг.) // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке: Сб. статей. Владивосток, 1988. С. 21.
38. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 17. Л. 1.
39. Там же. Л. 3.
40. Там же. Л. 6–7.
41. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 78. Л. 20–22 об.
42. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 269.
43. Дальневосточная республика: Становление... Ч. I. С. 170; Дальневосточная политика Советской России. С. 193–194.
44. См.: *Пак Б.Д.* Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). М.: Иркутск, 1995. С. 84, 92; Дальневосточная политика Советской России. С. 348; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 575, 576; Корейцы на российском Дальнем Востоке. Кн. 2. Владивосток, 2004. С. 174, 176–179.
45. *Адибеков Г.М., Шахназарова, Ширия К.К.* Указ. соч. С. 25.
46. Там же.
47. *Циткин Ю.Н.* Дальневосточная республика на международных переговорах... С. 117–131.
48. Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн... С. 74–75.
49. Там же. С. 74–76.
50. *Адибеков Г.М., Шахназарова, Ширия К.К.* Указ. соч. С. 33.
51. *Циткин Ю.Н.* Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 17–27.
52. См.: АВПРФ. Ф. 492. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 154; П. 2. Д. 4. Л. 130–132, 140–141; *Sow-Theng Leong.* Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926. Honolulu, 1976. P. 190–191.

Советские юристы в Китае (1949–1960)

© 2019

Тан Шичунь

Работавшие в Китае в 1950-е годы советские юристы внесли значительный вклад в теорию и практику высшего юридического образования, функционирования органов государственной власти, приняли участие в подготовке новых законов для Нового Китая. В период пребывания в КНР они изучали китайскую политическую систему и систему права. Вернувшись на родину, подготовили ряд научных статей и монографий, внесли вклад в развитие советского Китаеведения.

Ключевые слова: КНР, СССР, история, юриспруденция, юридическое образование, советские юристы.

DOI: 10.31857/S013128120008001-2

С момента образования Китайской Народной Республики и установления официальных дипломатических отношений с СССР начался процесс переноса советского опыта строительства и деятельности правовой системы на китайскую почву. Здесь важную роль сыграли советские специалисты в области права, которые работали в Китае в 1949–1960 гг. В научном мире хорошо известны имена Н.Г. Сударикова, Б.С. Быкова, А.Е. Лунева, Л.Д. Воеводина, К.К. Яичкова¹. Для того, чтобы говорить о влиянии СССР на развитие правовой системы КНР, следует знать, сколько специалистов каких отраслей права работало в Китае, насколько хорошо они знали правовую систему Китая, какой советский опыт они переносили на китайскую почву.

1. Количество юристов и их должности

После образования КНР компартия надеялась на помощь советских экспертов в решении вопросов государственного управления. Вернувшийся после секретной поездки в СССР летом 1949 г. Лю Шаоци привез с собой большую группу советских специалистов, в том числе в области права. Тогда прибыли 5 советских юристов (Н.Г. Судариков, Б.С. Быков и др.). После подписания между КНР и СССР «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи», открывшего новую страницу в китайско-советских отношениях, в КНР были командированы еще 6 специалистов в области государственного, уголовного, гражданского, международного права, теории права, что охватывало основные специальности советского права в то время.

Больше всего советских правовиков в первые годы после образования КНР работало в Китайском народном университете (КНУ), в создании которого значительную помощь оказал Советский Союз. В архиве университета хранятся списки советских преподавателей. Академик С.Л. Тихвинский в 1950 г. по просьбе Чжоу Эньляя читал в университете лекции по международному праву для будущих руководящих китайских дипломатов². Он не фигурирует в списках, так как был не специалистом, а дипломатом. В 1950–1954 гг. в КНУ работало 13 советских преподавателей: на юридическом факультете — 10 (табл. 1), на кафедре международного права факультета международных отношений — 3 (В.И. Менжинский, 09.1950–06.1951; Крестолов, 09.1951–06.1952 и 09.1952–06.1953; К.А. Аджаров, 09.1953–06.1954)³.

Таблица 1

Советские преподаватели-юристы в КНУ

Годы работы	Кафедры				
	государственного права	гражданского права	уголовного права	теории государства и права	истории государства и права
09.1950–06.1951	Л.Д. Воеводин	К.К. Янчков	А.М. Быстрова	Е.М. Семерихин	
09.1951–06.1952	Л.Д. Воеводин	О.А. Красавчиков	А.М. Быстрова	Е.М. Семерихин	Г.М. Валиахметов
09.1952–06.1953	К.Ф. Котов Л.Ф. Кошнина	О.А. Красавчиков	С.А. Домахин	Е.М. Семерихин	Г.М. Валиахметов
09.1953–06.1954	Л.Ф. Кошнина		В.С. Николаев		Г.М. Валиахметов

Источник: Архив Китайского народного университета, 1954—ХЗ16–02.

Таблица 2

Советские юристы, работавшие в партийно-государственных органах и вузах КНР

ФИО	Специальность	Место работы в КНР
В.В. Евгеньев		Комитет по законодательству Постоянного комитета ВСНП
И.А. Басавин	юрист	Министерство юстиции
В.П. Колмаков	криминалист	Верховный народный суд Министерство юстиции
Н.Г. Судариков	главный советник	Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
Б.С. Быков	главный советник	Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
А.Е. Лунев	главный советник	Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
В.Е. Чугунов	уголовное право и уголовный процесс	Пекинский институт политики и права
М.Я. Кириллова	гражданское право и гражданский процесс	Пекинский институт политики и права
Е.М. Семерихин	государственное право	Китайский народный университет
Л.И. Савинский	международное право	Китайский народный университет
К.К. Янчков	государственное право	Китайский народный университет
А.М. Быстрова	уголовное право	Китайский народный университет
О.А. Красавчиков	гражданское право	Китайский народный университет
С.А. Домахин	уголовное право	Китайский народный университет
К.Ф. Котов	государственное право	Китайский народный университет
В.С. Николаев	уголовный процесс и криминология	Китайский народный университет
В.Я. Кошдин	криминология	Китайский народный университет Министерство юстиции
Л.Д. Воеводин	теория государства и права	Китайский народный университет
Г.М. Валиахметов	история государства и права	Китайский народный университет
Л.Ф. Кошнина	государственное право	Китайский народный университет
К.А. Аджаров	государственное право	Китайский народный университет
В.И. Менжинский	государственное право	Министерство иностранных дел КНР
Н.А. Сидоров	буржуазное государственное право	Министерство иностранных дел КНР

Источник: Архив Департамента иностранных специалистов.

В материалах Архива иностранных специалистов были выявлены фамилии 23 советских правоведов. Сопоставление списков КНУ, Архива иностранных специалистов (табл. 2, 3) и Российского государственного архива позволило установить, что мини-

мум 35 советских специалистов в области права работали в высших учебных заведениях и государственных органах КНР в 1950-е годы. С открытием новых материалов их число может оказаться больше.

В архиве Народного комиссариата юстиции СССР в материалах по заграничным кадрам есть также информация об 11 других юристах. Это И.Е. Журанкин⁴, А.П. Глумова⁵, Э.Ф. Сычев⁶, И.Е. Морозов⁷, В.Н. Естюков⁸, М.П. Русаков⁹, В.С. Козлов¹⁰, В.Ф. Кириченко¹¹, Г.Е. Коваленко¹², Г.И. Баев¹³, Н.И. Загородников¹⁴ и др.

Таблица 3

Должности советских юристов, работавших в КНР

ФНО	Место работы в СССР	Должность в КНР
Н.Г. Сударников	доцент Московского юридического института	главный советник, Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
Б.С. Быков	начальник 2-го отдела Главного управления военных трибуналов ВС СССР	главный советник, Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
Э.Ф. Сычев	адвокат, Правовой отдел Советской военной администрации в Германии	юрисконсульт
А.П. Глумова	инспектор-ревизор отдела кадров специальных судов Министерства юстиции СССР	юрисконсульт, Управление Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД)
И.Е. Журанкин	инспектор-ревизор Управления военных трибуналов войск МВД	Начальник юридического отдела, Управление КЧЖД
И.Е. Морозов	адвокат, Московская область	юрисконсульт, Управление КЧЖД
А.Е. Лунев	начальник учебного отдела и кафедры Военно-юридической академии Советской армии	Политико-юридическая комиссия ЦК КПК
В.Н. Естюков	директор Научно-исследовательской криминалистической лаборатории (г. Ленинград)	советник по судебной работе
М. П. Русаков	старший инспектор-ревизор Управления военных трибуналов Советской армии.	советник по вопросам уголовного права
В.Ф. Кириченко	младший научный сотрудник Института права АН СССР	советник по вопросам уголовного права
Г.Е. Коваленко	член Верховного суда СССР	советник, Верховный суд и Министерство юстиции
Г.И. Баев	председатель Иркутского областного суда	советник по судебной работе
Н.И. Загородников	заместитель начальника кафедры уголовного права Военно-юридической академии Советской армии	советник по вопросам уголовного права
В.С. Козлов	начальник управления Министерства юстиции РСФСР при Молотовском областном совете депутатов трудящихся	специалист по судебной работе
И.А. Басавин	член Верховного суда СССР	Министерство юстиции
В.В. Евгеньев	заместитель директора по научной работе Института государства и права им. А.Я. Вышинского АН СССР, главный редактор журнала «Советское государство и право»	специалист по уголовному праву, Комиссия законодательных предложений ВСНП

Источник: Архив Департамента иностранных специалистов.

В 1954–1956 гг. в Китай на работу прибыли 14 специалистов в области права. С 1956 г., ставшего поворотным моментом в истории международного коммунистического движения, Пекин начал рассматривать вопрос о сокращении числа советских экспертов гуманитарного профиля. Москва также пошла на сокращение числа направляемых специалистов. В 1957 г. из СССР в Китай приехал только 1 юрист.

В 1950–1957 гг. ежегодно около 10 советских юристов работали в Китае. Их число достигло своего пика в 1954–1956 гг., резко упало после 1958 г., после 1959 г. почти никого не осталось.

Десять советских юристов в качестве советников работали в центральных партийных и государственных органах, таких как Верховный народный суд, Министерство юстиции, Политико-юридическая комиссия ЦК КПК, Комитет по законодательству ПК ВСНП, два — в системе МИДа. Четыре юриста работали в Управлении КЧЖД. Деятельность их всех была тесно связана с построением правовой системы Нового Китая и работой государства. Заместитель председателя Государственного административного совета, отвечавший за политическую и юридическую работу, Дун Биу, в 1951 г. отмечал, что советские юристы, в частности Н.Г. Судариков и Б.С. Быков, внесли значительный вклад в политическую и юридическую работу в Китае.

Именно потому, что советские юристы работали на важных постах в высших государственных органах КНР, к тому же в течение продолжительного срока (2–3 года), а также благодаря их высокому авторитету и квалификации они оказали существенное влияние на формирование правовой системы нового Китая.

Отдельно стоит остановиться на функциях, которые выполняли советские правоведы в университетах Китая. Уже упоминалось, что в КНУ работали 15 преподавателей. Еще 2 преподавателя читали лекции в Пекинском институте политики и права. В то время Китайский народный университет был базой китайского гуманитарного образования, а советские преподаватели-специалисты служили фундаментом этой базы.

Основной задачей советских преподавателей была подготовка аспирантов и преподавателей, которые, прослушав курс лекций, могли сами вести занятия в университете, обучать китайских студентов не только в Народном университете, но и в других университетах и институтах по всей стране. Преподавателей других вузов направляли в Народный университет для повышения квалификации под руководством советских юристов. Советские преподаватели составляли учебники, учебные и методологические пособия, учебные программы, оказали помощь в создании системы высшего юридического образования и методики обучения, которые постепенно распространялись по всей стране. Изданные в КНУ учебники использовались в других вузах. Известный китайский ученый-правовед профессор Народного университета Сунь Гохуа вспоминает, что когда он был аспирантом в 1950-е годы, он занимался по советским учебникам¹⁵.

Значительный вклад в подготовку китайских специалистов внес В.Я. Колдин, который с 1954 по 1957 г. работал в Народном университете. Он готовил преподавателей криминалистики для китайских вузов. В 1957 г. участвовал в создании первого в КНР института судебной экспертизы, за что был удостоен правительственной награды.

Планировалось поставить советских преподавателей на основные должности также на юридическом факультете Пекинского университета, но по неизвестным причинам эти планы не были реализованы.

Советских специалистов, преподававших юридические дисциплины в вузах Китая, было немного, однако они занимали особое место в системе высшего образования, пользовались высоким авторитетом в Китае и оказали большое влияние на становление юридического образования в новом Китае.

Советские ученые-правоведы и практики выступали как консультанты в партийных и государственных органах, помогали разрабатывать и принимать законы, формировать правовую систему КНР. В высшей школе советские правовики оказали влияние на юридическое образование путем внедрения советской системы обучения, подготовки преподавателей, составления учебных программ и учебников. Они сыграли важную роль в становлении юридической науки в Китае. Значительная часть изданной в 1950-е годы юридической литературы представляла собой переводы с русского работ по разным отраслям права.

2. Опыт и образование советских юристов

Одна из задач советских юристов в Китае — привнести в Китай советский правовой опыт, чем они и занимались, имея хорошее профессиональное образование и богатый опыт работы. Это, несомненно, оказало влияние на их деятельность в Китае.

Например, Б.С. Быков приехал в Китай в возрасте 48 лет. За его спиной была работа в военном госпитале, в армии, в милиции. После окончания Московского юридического института он защитил кандидатскую диссертацию и работал преподавателем. В 1945–1949 гг. он был начальником 2-го отдела Главного управления военных трибуналов ВС СССР. Его большой практический опыт пригодился, когда его направили советником в Политико-юридическую комиссию ЦК КПК, где также работал Н.Г. Судариков. Ему было 36 лет. Он был уже опытным правовиком, несколько лет преподавал в Московском юридическом институте. А.Е. Лунев, выпускник Всесоюзной правовой академии при ЦК СССР, с 1945 г. был членом советской части Международного трибунала в Нюрнберге. Многие другие советские юристы имели схожие биографии.

Приехавшие в Китай советские юристы были разного возраста (самому старшему — Янчкову было 56 лет, самым молодым, Воеводину и Красавчикову, по 28), имели неодинаковый опыт юридической работы в СССР. Наиболее опытные правовики работали по специальности более 20 лет: Н.Г. Судариков, Э.Ф. Сычев, В.Е. Чугунов, Г.Е. Коваленко, В.С. Козлов; от 10 до 20 лет работали в области права К.К. Янчков, Б.С. Быков, Н.И. Загородников, И.А. Басавин, В.В. Евгеньев, И.Е. Морозов. Все они имели большой опыт научной и практической работы, были авторами монографий, справочников, учебников. Были и юристы с меньшим стажем юридической работы, до 5 лет: Л.Д. Воеводин, О.А. Красавчиков. Они обладали значительным научным потенциалом, который проявился в последующие годы: Воеводин, в частности, подготовил учебное пособие для юридических факультетов университетов «Юридический статус личности в России»; Красавчиков, вернувшись из Китая, был избран заведующим кафедрой гражданского права Свердловского юридического института, подготовил 200 научных работ.

Накопленный опыт юридической работы гарантировал их глубокое высокопрофессиональное знание советской правовой системы, конкретику которой им следовало передавать в Китае. Компетентность советских юристов подтверждало также то, что многим специалистам были доверены в СССР руководящие должности в сфере юридического образования и в научно-исследовательских организациях: Загородников был заместителем заведующего кафедрой уголовного права Военно-юридической академии Советской армии, Евгеньев — заместителем директора по научной работе Института права АН СССР им. А.Я. Вышинского и главным редактором журнала «Советское государство и право», Естюков — директором Ленинградской научно-исследовательской криминалистической лаборатории и т.д. Таким образом, юристы-специалисты обладали академическими знаниями, а также имели административно-управленческий опыт, который переносили на китайское высшее образование и научно-исследовательскую работу.

Отдельные юристы до приезда в Китай занимались судебной практикой и работали на руководящих должностях в следственных, судебных органах, прокуратурах. Загородников был военным следователем военной прокуратуры 378-й стрелковой дивизии, Судариков одно время работал заведующим правовым отделом Совета по делам колхозов при Правительстве СССР, Г.И. Баев был председателем Иркутского областного суда, Естюков — начальником управления Министерства юстиции РСФСР при Ленинградском областном совете депутатов трудящихся, Басавин — министром юстиции РСФСР, членом Верховного суда СССР.

Советские юристы имели богатый жизненный опыт, многие годы занимались теоретической и практической юридической работой, участвовали в совершенствовании советской правовой системы. Они имели полное основание использовать свои знания и опыт для оказания квалифицированной помощи Китаю в формировании правовой системы.

Хотя 15 юристов, направленных на работу в КНР, родились до Октябрьской революции, в институтах они учились в советское время и получили высшее юридическое

образование в основном в 30-е — 50-е годы XX века. Это был период развития и совершенствования советской социалистической правовой системы, на основе которой сформировались их юридические знания.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны количество и уровень подготовки советских юридических кадров не отвечали требованиям государства. В начале 1950-х годов в СССР в кратчайшие сроки были приняты меры по улучшению качества преподавания в юридических вузах, уделено большое внимание повышению квалификации специалистов в области права. Возникает вопрос: юристы, направленные в Китай, получили образование до или после этих перемен?

Архивные материалы свидетельствуют, что из всех работавших в КНР юристов 21 человек защитил кандидатские диссертации до 1953 г. — это 60% от общего числа юристов. В 1946–1950 гг. во всем Советском Союзе только 243 человека имели ученую степень кандидата юридических наук. В период с 1951 по 1960 г. — 1162. Командированные в КНР юристы защищали диссертации в авторитетных научных организациях: Институте права АН СССР, Московском юридическом институте, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), МГУ, Свердловском юридическом институте, Всесоюзном заочном юридическом институте, самом крупном юридическом вузе СССР. Значит, вопреки некоторым мнениям, советские юристы, работавшие в КНР, обладали высокой профессиональной квалификацией.

Американский ученый Кейпл отмечал, что люди, отвечавшие за отбор советских экспертов, интересовались только уровнем их политической подготовки¹⁶. Действительно, большая часть советских юристов были членами КПСС и военными. Однако проведенные исследования показывают, что помимо этого они получили юридическое образование, имели ученые степени, научные публикации, педагогический или административно-управленческий опыт, обладали соответствующей квалификацией и практическим опытом.

3. Вклад советских юристов в китаеведение

Один из вопросов, которые необходимо было решить при формировании правовой системы в новом Китае, состоял в том, как применять опыт СССР с учетом реалий Китая. Приехавшие правоведы прекрасно разбирались в советской правовой системе и юриспруденции. Но что они знали о возможности применить их в условиях Китая? По анкетам, которые юристы заполняли по приезде, можно сделать вывод, что большинство не владело китайским языком, а их научные работы, опубликованные до начала работы в Китае, не касались правовой системы Китая.

Во время работы в Китае советские юристы изучали политическую обстановку в Китае, его правовую систему, смогли значительно пополнить свои знания о государственном устройстве КНР.

По результатам работы в Китае по крайней мере 12 специалистов в области права — Н.Г. Судариков, В.Е. Чугунов, К.К. Янчков, Г.М. Валнахметов, К.Ф. Котов, О.А. Красавчиков, Л.Д. Воеводин, В.И. Менжинский, В.Я. Колдин, А.Е. Лунев, М.Я. Кириллова, Л.И. Савинский — написали научные работы по китайской правовой системе, в том числе почти 20 монографий, более 40 статей и 3 докторских диссертации.

Лунев подготовил книгу «Сущность конституции Китайской Народной Республики»¹⁷. Менжинский, Воеводин¹⁸, Судариков¹⁹ и Лунев²⁰ в качестве объектов изучения избрали государственное устройство КНР, работу судебных органов, центральных и местных органов власти и впервые на русском языке опубликовали книги по этой тематике. Валнахметов изучал работу органов власти и управления в Тибете²¹. Работы Чугунова в основном были посвящены уголовному процессу, функционированию адвокатуры, суда и прокуратуры²². Все публикации были новым словом в советском китаеведении и стали базой для дальнейших углубленных исследований.

Уголовное право КНР изучал Колдин²³. Вопросы гражданского права, в том числе наследования, правового регулирования брачно-семейных отношений в КНР нашли отражение в работах М.Я. Кирилловой²⁴, К.К. Янčkова²⁵, Н.Г. Сударикова, Л.Д. Воеводина

и К.Ф. Котов изучали правовые аспекты национального вопроса²⁶. А.Е. Лунев две статьи посвятил проблеме права государственной социалистической и кооперативной собственности. В.Е. Чугунов в соавторстве с китайским коллегой опубликовал статью о политико-юридическом образовании в КНР²⁷.

Многие статьи советских юристов, работавших в КНР, были опубликованы в авторитетном научном журнале «Советское государство и право». В 1951–1959 гг. таких публикаций было 13. В 1951, 1953, 1954, 1956 г. журнал помещал по две публикации, в остальные годы, кроме 1952, — по одной. Это говорит о соответствии уровня материалов высоким требованиям научного издания, с другой стороны, — о серьезном интересе академической аудитории к состоянию правовой системы и юридической науки в Китае. Эти статьи были полезны тем юристам-советникам, которых позже направили на работу в Китай. Можно предположить, что именно на этих статьях в советской науке сложилось представление о китайской правовой системе.

Три докторских диссертации, защищенные работавшими в Китае юристами, показали высокий уровень советских ученых в исследовании отдельных вопросов китайской правовой системы. Кандидатские диссертации Чугунова, Лунева и Котова не имели прямого отношения к китайскому праву, но их докторские были подготовлены на основе полученных в Китае материалов и практической деятельности и посвящены судопроизводству (Чугунов), административному праву (Лунев), правовым аспектам национальной автономии (Котов). В процессе работы ученым большую помощь оказали китайские коллеги. Чугунов выразил благодарность сотрудникам Пекинского института политики и права за содействие при подготовке докторской диссертации. Котов отмечал, что важным источником для изучения и научного обобщения опыта национального строительства в КНР служили материалы, собранные им во время работы в Китае. Изучение и анализ китайской правовой системы стали новым направлением научной работы советских юристов, которую они проводили в Китае наряду с выполнением своей главной задачи — ознакомлением Китая с опытом социалистического строительства в Советском Союзе и применением его в условиях Китая.

Тот факт, что отдельные специалисты после возвращения из КНР защитили докторские диссертации, свидетельствует об их большом научном потенциале и показывает, что во время командировки они не только передавали свой опыт китайским коллегам и студентам, но и собирали научный материал, глубоко изучали китайскую действительность. Накопленные знания они отобразили в целом ряде статей и монографий по китайской тематике. Эти работы, изданные впоследствии в СССР, внесли ощутимый вклад в советское китаеведение.

Изучение вопроса о советских специалистах в области права, работавших в КНР в 1950-е годы, показывает, что хотя число таких специалистов было невелико, их вклад в развитие правовой системы в Китае довольно значителен. Это обусловлено их качественной профессиональной подготовкой, многолетним опытом практической юридической работы, высокими академическими достижениями, квалификацией в сфере юридического образования, что позволило им переносить опыт советской правовой системы и образования в КНР, интегрировать их достижения в китайскую правовую систему. Тем не менее правовая система Китая не является точной копией советской. Ответ на вопрос, почему Китай выбрал некоторые части советской системы и отказался от других, пока не найден.

1. *Шэнь Чжэихуа*. Суянь чжуаньцзя цзай чжунго: [Советские специалисты в Китае]. Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2009; *Хэ Циньхуа, Ли Сюцин*. Вайго фа юй чжунго фа — 20 шипци чжунго ичжи вайго фа фаньсы: [Зарубежное право и китайское право — размышления о передаче права в Китай в XX веке]. Пекин: Чжунго чжэнфа дасюэ чубаньшэ, 2003; *Ван Чжэихуа*. Суянь фа инсян чжунго фа дэ цзидянь сыкао: [Размышления о влиянии советского закона на китайское право]. Шанхай: Хуадун чжэнфа сюэюань сюэбао, 2008. Т. 1; *Куракин В.А.* Экономическая и научно-техническая помощь Советского Союза Китайской Народной Республике в социали-

- стической индустриализации в период 1949–1960 гг. // Дис... канд. экон. наук. М.: Всесоюзный заочный финансово-экономический институт, 1966; *Цветко А.С.* Советско-китайские культурные связи. М.: Мысль, 1974; *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008; *Верченко А.Л.* Участие советских специалистов в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве нового Китая (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5; *Троицкий П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект. М.: ВКН. 2018.
2. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. В 5 кн. Кн. 5. М., 2006 г. С. 244.
  3. Архив Китайского народного университета. 1954–ХЗ16–02.
  4. ГАРФ. Ф. Р. 9492. Оп. 1. Д. 3774. Т. 1.
  5. Там же.
  6. Там же. Д. 3837 Т. 2.
  7. Там же. Д. 3945.
  8. Там же. Д. 3928.
  9. Там же. Д. 3929.
  10. Там же. Д. 3946.
  11. Там же. Д. 3929.
  12. Там же.
  13. Там же. Д. 3928.
  14. Там же.
  15. Из личной беседы автора с Сунь Гоуха.
  16. *Кейпл Д.* Развечание мифа о советско-китайском монолите (1949–1960) // Холодная война: новые подходы и новые документы. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995. С. 342.
  17. *Лунев А.Е.* Сущность конституции Китайской Народной Республики. М.: Госюриздат, 1958.
  18. *Воеводин Л.Д.* О разрешении национального вопроса в государственном строительстве Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1953. № 6.
  19. *Судариков Н.Г.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М., 1956.
  20. *Лунев А.Е.* Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1956; *Он же.* Суд, прокуратура и государственный контроль в Китайской Народной Республике. М., 1956.
  21. *Валиахметов Г.М.* Органы власти и управления Тибета. М., 1958.
  22. *Чугунов В.Е.* Закон об организации народной прокуратуры Китайской Народной Республики. М., 1955; *Он же.* Краткий очерк развития суда и прокуратуры Китайской Народной Республики // Автореф. дис... д-ра юр. наук. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1960.
  23. *Колдин В.Я.* Некоторые вопросы уголовно-правовой политики Китайской Народной Республики // Вестник Московского университета. 1958. № 4.
  24. *Чжан Дье, Кириллова М.Я.* Вопросы наследования в Китайской Народной Республике // Советская юстиция. 1959. № 6; *У Чан-Чжень, Кириллова М.Я.* Основания и порядок расторжения брака в Китайской Народной Республике // Известия высших учебных заведений (Правоведение). 1959. № 2.
  25. *Яичков К.К.* Брачно-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1.
  26. *Котов К.Ф.* Синьцзян на пути к социализму. Алма-Ата, 1957; *Он же.* Строительство местной национальной автономии в Синьцзяне // Ученые записки юридического факультета КГУ. Вып. 4. Алма-Ата, 1957; *Он же.* Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М.: Госюриздат, 1959; *Он же.* Разрешения национального вопроса в Китайской Народной Республике // Ученые записки юридического факультета КГУ. Вып. 4. Алма-Ата, 1960; *Он же.* Сущность местной национальной автономии в Китайской Народной Республике. М.: Госюриздат, 1962.
  27. *Цзин Чжао-ин, Чугунов В.Е.* Политико-юридическое образование в Китайской Народной Республике // Вестник высшей школы. 1957. № 1.

Глобализация традиционной китайской медицины

© 2019

В.В. Самойленко

Процесс глобализации традиционной китайской медицины (ТКМ) начался в конце прошлого столетия и был инициирован китайским правительством. Однако существенных успехов продвижение ТКМ достигло только в последние годы, что связано с широкомасштабной кампанией по открытию центров ТКМ по всему миру и включением лекарственных препаратов ТКМ в западные фармакопеи. В статье дан анализ основных этапов глобализации ТКМ.

Ключевые слова: Китай, традиционная китайская медицина, рефлексотерапия, Всемирная федерация китайской медицины, глобализация.

DOI: 10.31857/S013128120007997-7

Было бы неправильным полагать, что Китай формировался как уникальная страна, развивавшаяся исходя только из собственного потенциала. В реальности многие китайские знания в различных областях приходили извне. Безусловно, и китайская медицина впитала в себя традиции древнеиндийской и греко-арабской медицины. Уже в эпохи Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) существовал обмен медицинскими знаниями между Китаем, Кореей, Вьетнамом и Японией, который был распространен впоследствии на Индию и арабский мир¹.

В западной литературе китайская медицина впервые упоминается в XIII веке в записках о путешествии Вильгельма из Рубрука, однако более подробно европейцы познакомились с китайской медициной во второй половине правления династии Мин благодаря миссионерам-иезуитам. Одной из первых работ по китайской медицине была книга «Секреты китайской медицины», опубликованная в 1671 г. в Гренобле. В 1683 г. голландец Виллем тен Рейне и в 1712 г. немец Энгельберт Кемпфер опубликовали работы, посвященные иглотерапии. В 1735 г. в Париже было напечатано «Описание китайской империи» (Description de la Chine), в котором приводились выдержки из классических китайских медицинских трактатов, описывались китайские целебные травы и их применение².

В XIX веке возникла новая волна интереса к китайской медицине на Западе, которая достигла своего пика во Франции. В 1810 г. Л.-Ж. Берлиоз опубликовал статью с описанием клинического случая успешного применения иглотерапии у пациентки с болями в животе, после чего этим методом заинтересовались в Парижском медицинском обществе. В 1812 г. Л. Муша, изучив «Бэнь цао ган му», написал диссертацию, посвященную китайским травам, а в 1865 г. Ж. Дебо опубликовал книгу «Китайское лекарст-

оведение и китайский травник». Французы вывезли из Китая 600 видов лекарственного сырья, которое было изучено и стало применяться в медицине. Парижская академия медицинских наук организовывала лекции по применению китайских трав. Появилось несколько книг в этой области, например «Исследование китайского травника» (А. Гублер, 1872 г.), «Китайский травник» (Ж. Субейран и Д. Тьерсан, 1873 г.)³.

Что касается России, то самые ранние записи о лекарствах китайской медицины датируются 1773 г. В 1828 г. в России профессором Медико-хирургической академии П.А. Чаруковским был впервые применен метод иглотерапии. Русский врач М.Д. Крылов, работавший в Пекине в 1831–1840 гг., отправил на родину 45 видов китайских трав, а другой врач — А.А. Татаринов, работавший в составе Русской духовной миссии в Пекине, в 1853 г. опубликовал большую статью «Китайская медицина», где подробно был описан китайский сборник «Бэнь цао ган му». Позже он же опубликовал на латинском языке «Перечень китайской медицины» (*Catalogus medicamentorum Chinensium, quae Pekini comparanda et determinanda curavit A. Tatarinow*), где упоминаются 500 видов китайских трав. Другой русский исследователь, Л.К. Корниевский, в 1876 г. опубликовал «Исторические материалы китайской медицины»⁴.

Очередной всплеск интереса к китайской медицине возник в Европе, прежде всего, во Франции, в конце 30-х годов прошлого века и был связан с деятельностью французского консула в Шанхае Ж. Сулье де Морана (1878–1955). Он активно изучал иглотерапию (именно ему мы обязаны принятым на сегодняшний день переводом терминов китайской медицины в части теории «меридианов») и по возвращении на родину стал пропагандировать данный метод лечения. В 1941 г. в Париже было учреждено Международное общество иглотерапии, а с 1943 г. во Франции в частных медицинских школах начали изучать китайскую акупунктуру. В 1953 г. занятие иглотерапией получило во Франции легальный статус. В дальнейшем изучение данного метода продолжили французские военные врачи, работавшие в Индокитае. Но массовая популяризация иглотерапии началась во Франции в 60-х годах прошлого века и была связана с именем вьетнамского врача Нгуена Ван Нги⁵.

В России возобновление интереса к китайской медицине пришлось на 50-е годы прошлого века. В 1954–1956 гг. состоялась командировка в Китай профессора В.Г. Вогралика, а в 1955–1957 — профессора И.И. Русецкого. Вернувшись из КНР, профессор В.Г. Вогралик в Горьком (Нижегород), а профессор И.И. Русецкий в Казани создали первые отечественные школы иглоукалывания и прижигания (чжэньцзю-терапии). В 1957 г. были утверждены временные методические рекомендации по применению иглоукалывания и прижигания, а в 1959 г. Министерство здравоохранения СССР издало «Инструкцию по применению метода иглотерапии». С 1960 г. в СССР начали готовить врачей — специалистов по «чжэньцзю-терапии» в институтах усовершенствования врачей Москвы, Ленинграда и Казани. Таким образом, СССР стал первой страной, в которой иглотерапия, выведенная из китайской медицины, вошла в номенклатуру врачебных специальностей⁶.

До середины XX в. занятие китайской медициной на Западе было уделом немногочисленных специалистов, применявших ее отдельные элементы в своей практической деятельности, и иммигрантов из Китая, оказывающих различного рода услуги по поддержанию здоровья, как правило, среди своей диаспоры. Занятие китайской медициной не имело легального статуса и не подпитывалось со стороны правительства Китая. Ее глобальное проникновение на Запад началось только во второй половине XX века⁷.

В 1963 г. по приглашению правительства Алжира Китай впервые послал своих врачей за рубеж. С тех пор КНР направила более 20 000 врачей в 69 стран. Глобализация традиционной китайской медицины (ТКМ) началась с иглотерапии: Китай стал направлять своих врачей в страны Африки и приглашать африканских студентов для изучения акупунктуры на бесплатной основе⁸.

В 1971 г. Китайская медицинская ассоциация официально пригласила в Китай четырех известных американских врачей: кардиолога с мировым именем, личного врача президента Эйзенхауэра Пола Д. Уайта, президента Медицинского и научного колледжа

Университета Миссури Э. Г. Даймонда, профессора Нью-йоркского медицинского колледжа им. Альберта Эйнштейна В. Сайдела, а также С. Розена, профессора отоларингологии из нью-йоркского медицинского комплекса Маунт-Синай, — для ознакомления с достижениями китайской медицины. После возвращения на родину они поделились своими впечатлениями на страницах ведущих медицинских журналов США⁹.

В 1972 г. Артур Штейнберг и гонконгский специалист Лу Игун (Yee Kung Lok) получили официальное разрешение для открытия клиники иглотерапии в Неваде, и таким образом китайская медицина была впервые легализована в США¹⁰. В 1978 г. в учебный план Австралийского колледжа природной медицины были включены учебные предметы по восточной медицине. Позже вместо этих учебных предметов студенты стали четыре года изучать традиционную китайскую медицину. В 1991 г. первая больница традиционной китайской медицины, получившая ранг университетской, была открыта в песцком Кетцинге в сотрудничестве с пекинской больницей ТКМ «Дунджимэнь», а в 1994 г. Китай учредил первый центр ТКМ в Европе — на Мальте. С тех пор многочисленные больницы и образовательные учреждения ТКМ стали открываться по всему миру¹¹.

В настоящее время с правовой точки зрения специалисты ТКМ (как иглотерапевты) признаны в Японии, Южной Корее, Мьянме, Таиланде, Индонезии, во Вьетнаме, на Филиппинах, в Австралии, Новой Зеландии, США (в 48 штатах), Канаде, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа, Эквадоре, Перу, Чили, Бельгии, Нидерландах, Венгрии, Украине, Гане, Ботсване, Маврикии и Лесото. Согласно информации ВОЗ, методы ТКМ в той или иной мере признаются и используются в 183 странах — членах организации. В 29 из них существует специальная законодательная база для этого направления, а еще 18 стран включили традиционную китайскую медицину в систему медицинского страхования. В 56 странах есть нормативно-правовые акты, регулирующие занятие ТКМ, в 69 — национальные исследовательские институты в области ТКМ; в 39 странах существуют ученые степени (бакалавры, магистры и доктора) по ТКМ. Кроме того, Китай подписал 86 международных соглашений по сотрудничеству в этой области. Надо также учесть, что ежегодно более 13 тыс. иностранных студентов приезжают в Китай изучать китайскую медицину и фармацевтику и около 200 тыс. пациентов прибывают в Китай на лечение¹².

Ключевые цели 13-го пятилетнего плана в отношении ТКМ включают в том числе организацию 3–5 международных научных платформ, 8–10 международных научных программ обмена опытом, 50 инновационных научных групп, включающих 300 ведущих ученых. В настоящее время в плане продвижения ТКМ Китай значительно активизировался на периферии Европы в рамках проекта «Один пояс, один путь», например, в Чехии, Венгрии, Румынии и Беларуси¹³.

Распространение ТКМ на Западе привело к росту научных исследований в этой области. В 1998 г. Национальный институт здоровья США учредил Национальный центр по изучению комплементарной и альтернативной медицины, включающей, в том числе, и ТКМ. В 2008 г. Департамент здравоохранения США и Министерство здравоохранения КНР подписали меморандум о сотрудничестве в области исследований, направленных на изучение интегративной и традиционной китайской медицины. Аналогичная структура по изучению ТКМ была создана в 2007 г. в Австралии. Правительство Японии рекомендовало 87 медицинским институтам открыть отделения по изучению ТКМ. В 2007 г. в Австрии был учрежден Европейско-Китайский коллаборационный центр по изучению ТКМ. В дальнейшем было учреждено несколько международных организаций, в частности, Международное общество китайской медицины, Международная ассоциация модернизированной китайской медицины, Консорциум для глобализации китайской медицины и Всемирная федерация китайской медицины. В октябре 2012 г. в результате работы более 200 специалистов из 24 стран были разработаны окончательные положения проекта FP7-TCM, определяющие дальнейшие перспективы развития ТКМ. В основу данного проекта были положены три основные концепции, так называемые 3 «I»: integrity, integration, innovation (целостность, интеграция, инновация)¹⁴.

Серьезную поддержку развитию ТКМ оказала Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Нобелевский комитет, присудивший премию по медицине создателю артемизинина. В КНР приложили большие усилия для того, чтобы ВОЗ на 62-й и 67-й Всемирной ассамблее здравоохранения приняла, соответственно, «Резолюцию по народной медицине» и «Стратегию ВОЗ в области народной медицины (2014–2023 гг.)», а также План стратегического сотрудничества между КНР и ВОЗ на 2016–2020 гг. В 2010 г. ВОЗ впервые включила новые главы по ТКМ в «Международную классификацию болезней 11-го пересмотра» (МКБ-11).

В России ТКМ как вид медицинской деятельности официально не признана. Несмотря на то, что в 1997 г. приказом Минздрава в номенклатуру врачебных и провизорских специальностей в учреждениях здравоохранения РФ была введена специальность «рефлексотерапия», было бы большим допущением считать данный метод частью ТКМ, так как ее теоретическая база не имеет ничего общего с классической теорией ТКМ, а ее лечебное воздействие описывается с современных научных позиций как «сложная нейрогуморальная реакция, в конечном итоге оказывающая стимулирующее, регулирующее и нормализующее действие на общую и системную реактивность организма»¹⁵.

В то же время некоторые официальные лица признают право за ТКМ быть интегрированной в систему отечественного здравоохранения. В течение последних лет на базе медицинских университетов открыты кафедра китайской медицины (Институт восточной медицины РУДН), центры традиционной китайской медицины в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Воронеже, созданы совместный российско-китайский Центр по развитию и применению ТКМ и Академия ТКМ. В 2015 г. Лечебно-реабилитационный центр Минздрава РФ, Научно-исследовательский институт традиционной медицины при Деловом совете ШОС, Деловой клуб ШОС и Пекинская компания научно-технического развития международных ресурсов «Гошэн Хуацян» подписали в России рабочий протокол о поддержке внедрения ТКМ и осуществлении ее выхода на российский рынок, а также о разветывании всестороннего сотрудничества в этой области¹⁶.

За пределами КНР ТКМ представлена преимущественно клиниками физиотерапевтической направленности (иглорефлексотерапии, массажа и тепловых воздействий), поэтому одной из первоочередных задач для китайского правительства является признание и продвижение за рубежом лекарственных препаратов ТКМ. В 1996 г. правительство КНР впервые провозгласило задачу «открыть двери Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами США». В США практически все лекарственные препараты ТКМ попадают в категорию пищевых добавок, хотя законодательство позволяет относить растительные препараты к лекарственным средствам, если есть данные об их безопасности и эффективности при применении по определенным показаниям. Пока только два препарата ТКМ получили лицензию Управления по контролю лекарственных препаратов и пищевых продуктов (FDA) США в качестве лекарственных средств, это — Veregen для лечения остроконечных кондилом и Fulyzaq для лечения диареи, ассоциированной с ВИЧ-инфекцией. В настоящее время под эгидой Управления проводятся крупные многоцентровые исследования целого ряда препаратов ТКМ (Dantonin, Ginkgonin, Fuzheng-Huayu, Xuezhikang, Weimaining, Kanglaite, Lianhuaqingwen)¹⁷.

В Канаде растительные препараты, в том числе и лекарственные препараты ТКМ, попадают в категорию Natural Health Products, при этом в законодательстве нет различий в регулировании пищевых (диетических) продуктов растительного происхождения и препаратов растительного происхождения для медицинского применения. В настоящее время на канадском рынке представлено около 2000 препаратов ТКМ, но при этом Канада является и лидером по запрещению их к применению¹⁸.

В странах Европейского союза применение лекарственных препаратов ТКМ регулируется наряду с другими традиционными препаратами растительного происхождения на основании директивы Европарламента 2004/24/ЕС для применения с целью самолечения при незначительных самоограничивающихся заболеваниях, не требующих вмешательства медицинского работника. В то же время из 39 стран ЕС в 10 существуют са-

мостоятельные нормативно-правовые акты, регулирующие применение и оборот лекарственных препаратов данной категории. Историческим моментом для прорыва ТКМ на европейский рынок стал 2012 год, когда голландское надзорное ведомство Dutch Medicines Evaluation Board (MEB) выдало регистрационное удостоверение для маркетинга капсул *Diaoxin Xuekang*, в настоящее время в процессе регистрации находятся *Concentrated Danggui Pill*, *Ginkgo Leaf Tablet* и *Danshen Tablet*. В 2015 г. в Великобритании зарегистрирован препарат *Phynova Joint and Muscle Relief Tablet* (на основе растения *Sigesbeckia Orientalis L.*)¹⁹.

В России нет специальных правил для регистрации лекарственных препаратов растительного происхождения, процедура регистрации одина для всех лекарственных средств. В разные годы в России в качестве лекарственных препаратов были зарегистрированы Болюсы Хуато, Маммолептин, Коронатера, Безорнил, Вэйгай, Фукан, Альгостаин, Оксикардин.

Отсутствие единых критериев и требований для лекарственных препаратов ТКМ приводит к тому, что один и тот же препарат в разных странах попадает в различные группы регулирования. Например, около 30 лет назад в Военном госпитале Тяньцзиня на основе классических ингредиентов (*Salvia miltiorrhiza*, *Panax notoginseng* и *Borneolum syntheticum*) был создан препарат *Dantonis* для лечения ишемической болезни сердца. В США, Индии, Кении он попал в категорию БАДов, в Южной Корее, Канаде и на Филиппинах — в категорию лекарственного препарата для безрецептурного отпуска, в России (зарегистрирован под торговой маркой «Оксикардин»). Пакистане, ОАЭ, во Вьетнаме — в категорию лекарственных препаратов для рецептурного отпуска²⁰.

Следует отметить, что ТКМ активно пропагандируется как неотъемлемая часть китайской культуры. Наряду с китайской оперой и живописью ТКМ включают в число трех основных элементов национального культурного наследия Китая. В 2006 г. был опубликован первый перечень национального наследия, в который вошли 9 позиций, связанных с китайской медициной, в списках 2008 и 2011 г. в ранг национального наследия было введено еще 8 позиций. В 2010 г. иглоукальвание и в 2018 г. лечебные ванны ламврачевателей по тибетской науке об исцелении Сова Ригпа были внесены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО²¹.

Китай осуществляет контролируемое и избирательное введение иностранных культурных феноменов в поле собственной культуры. При этом его культурная экспансия набирает все большие масштабы, и одной из составляющих этой политики «мягкой силы» является реализация программ развития ТКМ. В последние десятилетия ТКМ превратилась в мощный медико-индустриальный комплекс, прочно интегрированный с системой здравоохранения и активно продвигающийся за пределы Китая как один из инструментов социокультурной глобализации в рамках стратегии «дипломатии здоровья». Именно апелляция к «традиционности» является одним из важнейших маркетинговых приемов, используемых Китаем для глобального продвижения. Кроме того, следует обратить внимание, что в течение последних нескольких лет в КНР активно разрабатываются теоретические основы для создания новой парадигмы традиционной китайской медицины, получившей название «большая китайская медицина» (*да чжунли*)²². Основная идея, заложенная в этой концепции, заключается в том, что ТКМ не ограничивается только наследием ханьцев, а включает в себя традиционные медицинские практики всех этнических групп КНР, а также близкие по происхождению традиционные медицинские практики Японии, Кореи и Вьетнама. Эти тенденции свидетельствуют об амбициозных планах КНР не только объединить все традиционные медицинские практики этнических меньшинств в своей стране в единую «большую китайскую медицину», но и установить свой приоритет в определенных направлениях развития традиционной медицины во всем мире.

Что касается развития ТКМ в России, то хотелось бы напомнить, что согласно рекомендации ВОЗ, каждая страна при отборе подходящих для нее видов традиционной медицинской деятельности руководствуется своими национальными интересами и традициями.

1. Asian Medicine and Globalization / ed. Alter J. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005.
2. Ibid.
3. Ху Яньли, Арташукина Т.А. Китайская традиционная медицина в контексте социокультурной глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59). С. 184–189. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/51.html>.
4. Там же.
5. Robard I. Situation de la medicine chinoise en France // Aesculape. 1999. № 20. С. 5–42.
6. Гвоздевич В.Д., Шапошников Г.Н. Китайская традиционная медицина и российская, западная медицины: компаративный анализ теории познания // Вестник уральской медицинской академической науки. 2016. № 4. С. 109–116.
7. Fruehauf H. Chinese Medicine in Crisis: Science, Politics and the Making of “TCM” // Journal of Chinese Medicine. 1999. С. 6–14; Hsu E. The history of Chinese medicine in the People's Republic of China and its globalization // East Asian Science, Technology and Society: An International Journal. 2008. Т. 2. №. 4. С. 465–484.
8. Hinrichs T.J. New geographies of Chinese medicine // Osiris. 1998. Т. 13. С. 287–325.
9. Lu D.P., Lu G.P. An historical review and perspective on the impact of acupuncture on US medicine and society // Medical acupuncture. 2013. Т. 25. №. 5. С. 311–316.
10. Fan Y.A. Nevada: the first state that fully legalized acupuncture and Chinese medicine in the Unites States — In memory of Arthur Steinberg, Yee Kung Lok and Jim Joyce who made it happen // Journal of integrative medicine. 2018. Т. 13. №. 2. С. 72–79.
11. Ху Яньли, Арташукина Т.А. Указ. соч.: Yu B.B., Gong X.L. Necessary conditions for the globalization of traditional Chinese medicine // Journal of Chinese integrative medicine. 2011. Т. 9. №. 3. С. 341–348.
12. Wang A.P. The current situation of higher education for TCM in China and the mode of international education // International Conference on Health, Healthcare and Eco-civilization. London, 2015; Wu W.Y. et al. Current status and future perspective in the globalization of traditional Chinese medicines // World Journal of Tradit. Chin. Med. 2015. Т. 1. С. 1–4.
13. Karchmer E.I. Chinese medicine in action: On the postcoloniality of medical practice in China // Medical Anthropology. 2010. Т. 29. №. 3. С. 226–252; Liu Y., Xu C., Zhang Y. An analysis on the international competitiveness of China's traditional medicine industry based on the SWOT model // International Journal of Business and Management. 2010. Т. 5. №. 7. С. 225–229.
14. Cheng Y.C. Why and how to globalize traditional Chinese medicine // Journal of traditional and complementary medicine. 2011. Т. 1. №. 1. С. 1–4; Dong J. The relationship between traditional Chinese medicine and modern medicine // Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine. 2013. Т. 10. С. 1–10.
15. Агасаров Л.Г., Василенко А.М., Радзиевский С.А. Организационные и научные аспекты рефлексотерапии // Вестник новых медицинских технологий. 2018. Т. 25 (№ 4). С. 51–57; Традиционная медицина: политика и практика профессионализации / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГН, 2011. 212 с.
16. Гвоздевич В.Д., Шапошников Г.Н. Указ. соч.
17. Wah C.L., Hock S.C., Yun T.K. Current scientific status and regulatory control of traditional herbal medicinal products: Globalization challenges // Pharmaceutical Engineering. 2012. Т. 32. №. 6. С. 10–20; Dong J. The relationship between traditional Chinese medicine and modern medicine // Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine. 2013. Т. 10. С. 1–10.
18. Wah C.L., Hock S.C., Yun T.K. Op. cit.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Yu B.B., Gong X.L. Necessary conditions for the globalization of traditional Chinese medicine // Journal of Chinese integrative medicine. 2011. Т. 9. №. 3. С. 341–348.
22. Dong J. Op. cit.; He M., Yang H., Thomas S., Browning C. et al. Paradigm Evolution of the Traditional Chinese Medicine and its Application in International Community // Annals of Community Medicine and Practice. 2015. Т. 1. №. 2. С. 1007.

Придворные геоманты в Корее в период Чосон (1392–1897)

© 2019

Н.А. Чеснокова

«Официальное» рождение геомантии (кор. *пхунсу чирн соль* — «географическая теория о ветрах и водах») относится к IX в. и связывается с именем буддийского монаха Тосона (827–898). С веками значение теории возрастало, геоманты играли в средневековом обществе все большую роль. Настоящая статья посвящена изучению «статуса» геоманта в Корее в период Чосон (1392–1897): его социальному положению, образованию, обязанностям; приводятся примеры их работы и вклада в историю и культуру страны.

Ключевые слова: Корея, Чосон, геомантия, *пхунсу чирн соль*, геоманты, идеология, *чигван*, *чунин*.

DOI: 10.31857/S013128120008000-1

«Географическая теория о ветрах и водах» (*пхунсу чирн соль*) — один из сложных и малоизученных феноменов корейской традиционной культуры. Представленная первоначально через буддизм в IX в., она не только не потеряла свое значение с усилением позиций конфуцианства, но и оказалась успешно «встроена» в идеологию всех корейских государств. В статье рассматривается *пхунсу чирн соль* в период Чосон (1392–1897), а именно то, кем были люди, занимавшиеся данной теорией: их статус, образование, обязанности и пр.

Согласно «Новой энциклопедии корейской истории» (*Сэ гукса сэджон*)¹, *пхунсу чирн соль*² — это «теория, объясняющая, как связан ландшафт со счастьем и несчастьем в жизни человека»³. «Энциклопедия корейской культуры» уточняет: «*пхунсу чирн соль* опирается на даосское представление о том, что земля рождает особую энергию, влияющую на людей, проживающих в определенном месте»⁴. Специалистов, которые ею занимаются, называют *пхунсуга* (специалист по теории *пхунсу* [*чирн соль*]), *камёга* (специалист по «небу и земле»), *чирига* (специалист по географии), *ымъянга* (специалист по теории ым-ян [кит. инь-ян])⁵. Эти термины синонимичны, отдельного словарного значения для них обычно нет, перечисляются через запятую. В оцифрованных королевских летописях «Истинные записи (правления) династии Чосон» (*Чосон ванджо силлок*)⁶ слово «*пхунсуга*» используется 9 раз; «*камёга*» — 12 раз; «*чирига*» — 8 раз; «*ымъянга*» — 17 раз. Контекст совпадает: выбор места для королевской могилы (*нын*), выбор (или обсуждение) благоприятного места для королевского дворца, выбор даты. В редких случаях — обсуждение теории⁷.

Чеснокова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности (ИКВИА) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Email: chesnatalie@gmail.com.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–39–00158 «“Освоение” и “присвоение” пространства: формирование корейской этнической самодентичности в XVII—XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона»).

Примечательно, что, по-видимому, на термины была «мода»: в XV в. используются только слова «*ымъянга*» и «*чирига*», а с XVI в. также начинает использоваться «*пхунсуга*». «*Камёга*» же появляется только со второй половины XVII в. и становится основным термином.

Известно также слово *чигван*. Оно встречается в королевских летописях «Истинные записи (правления) династии Чосон» 272 раза, начиная с вана Седжона (1397–1450, правление 1418–1450) и вплоть до начала XX в. Согласно «Энциклопедическому словарю национальной культуры» (*Хангук минджок мунхва тхэбэкквва саджон*), этот китайский термин, синонимичный указанным выше, первоначально означал должность, а этимологически восходил к главе «Земные чиновники» древнекитайского литературного памятника «Чжоуские ритуалы» (кор. *Чуре*; кит. *Чжоу ли*)⁸, традиционно приписываемому Чжоу-гуну, жившему в XI в. до н.э. В Корее, по-видимому, термин «*чигван*» означал совокупность занятий, связанных с толкованием и изучением земных знаков — природных форм — и их связи с пятичастной моделью мира. В монографии «История погребальной культуры» Пак Тхэхо предполагает, что в обязанности *чигван* входили только выбор и перемещение королевских могил⁹.

На русский язык вышеуказанные термины обычно переводят общим понятием «геомант», иногда — «хиромант»¹⁰. Но вынужденно следуя за европейской традицией, мы тем не менее считаем, что перевод и адаптация терминов к европейской культуре в данном случае исказит их оригинальный смысл и провоцирует возникновение заведомо ложных представлений о деятельности этих людей. Геомантия предполагает истолкование точек, нанесенных на землю; а хиромантия — интерпретацию бугров и линий на человеческой ладони. Деятельность же корейских специалистов была связана с традиционными представлениями о мироустройстве, и в их профессиональные задачи входил поиск благоприятных мест для расположения там захоронения, строительства культового сооружения (храма, дворца и др.), жилых домов, а также выбор даты для проведения ритуала.

Положение теории *пхунсу чирисоль* и геомантов при дворе до периода Чосон

Впервые появившись, по легенде, в IX в. благодаря буддийскому монаху Тосону (827–898) в конце периода Объединенное Силла (668–935), теория *пхунсу чирисоль* вскоре нашла свое отражение во внутренней политике и идеологии государства Корё (935–1392). Официальной религией Корё был буддизм — и изучение теории *пхунсу чирисоль* стало прерогативой именно монашеского сословия.

Хотя основатель Корё Ван Гон («Великий предок») Тхэджо, 877–943, правление 918–943) и Тосон никогда не встречались, по легенде, именно Тосон оценил геомантически благоприятное место, где стоял дом отца Ван Гона, и предсказал, что его сын сможет стать правителем нового государства. Считается также, что монах оставил для еще не родившегося ребенка некие инструкции: официальная версия «легенды» Ван Гона гласит, что именно на их основе было выбрано место для будущей столицы — Кэсона. Ван Гон ссылается на Тосона и теорию *пхунсу чирисоль* в своем завещании «Десятичастное наставление» (*Хунё сипчо*), фактически представляющем собой свод правил для будущих монархов. Так, второй пункт «Наставления» гласил: «Все буддийские монастыри, действующие и новые, строить с учетом благоприятных гор и рек (*сансу*), выбранных Тосоном»¹¹. В правление вана Сукчона (1095–1105) Тосон посмертно получил титул «государева наставника» *ванса*¹², что также доказывает важность, которую правители Корё видели в теории *пхунсу чирисоль* и ее аспектах. По мнению современного ученого Юн Хонги, занимающегося изучением истории геомантии, в период Корё *пхунсу* было наиболее востребовано и имело огромное влияние — настолько большое, что обсуждение благоприятных и неблагоприятных мест превращалось в затяжные политические дебаты¹³.

Одним из наиболее ярких событий такого рода стало «восстание Мёчхона» 1135 г. Внутренний закамуфлированный спор между «столичной» и «провинциальной» аристократией, в основе которого, по нашему мнению, лежал вопрос наличия доступа к ресурсам и распоряжения ими, вылился в теоретические споры о геомантическом расположении городов и требовании оппозиции сменить столицу государства.

В процессе дебатов представитель «провинциальной аристократии» и доверенное лицо вана Инджона (1109–1146, правление 1122–1146) монах Мёчхон (?—1135) делал акцент на том, что несмотря на грамотно выбранное место, столичный Кэгён с точки зрения *пхунсу* все же расположен хуже, чем Согён (Пхеньян). Придворный историограф Ким Бусик (1075–1151), представитель «столичной аристократии», в своей аргументации опирался на практические соображения: «Этим летом гром и молния раздавались в тридцати с лишним местах дворца Тэхвагун в Согёне. Разве Небо может так указывать на благоприятное место? Избегать бедствий таким образом не равнозначно ли ошибке? Сейчас, когда на запад (в Согён) нет дорог для карет и телег, для высзда пришлось бы вытаптывать рисовые посеы, но это значило бы не жалеть народ и не беречь богатство»¹⁴. Ван Инджон после долгих колебаний согласился с Ким Бусиком — причины его согласия и последующие события, впрочем, представляют собой тему для другого исследования, и в настоящей статье мы не будем их касаться. Тем не менее, здесь мы имеем дело с прецедентом — использованием теории *пхунсу чирн соль* для возможной легитимной передачи власти (перенесение столицы из одного города в другой).

Вероятно, последним представителем корёских геомантов-монахов на службе в Чосоне (1392–1897) был «государев наставник» Мухак (1327–1405), соратник основателя Чосона Ли Сонге («Великий предок» Тхэджо, 1335–1408, правление 1392–1400). Согласно легендам, именно Мухак выбрал расположение столицы Чосона — им стал г. Сеул. Однако теория *пхунсу чирн соль* с началом периода Чосон и сменой государственной религии с буддизма на неоконфуцианство не только не отрицается, но и по-прежнему фигурирует как составная часть «ядра» государственной идеологии.

Положение геомантов при дворе во время периода Чосон

Неоконфуцианство проникает в Корею в XIII в., и его распространение в первую очередь связано с работами чиновника Ан Хяна (1243–1306). Уже век спустя неоконфуцианство становится основной идеологией нового государства — Чосон.

Распространение происходит благодаря, пользуясь терминологией французского антрополога Гюстава Лебона (1841–1931), «апостолам»¹⁵, ассоциируемым с так называемыми *садэбу* (кит. *шидафу*) — чиновными кланами. В корейской истории появление термина относится к XIII—XIV вв.; им была охарактеризована новая социальная группа, состоящая по большей части из провинциальной аристократии, действовавшей в оппозиции к находящимся у власти «сильным кланам» *квонмун сега*. Позднее *садэбу* стали основой чосонского общества, и в Чосоне термин «садэбу» стал символизировать высокое происхождение¹⁶. Американский историк-кореевед Джон Дункан, однако, замечает, что вопреки распространенной точке зрения *садэбу* не были однородны и не призывали к полному отречению от буддийских догматов¹⁷.

В любом случае, с началом династии Чосон, особенно во время правления четвертого короля — вана Седжона (1418–1450), для укрепления монополии династии на власть, установления иерархических отношений и выстраивания четких дипломатических и культурных отношений с Китаем и правящей на тот момент династией Мин (1368–1644), страна берет курс на усиление традиционных конфуцианских ценностей, среди которых «три устоя — пять правил» (*самган орюн*), на основе которых зиждились строго иерархические отношения между членами общества¹⁸. Государственная система вновь гостеприимно распахивает двери перед теорией *пхунсу чирн соль* — ведь благодаря ей можно вы-

брать достойное и благоприятное место для захоронения предка, что считалось актом «сыновней почтительности»; подобрать место для жилого дома — забота о «младших» — жене и детям. Но, главное, *пхунсу чир* *соль* использовалась для утверждения легитимности монарха, ведь в ее функции входил выбор места для столицы, дворцов, всех культовых сооружений. Даже место для трона правителя выбиралось с учетом *пхунсу*.

Поэтому и выбор благоприятного дня, и выбор благоприятного места могли осуществляться только специально обученными людьми с заслуживающей доверия репутацией. Этот вопрос был решен достаточно элегантно: геоманты Чосона обычно происходили из «срединного сословия» *чунин*, куда относилась феодальная привилегированная интеллигенция, и первоначально оно пополнялось благодаря *сооль* — побочным детям аристократов — *янбан*. Жестко отделенное от *янбан*, сословие *чунин* было неоднородным, и, помимо *сооль*, в него входили несколько групп различного происхождения и положения. В значительной степени сословие было замкнутым, и даже брачные союзы заключались только внутри него¹⁹.

Благополучие семьи зависело от того, служил ли ее глава — как и *янбан*, *чунин* должны были сдавать экзамены *квэго* для получения должности. При этом высшие ранги для *чунин* изначально были закрыты. Приобретение чиновничьего статуса становилось для них возможным через сдачу экзамена на военный чин или технические должности: предсказания, врачевание, астрология, астрономия, правоведение, архивное дело, география, перевод. Для подготовки к экзаменам существовали специальные правительственные учреждения, но обычно профессии были наследственными, и тонкости дела передавались от отца к сыну. Несмотря на то, что *чунин* не могли продвинуться по карьерной лестнице выше шестого ранга, они тем не менее имели возможность накопить достаточно денег (за счет, например, торговли), путешествовать с дипломатическими миссиями, прославиться.

Чунин состояли на службе в Ведомстве перевода (*Сайгвон*), Ведомстве наблюдения за природными явлениями²⁰ (*Квансангам*), Аптекарском управлении (*Чоныйгам*), Ведомстве государственных рабов (*Нэсуса*), медицинском Управлении милости к народу (*Хеминсо*²¹), Академии живописи (*Тохвагон*), Академии права (*Юльхак*), Академии счета (*Санхак*) и др.²².

Вопросы толкования небесных и земных знаков с начала XV в. оказались «закреплены» за Ведомством наблюдения за природными явлениями²³ (*Квансангам*), где происходило изучение географии, астрономии, астрологии и техники предсказаний²⁴. Как пишет отечественный специалист по средневековой истории Кореи Т.М. Симбирцева, «подразделения Квансангама занимались наблюдением за звездами и погодой и толкованием полученных результатов с целью выбора наиболее благоприятных дней для проведения государственных мероприятий, в первую очередь, ритуалов, а также изучением географии и геомантическим толкованием местности для строительства дворцов и королевских гробниц»²⁵.

Для работы в Ведомстве для наблюдения за природными явлениями требовалось сдать экзамены *ымгян гва*, подразделявшиеся на три группы: «география» *чиригва* — для геомантов; «небесные знаки» *чхон.мунгва* — для астрологов; «учение о судьбе» *мён-гвахак* — для предсказателей. Экзамен состоял из двух ступеней: «первое испытание» *чхоси* и «повторное испытание» *нокси*.

Для изучения географии каждые три года первоначально отбирались четыре человека, затем — два. Эти люди были ответственны за все, что касалось выбора места для дворца или королевской могилы, а также их передвижения²⁶. Для изучения «небесных знаков» отбирали десять человек, затем — пять. Для изучения техники предсказаний — восемь и четыре.

В период Чосон для сдачи государственного экзамена *ымгян гва* требовалось знать наизусть следующие китайские каноны: «Описание лазурного ворона» (кор. *Чхонгён*), «Книга захоронений» (кор. *Чансо*), «Новые подходы в географии» (кор. *Чир син-*

бол), «Рассуждение об известных горах» (кор. *Мёнсаннон*), «Географический сад» (кор. *Чири мунджон*), «Описание движущегося дракона» (кор. *Камёнгён*), «Рифмованные определения направлений и свойств горных краёв» (кор. *Чакамэкпу*), «Сомневающийся дракон» (кор. *Блиён*) и др.²⁷. Порядок прохождения экзамена был зафиксирован в своде законов «Великое уложение по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*). Юн Хонги обращает внимание, что изучались только китайские каноны²⁸, хотя в период Корё теория *пхунсу* была чрезвычайно популярна, и к становлению государства Чосон уже были труды, созданные корейскими мастерами — среди них, например, «Секретные записи Тосона» (*Тосон биги*, IX в.), приписываемые, соответственно, Тосону.

Помимо Ведомства для наблюдения за природными явлениями, периодически по указу правителя открывались и временные комитеты, среди которых:

1) «Инспекция королевских могил» (*Санным тогам*) — созывалась после смерти монарха или его жены и действовала до конца похорон²⁹. Приглашались как известные столичные геоманты, так и представители провинций. В их задачи входил подбор благоприятного места для захоронения, контроль за сооружением могильного кургана и проведения похоронных церемоний. Все действия «инспекции» были отражены в иллюстрированных «книгах установленного ритуала» *ыйгве*.

2) «Инспекция [для] установления книг об ымянь» (*Ымьян чхэжчон догам*) — была организована в седьмом лунном месяце 1394 г. для определения, «какие геомантические принципы были истинными и какие — ложными»³⁰.

Юн Хонги как отдельное вспомогательное образовательное учреждение выделяет также «Школу пхунсу» (*пхунсу хак*), где происходило изучение и обучение геомантии³¹.

Деятельность геомантов и их вклад в историю и культуру Чосона

Несмотря на свой «пограничный» статус, геоманты часто становились доверенными лицами королей, а также сопровождали их в поездках по стране и отдельным ее районам. Геомантов привлекали для составления карт: например, в XV в. большой популярностью пользовался Ан Хёре (?—?), помогавший вану Седжо (1417–1468, правление 1455–1468) с составлением карты Сеула и восьми провинций³².

Пример другого придворного геоманта, Мок Хорёна (1684–1724), подавшего вану Кёнджону (1688–1724, правление 1720–1724) в 1722 г. послание, предупреждавшее монарха о грозящей опасности, доказывает, что геоманты имели возможность напрямую контактировать с королями и пользовались их доверием. После прочтения сообщения Кёнджон велел принять карательные меры, в результате которых 114 человек (включая родственников предполагаемых заговорщиков до четвертого колена) — сослано, 9 — принуждены к самоубийству, 173 — посажены в тюрьмы³³. Данное событие вошло в историю Кореи как «массовые казни [годов] *син-ил*» — 1721–1722.

Несмотря на то, что принципы теории *пхунсу чири соль* были доступны только ограниченному кругу лиц, известны труды *не геомантов*, в которых раскрывались некоторые базовые принципы работы теории: так, например, глава «География» (*Чири*) в сочинении «Описание избранных деревень» (*Тхэннидэси*, 1751 г.) опального чиновника Ли Джунхваана (1690–1756) призвана растолковать читателям правила выбора подходящих земель для расположения жилого дома или могилы: «Как описать географию? В первую очередь, нужно изучить [водные резервуары, также термин *пхунсу чири соль*: «места, где проходит благоприятная энергия»] *сугу*, затем — *ясе* поля, водные потоки *сури*. Затем — форму гор *санхён*, цвет почвы *тхосэк*, [гору-предок] *чосан* и [устья рек] *чосу*»³⁴.

Соответственно, можно сделать вывод, что некоторые понятия не требовали перевода, но вместе с тем в совокупности были известны немногим — сам же Ли Джунхваан, не имея отношения к практике *пхунсу чири соль*, узнал правила, вероятно, благодаря вышеупомянутому Мок Хорёну, с которым его связывали как родственные (через се-

мью жены), так и рабочие отношения. Важно при этом, что Ли Джунхван представлял теорию *пхунсу чирн соль* синонимичной географии, а не суеверием, призванным обмануть человека или нажить на его беде.

Сами же геомагты составляли специальные географические карты — так, например, на международной конференции в Международном институте корееведения Кюджангак Сеульского национального университета профессор Университета Толедо (Испания) Дэвид Немет представил обнаруженные им геомагтические карты острова Чеджудо, относящиеся к XVIII в.³⁵ Как сообщает ученый, описания многих карт дополнены стихами, «проникнутыми символизмом».

Влияние *пхунсу чирн соль* на толкование и характеристику пространственных представлений трудно переоценить — она обнаруживается даже на карте, описывающей Приморский край, — «Карта России» (Агук ёджидо), датирующаяся концом XIX в. Как отмечает исследователь этой карты, китаист С.Ю. Вradий, «описания городского рельефа, местности выполнены аллегорически в соответствии с даосской практикой освоения пространства Фэншуй. Привлечены характеристики Инь и Ян (мужского и женского начала), пяти элементов (огонь, металл, земля, дерево, вода), другие традиционные для восточной космогонии признаки, определяющие гармонию и дисгармонию окружения в жизни человека. Ориентация в пространстве по сторонам света осуществлена на основе традиционных представлений, когда для обозначения севера упоминаются Черное воинство «Сюанью», мифологические божества, изображавшиеся в виде змеи и черепахи, а для указания на западный сектор неба привлекается аллегория белого тигра»³⁶.

* * *

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что теория *пхунсу чирн соль*, ее adeptы и их деятельность стали привлекать внимание мирового научного корееведения лишь с недавнего времени. Поэтому данную статью можно рассматривать как один из шагов, необходимых для полноценного освещения данного вопроса. Тем не менее уже сейчас можно выявить основные источники, по которым возможно изучать культуру и философию *пхунсу чирн соль*, ее значение в жизни корейского народа.

1. Здесь и далее корейские слова транскрибированы по системе Л.Р. Концевича — основной системе записи корейских слов на русском, украинском и белорусском языках. Система разработана Л.Р. Концевичем на основе более ранней транскрипции А.А. Холодовича. Запись корейских слов осуществляется согласно официальной южнокорейской системе записи корейских слов латиницей.
2. Встречаются также сокращения «пхунсу» («ветры и воды») или «пхунсу чирн» («география ветров и вод»).
3. *Ли Хонджик*. Сэ гукса саджон: [Новый словарь корейской истории]. Сеул: Кёхакса, 1990. С. 1432.
4. An Encyclopaedia of Korean Culture / ed. *Suh Cheong-Soo*. Seoul, Hanseobon, 2004. P. 254.
5. *Ли Хонджик*. Указ. соч.
6. Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <http://sillok.history.go.kr/>
7. Седжон силлок: [Истинные записи (правления) Седжона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. Квон 106, день 21, месяц 12, 1444. URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 14.03.2019).
8. Хангук минджок мунхва тхэбэкквва саджон: [Энциклопедический словарь национальной культуры] / ред. *Ли Хонджэ*. Т. 21. Соннам: Хангук чонсин мунхва ёнгвон, 1992. С. 207–208.

9. *Пак Тхэхо*. Чанне-ый ёкса: коиндол-путхо напкольдан ккаджи, сунбэ-ва кипхи-ый ёкса: [История погребальной культуры: от дольменов и до кремации, история поклонения и пренебрежения]. Сеул: Сохэмунджип, 2006. Р. 169.
10. *Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1982. С. 24.
11. Статья «Десятичастное наставление» в корейской онлайн энциклопедии «Наму вики». Электронный ресурс. URL: <https://namu.wiki/w/%ED%9B%88%EC%9A%94%2010%EC%A1%B0> (дата обращения: 07.03.2019)
12. *Симбирицева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. С. 324. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. 35).
13. *Yoon Hong-key*. The culture of fengshui in Korea. An Exploration of East Asian Geomancy. Lexington Books, 2006. P. 40.
14. *Пак М.Н.* Ким Бусик как историк (вступ. статья ко второму тому «Самгук саги»). Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М.Н. Пака / отв. ред. *Л.Р. Концевич*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия I. 2). С. 9–32.
15. *Лебон Гюстав*. Психология народов и масс. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 129–132.
16. *Duncan J.B.* The Origins of the Chosön Dynasty. Washington: University of Washington Press, 2014. P. 86–89.
17. *Ibid.* P. 237–240.
18. Подробнее о значении «трех устоев — пяти правил» см.: *Симбирицева Т.М.* Указ. соч. С. 26–27.
19. Там же. С. 37.
20. Также встречается перевод «Ведомство астрономических наблюдений».
21. В 1414–1466 гг. называлось Управление милости к народу (*Хеминсук*).
22. *Чон Окча*. Чосон хуги чунин мунхва ёнгу: [Исследование культуры чунин в поздний период Чосон]. Ильджиса, 2003. Р. 28–29.
23. Хангук минджок мунхва тхэбэкквва саджон: [Энциклопедический словарь национальной культуры] / ред. *Ли Хёнджэ*. С. 208.
24. *Han Young Woo*. A Review of Korean History. Vol. 2. Joseon Era / trans. by *Hahm Chaibong*. Paju, Yongsaewon, 2010. P. 71.
25. *Симбирицева Т.М.* Указ. соч. С. 362.
26. *Пак Тхэхо*. Указ. соч. С. 169.
27. *Yoon Hong-key*. P'ungsu: a Study of Geomancy in Korea. New York, 2017. P. 72–73.
28. *Ibid.*
29. Деятельность «Инспекции королевских могил» отражена в современном южнокорейском фильме «Фэншуй» (Мёндан, 2018), режиссер Пак Хигон (род. 1969).
30. *Yoon Hong-key*. Op. cit. P. 75.
31. *Ibid.* P. 75–76.
32. Танджон силок: [Истинные записи (правления) Танджона] // Чосон ванджо силок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. Квон 11, день 17, месяц 4, 1454. URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 19.03.2019).
33. *Jackson Andrew D.* The Causes and Aims of Yōngjo's Chōngmihwan'guk // Papers of the British Association of Korean Studies. 2011. Vol. 13. P. 25.
34. *Ли Джэунхва*. Описание избранных деревень (*Тхэнииджи*) / пер. *Н.А. Чесноковой*. Цит. по: *Чеснокова Н.А.* Пространственные представления и самосознание культуры в Корее в XVII–XVIII вв. По материалам историко-географического памятника «Описание избранных деревень» (Тхэнииджи, 1751 г.) Ли Джэунхвана (1690–1756?) — автореф. дис.... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2018. С. 254.
35. *Nemeth David J.* Korean P'ungsu Maps and Nature's Self-organizing Principles // The Flow of Ideas and Institutions: Korea in the World and the World in Korea. The First Kyujanggak International Symposium on Korean Studies. Proceedings. Seoul, 2008. P. 290–315.
36. *Врадий С.Ю.* «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Ч. 2 // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. СПб., 2012. Вып. 2. С. 61.

Образование

Школьный литературный канон в системе китайской средней школы высшей ступени

© 2019

Ю.А. Дрейзис

В статье дано описание состава школьного литературного канона в том виде, как он представлен в официально санкционированных образовательных пособиях для средней школы высшей ступени (*гаочжун*) КНР. В настоящее время Китай проводит беспрецедентную общенациональную реформу учебной программы для школьного образования (К-12). В результате меняется и состав школьного литературного канона, который отражает важные изменения в соотношении фю-куса и периферии.

Ключевые слова: китайская литература, китайская поэзия, литературная политика, литературный рынок, современная литература.

DOI: 10.31857/S013128120007992-2

В настоящее время КНР проводит беспрецедентную общенациональную реформу учебной программы для школьного образования (К-12), в которой участвуют 474 тыс. школ, 10 млн учителей и 200 млн учащихся¹. Новая национальная учебная программа резко смещается в сторону от традиционных китайских образовательных ценностей и практик². Часть преобразований связана с трансформированием традиционного школьного канона.

Под «школьным канонem» мы, вслед за М.Г. Павловцом, будем понимать устоявшийся перечень обязательных к изучению на основном и заключительном этапе школьного образования произведений литературы, далеко не всегда оформленный в виде отдельного списка, но более или менее стабильный в силу известной инерции самой образовательной системы³. Как показал Рудольф Кюнцли, школьный канон носит вторичный характер по отношению к примарному культурному канону, являясь функциональным, пропедевтическим извлечением из него, чья функция — обеспечивать совместное участие разных поколений в культурной жизни, служить основным компонентом культурной инициации⁴.

В старших классах всех школ КНР обязательны для изучения пять пособий по литературе, которые охватывают такие темы, как древнекитайская литература, поэзия и проза малой формы, классические китайские романы, литературно-критическая статья

и знаменитые произведения зарубежной литературы. Кроме обязательных, существуют и дополнительные учебники — обычно преподаватель выбирает из списка три-пять книг по своему усмотрению⁵. Ученики могут более детально познакомиться с классическими философскими текстами традиции, традиционным стихосложением, иностранной прозой, драмой, фольклорными текстами, сценариями известных фильмов или современной поэзией.

При этом изучение литературы в школе устроено по совершенно иному принципу, чем, например, в России. Во-первых, преподавание китайского языка не отделено от литературы, поэтому на уроках разбор литературных текстов перемежается разговорами о классическом китайском языке, использовании фразеологизмов и неологизмов, параллельных конструкций и т.п.⁶ Во-вторых, изучение текстов устроено не по хронологическому, а по тематическому принципу — в одном уроке проходят, например, фрагменты «Обиды Доу Э» (*Доу Э юань*), классической китайской пьесы XIII века, трагедии «Гроза» Цао Юя (*Лэйюй*, 1934) и «Гамлета». Китайской литературы ощутимо больше, чем иностранной — кроме Шекспира, китайские школьники в обязательном порядке читают только «Дон Кихота», «Дэвида Копперфильда» и «Собор Парижской Богоматери».

Что же входит в современный китайский школьный канон? Первый большой блок текстов — это поэтические, исторические и философские тексты традиции. Главный из них, как и две тысячи лет назад, — «Ши цзин», Канон поэзии, или Книга песен. Это самая древняя антология китайской поэзии, в качестве канона входящая в конфуцианские своды классической литературы. «Ши цзин» оказал колоссальное влияние на китайскую литературу последующих столетий, причем далеко не только на одну поэзию⁷. В «Ши цзине» были использованы выразительные средства, которые возвела в канон позднейшая филологическая традиция. Логичной парой к «Ши-цзину» выглядит поэма «Скорбь отлучённого» (*Ли сао*), которая существует по-русски в нескольких переводах, в том числе в переводе Ахматовой⁸. «Ли сао» — текст из древнекитайского свода «Чуские строфы» (*Чу цы*), представляющего поэтическую традицию южных регионов Древнего Китая, в отличие от «северного» «Ши цзина»⁹. Текст поэмы устойчиво приписывается полубогатырному поэту Цюй Юаню — фигуре, поднятой на щит китайского национализма в качестве поэта-«патриота», покончившего жизнь самоубийством, будучи не в силах помочь своей родине.

К этим текстам примыкает самое крупное произведение среди народных (или псевдонародных) песен балладного типа — «Павлины летят на юго-восток» (*Кунцзюэ дуннань фэй*). Оно датируется серединой III или началом VI века, но рассказывает о событиях конца эпохи Хань, т.е. рубежа II—III вв. Это история трагической любви молодого чиновника Цзяо Чжунцина и его жены Лю Ланьчжи. Удивительно напоминая историю любви Ромео и Джульетты, «Павлины» резко выделяются среди народных песен своими художественными достоинствами — они были заново открыты в первой половине прошлого века и изрядно осовременены благодаря многочисленным толкованиям¹⁰.

Из прозаических текстов древности в обязательную программу входят фрагменты «Цзо чжуань», «Планов сражающихся царств» (*Чжаньго цзэ*) и двух философских сочинений-антагонистов — «Мэн-цзы» и «Сюнь-цзы». Первые два текста составлены по материалам летописей разных древнекитайских царств. Они призваны служить источниками поучительных исторических анекдотов, при том что характерная черта идеологии «Планов» — это оправдание политического утилитаризма, допускающего обман и насилие. В школьную программу включены исключительно идеологически выдержанные фрагменты. Их дополняют биографии из «Исторических записок» Сыма Цяня (*Ши цзи*), памятника, оказавшего наибольшее влияние на традицию классической прозы — первого в Китае энциклопедического произведения, построенного по историко-биографическому принципу¹¹. Кроме того, у школьников есть возможность познакомиться с критическим сочинением Цзя И (III—II вв. до н.э.) «Об ошибках Цинь» (*Го Цинь лунь*), в

котором он рассуждает о закономерности краха первой китайской империи, основанной на идее жесткого государственного контроля без заботы о народном благосостоянии.

Поскольку все эти тексты написаны на классическом языке, читать их без специальной подготовки невозможно. В учебниках они снабжены переводом на современный язык и обширным комментарием, однако, чтобы разобраться в них, все равно требуется время. Именно поэтому китайские школьники читают на уроках только одну главу из «Лунь Юя», главной книги Конфуция, и только два фрагмента из даосского трактата «Чжуан-цзы». В дополнительном курсе о китайской философии они могут также познакомиться с частями «Дао дэ цзина», «Мо-цзы» и «Хань Фэй-цзы».

Литература китайских Средних веков продолжает быть написанной на классическом языке и отделенной от школьника барьером непонимания. Поэтому знакомство с ней в рамках обязательной программы выглядит очень ограниченным: из прозаических текстов здесь есть, например, «Предисловие к сборнику “Павильон орхидей”» (*Лань тин сюй*, IV в.) великого каллиграфа Ван Сичжи. Это художественный манифест, в котором выражается взгляд на творчество как порождение и воплощение порыва вдохновения; сам «Павильон орхидей» — едва ли не первый сборник китайской пейзажной лирики. Кроме Ван Сичжи, школьники читают эссе одного из главных конфуцианских ортодоксов Хань Юя (VIII–IX вв.) «Речи учителя» (*Ши шо*), тексты реформатора Ван Аньши (XI в.), который проводил преобразования, направленные на усиление госконтроля над экономикой и общественной жизнью, и его идеологического противника — Су Дунпо. Например, знаменитую «Оду о Красной скале» (*Чи би фу*), где описывается путешествие к месту легендарной битвы времён Троецарствия. Преследуемый при жизни, Су Ши (Су Дунпо) на протяжении столетий составлял фигуру наивысшего авторитета для всего образованного сословия, а к XIV в. эстетические взгляды Су Ши стали почти каноническими. В школьную программу вошли также эссе отца Су Ши, Су Сюня, и их общего учителя Оуян Сю, а также Лю Цзунъюаня (VIII–IX вв.), главного идеолога движения за «возврат к древности» (*фу гу*). Один из «восьми великих литераторов эпох Тан и Сун» (*Тан Сун ба да цзя*), в литературе Лю ратовал за возврат к простоте и естественности древних памятников. Однако простота созданного им формата обманчива — она все равно основана на искусственности, и тексты классической бессюжетной прозы нуждаются в разборе в той же степени, как более ранние тексты философских памятников¹².

То же самое можно сказать и о классической поэзии. Преимущество этих произведений — в их компактности и в том, что они давно разошлись на цитаты, пронизывающие всю культуру. Китайским школьникам знакомы все «большие имена» традиции — Тао Юаньмин (IV–V вв.), Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу (VIII в.), Бо Цзюйи (VIII–IX вв.), Ли Шаньинь (IX в.). Особый раздел посвящен жанру городского «романса» (*цзы*) — форме, которая окончательно вошла в канон только к XI веку стараниями того же Су Дунпо. Литература «серебряного века» китайской поэзии (в отличие от «золотого века» — Тан) в учебниках представлена почти исключительно романсами-*цзы*, хотя в реальности разнообразие ее было намного больше. Это способствует закреплению расхожих представлений о том, что одной большой эпохе соответствует один формат: Тан — «уставной стих» (*ши*), Сун — романс. Юань — ария-*цзюй*, а более поздние династии Мин и Цин — царство драмы и крупной сюжетной прозы. Из мастеров романса-*цзы* китайские школьники читают Су Дунпо, Лю Юна (X–XI вв.), Синь Цици (XII–XIII вв.) и Ли Цинчжао (XI–XII вв.), единственную по-настоящему известную поэтессу китайской традиции.

Задача уместить несколько тысячелетий непрерывной литературной традиции в пять учебников, конечно, создаст ситуацию, при которой значительная часть этой традиции оказывается за бортом обсуждения. Из нее выпадают поэты совсем раннего Средневековья, много сделавшие для развития философской и пейзажной лирики, а также просодии китайского стиха: Жуань Цзи (III в.), Бао Чжао (V в.), Шэнь Юэ (V–

VI вв.) и другие. Кроме них оказываются «сброшенными с корабля современности» и менее крупные имена «золотого века» — мастер пейзажной зарисовки Мэн Хаожань (VII–VIII вв.), «китайский Малларме» Ли Хэ (VIII–IX вв.), адепт любовной лирики Ду Му (IX в.), Чжан Жосюй (VII–VIII вв.), Гао Шн (VIII в.), Вэнь Тинъюнь (IX в.), Вэй Чжуан (IX–X вв.). Компанию им составляют сунские авторы — Чжоу Баньянь (XI–XII вв.), Лу Ю (XII–XIII вв.), Цзян Куй, — и известнейший автор романсов, последний император поверженной Тан, Ли Юй (X в.). Справедливости ради нужно сказать, что их стихи можно прочесть в одном из дополнительных учебников по выбору учителя: там также есть немного поэзии времен монгольского правления, один автор из XVI века, один из XIX века и одно стихотворение выдающегося маньчжурского поэта Нара Синде (кит. Налань Синдэ, XVII в.). Точно так же в дополнительном учебнике о китайской эссенстике возникают незаслуженно забытые фигуры Ван Бо (VII в.), Яо Ная (1731–1815), Гун Цзычжэня (1792–1841).

Прогноировав всю линию развития сюжетной прозы вплоть до XIV века, китайские учебники принимают дальше сразу за многоглавые романы традиции, каждому из которых с легкостью можно посвятить по учебнику. Школьники читают отдельные главы из «Троецарствия» (*Саньго яньи*, XIV в.), «Речных заводей» (*Шуйху чжуань*) и «Сна в красном тереме» (*Хун лоу мэн*, XVIII в.). «Путешествие на Запад» (*Си ю цзи*, XVI в.) изгнано из обязательной программы то ли в силу своей чрезмерной развлекательности, то ли из-за неприкрытой религиозной пропаганды, а «Цветы сливы в золотой вазе» (*Цзинь пин мэи*, XVII в.) — по очевидной причине эротического содержания. В дополнительном учебнике по сюжетной прозе «Путешествие на Запад» восстановлено в своих правах, кроме того, там возникают «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (*Ляо Чжай чжи и*, XVIII в.) — пожалуй, самый известный китайский сборник рассказов об удивительном (школьники читают одну новеллу). Наконец, там есть и «китайский Бокаччо» Фэн Мэнлун со своим сборником «Троесловие» (*Сань янь*, XVII в.) и повестью о несчастной любви куртизанки Ду Шинян. Завершают этот славный ряд роман У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев» (*Жулинъ вайши*, XVIII в.) и произведение Ли Баоцзя «Наше чиновничество» (*Гуаньчан сяньсин цзи*, 1901–1906). Ли — родоначальник просветительской «обличительной» прозы, которая перебрасывает мостик в новое столетие.

Китайская классическая драма представлена на страницах только одного учебника — это несколько сцен из известнейших пьес «Западный флигель» (*Си сян цзи*, XIV в.), «Пионовая беседка» (*Мудань тин*, XVI в.) и финальная ария из «Веера с персиковыми цветами» (*Таохуа шань*, XVIII в.). Каждая из этих пьес — очень значимое произведение, которое оказало колоссальное влияние на литературный мир своего времени. Читать их сложно опять-таки потому, что они написаны не на современном языке и нуждаются в комментариях для тех, кто выключен из общего контекста культуры китайских интеллектуалов — создателей всей поэтической традиции как интегральной части жизни образованной элиты.

Новая китайская драматургия — это прежде всего отец социальной драмы Цао Юй (1910–1996), Ся Янь (1900–1995) и Лао Шэ (1899–1966). Его пьеса «Чайная» (*Чагуань*, 1957), подвергнутая резкой критике в годы «культурной революции», в трех актах воссоздает на крошечном пространстве пекинской чайной три переломных этапа в истории китайского общества. Меняются декорации, главные герои, судьбы, неизменным остается только объявление на стене «Говорить о политике воспрещается!», которое год от года становится только крупнее и ярче. Кроме «Чайной», школьники читают отрывки из романа Лао Шэ «Рикша» (в оригинале — «Верблюд-счастливчик» *Лото сянцизы*, 1937). Самая известная в России книга Лао Шэ — гротескная антиутопия «Записки о кошачьем городе» (*Мао чэн цзи*, 1933) — не включена в школьную программу.

Разговор о китайской прозе XX века открывает обращение к творчеству самого главного прозаика прошедшего столетия, одного из основоположников литературы на современном языке — Лу Синя (1881–1936). Страстный поклонник Гоголя, переводивший «Мертвые души» на китайский, Лу Синь интересовался марксизмом и редактировал нескольких левых журналов, но в Компартию был принят лишь посмертно. На его гробнице красуется каллиграфическая надпись, сделанная Мао Цзэдуном, который был большим почитателем творчества Лу Синя. Нобелевский лауреат по литературе Кэндзабуро Оэ назвал Лу Синя «величайшим писателем Азии в двадцатом веке»¹³. Школьники читают его эссе и рассказ «Моление о счастье» (*Чжу фу*, 1924) — за свою жизнь писатель не успел создать ни одного прозаического произведения относительно крупной формы. Некоторые из его сочинений в настоящее время являются частью обязательной учебной программы начальной и средней школы КНР¹⁴, но в 2007 году отдельные наиболее мрачные работы были изъяты из школьных учебников. Джулия Ловелл, переводчик Лу Синя на английский язык, высказывает предположение, что «возможно, это была попытка отвадить сегодняшнюю молодежь от неудобной привычки Лу Синя повсюду искать проблемы»¹⁵.

За Лу Синем последовала целая плеяда талантливых прозаиков: член Лиги левых писателей, будущий министр культуры КНР Мао Дунь (1896–1981), тонкий мастер новеллы Шэнь Цунвэнь (1902–1988), автор семейных эпоей анархист Ба Цзинь (1904–2005) и другие. Большинство из них сильно пострадали в годы «культурной революции», и их произведения долгие годы были под запретом. Каждый из них много сделал для расширения пространства литературы материкового Китая. Мао Дунь пропагандировал творчество Эрнеста Хемингуэя, Томаса Манна, болгарского классика Ивана Вазова и ввел в китайскую литературу «поток сознания». Его роман «Перед рассветом» (*Цзы е*, 1933), с которым знакомятся школьники, стал одним из главных завоеваний новейшей китайской литературы, первым образцом социальной эпопеи. Ба Цзинь активно занимался переводами, главным образом русской литературы, причем особенно близко ему было творчество Тургенева. Он перевел также часть книги «Былое и думы». Еще один левоориентированный автор, Юй Дафу (1895–1945), переводил на китайский Максима Горького.

Вполне естественно, что в школьный канон практически не попали авторы, не входившие в Лигу левых писателей или не связанные с левыми изданиями. Редкое исключение — это Лян Шинцю (1903–1987), яростный оппонент Лу Синя в дискуссии о функции литературы и сторонник Гоминьдана, эмигрировавший на Тайвань. Эссеист и поэт Чжу Цзыцин (1898–1948) — пример фигуры, равно принятой и на Тайване, и в КНР; вместе с Сюй Чжимо он был одним из немногих писателей, разрешенных к публикации во время «Белого террора» на Тайване (оба умерли до образования КНР и никогда не симпатизировали левым идеям). Кроме сюжетной прозы, школьники читают эссе признанных мастеров формата — Линь Юйтана (1895–1976), Фэн Цыкая (1898–1975), Ши Тешэна (1951–2010), Линь Яодэ (р. 1962).

Единственная женщина среди писателей первой половины XX века — Сяо Хун (1911–1942). Совокупное литературное наследие Сяо Хун насчитывает около миллиона иероглифов, она известна как одна из «четырёх талантливейших женщин Республики» наряду с Люй Бичэн (1883–1943), Чжан Айлин (1920–1995) и Ши Пинмэй (1902–1928) (ни одна из них не вошла в школьную программу). Блестящий прозаик и тонкий поэт, любимая ученица Лу Синя, Сяо Хун много писала о положении женщины в китайском обществе. Ее линию в современности продолжает писательница Ван Аньи (р. 1954) с главами из романа «Песнь о бесконечной тоске» (*Чан хэнь гэ*, 1995). Кроме Ван, из новейшей литературы школьники знакомятся с эссе Ван Цзэнци (1920–1997) о традиционных пекинских *хутунах*, «Кланом красного гаоляна» (*Хун гаолян цзяцзу*, 1986) нобелевского лауреата Мо Яня (р. 1955) и популярным прозаиком Чэнь Чжунши (р. 1942), чей

роман «Равнина белого оленя» (*Бай лу юань*, 1993) завоевал множество призов, в том числе литературную премию Мао Дуня, и был экранизирован в 2017 г. в виде многосерийного фильма. Нашлось здесь место и для ультрапопулярных травелогов Юй Цююя (р. 1946). Юй — одна из самых известных общественных фигур в современной КНР. Его исследования культуры связывают традиционно китайское с общемировым, а его смелая и прямая критика некоторых культурных явлений вызывает и почитание, и отторжение.

Из «больших имен» второй половины XX века в программе нет ни Чжан Айлин, ни Лу Лин (1923–1994), ни Цянь Чжуншу (1910–1998), ни брата Лу Синя Чжоу Цзожэня (1885–1967), который и на Тайване заклеен как коллаборационист и военный преступник. Нет ни китайских авангардистов, ни литераторов направления «поиска корней». Зато есть Чжао Шули (1906–1970) — самый успешный автор, вышедший из кузницы революционных кадров в Яньани. Уроженец провинции Шаньси, Чжао получил самую высокую оценку от живого классика Мао Дуня¹⁶; его работы были подняты на щит как «народная литература», написанная в «национальной форме». «Направление Чжао Шули» — термин, введенный в 1946 году, — представляло собой новую парадигму соцреализма и вдохновило множество последователей. Компанию Чжао составляют патристически настроенные поэты из группы «Июль» (*Циюэ пай*), чей расцвет пришелся на годы войны с Японией, и роман Лу Яо «Обыкновенный мир» (1949–1992) о политике реформ и открытости.

Кроме того, китайские школьники читают стихи Мао Цзэдуна и Ай Цина (1910–1996), отца художника Ай Вэйвэя. С 1929 по 1932 г. Ай учился во Франции; он вернулся в Китай и практически сразу был арестован за выступление против Гоминьдана. Уже при Мао Ай Цин был отправлен в ссылку в Манчжурию за критику подавления свободы слова в первые годы КНР. В течение шестнадцати лет его работой была чистка деревенских общественных туалетов. Стихи Ай Цина не печатались вплоть до реабилитации в 1978 году. Ай Цин, внесший значительный вклад в развитие свободного стиха, испытал серьезное влияние Верхарна, Уитмена, Маяковского.

Из отдельного учебника о современной поэзии китайские школьники могут узнать о существовании и других авторов — например, Вэнь Идо (1899–1946), выдающегося экспериментатора, убитого тайными агентами Чан Кайши за критику авторитарных порядков, устанавливаемых националистами. Или Го Можо (1892–1978) — первого президента Академии наук КНР, лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», одного из первых поэтов, кто начал писать стихи на разговорном языке. В книге о поэзии есть даже авторы с Тайваня, изгнанные со страниц остальных учебников, как и писатели диаспоры. Это Ясянь (р. 1932) и выдающийся поэт Юй Гуанчжун (1928–2017).

Вообще учебник о поэзии выглядит наиболее демократичным из всех изданий — в нем есть и авторы первой половины XX века, далеко не только левориентированные (Сюй Чжимо (1897–1931), Дай Ваншу (1905–1950), Му Дань (1918–1977), Чжэн Минь (р.1920)), а также те, кто стал склоняться влево в годы войны — Ли Гуантянь (1906–1968), Бянь Чжилин (1910–2000), Хэ Цифан (1912–1977). Все это признанные мастера современной китайской поэзии, так же, как и идеологический соратник Ай Цина Цзан Кэцзя (1905–2004). Но самое удивительное то, что в книгу о поэзии включены и известные авторы постмаоистского Китая — трагически ушедший из жизни поэт Хайцзы (1964–1989), женский голос «туманной поэзии» (*мэнлун ши*), поэтесса Шу Тин (р. 1952), Шичжи (р. 1948), который воплотил в поэзии коллективный опыт поколения отправленных на перевоспитание детей интеллигенции, и даже Лян Сяобинь (р. 1954) с его знаменитым стихотворением об утраченной молодости «Китай, я потерял свой ключ» (*Чжунго, водэ яоши дюэ*, 1980). В тот же раздел помещен уроженец родной провинции Мао Цзэдуна Чан Яо (1936–2000), который прошел Корейскую войну в рядах Народно-освободительной армии. В 1957 г. его как правоуклониста отправили на перевоспитание в

провинцию Цинхай, где он провел всю оставшуюся жизнь, посвятив свое творчество описанию жизни в степи.

Что демонстрирует состав китайского школьного канона? Он очевидным образом носит компромиссный характер, сочетая глубоко консервативное ядро и отдельные элементы, которые должны представить состояние текущей словесности. Программа включает довольно узкий круг обязательных для прочтения текстов, но дополнительные учебники и хрестоматии содержат даже имена, на определенном этапе не одобрявшиеся официозом. Это означает, что учителя в принципе могут обсуждать на уроках и современную авангардную литературу, хотя часов на это по программе не выделяется.

Так же, как в советской практике, необходимость чтения и работы с крупными произведениями, требующими значительного времени на изучение, обуславливала отказ как от разбора зарубежной литературы (объем которой сокращался), так и от монографического изучения жизни и творчества отечественных авторов и сосредоточения внимания на конкретных произведениях¹⁷. В пантеоне классики авторы литературы КНР мыслятся как наследники, завершающие великие традиции: не случайно в основном это авторы произведений крупной повествовательной формы, создатели нового соцреалистического эпоса. Одновременно происходит процесс «изнародования» великих писателей прошлого, самым ярким примером чего служит восприятие Цюй Юаня как «первого патристического поэта Китая», ставшее каноническим после 1949 г. и вошедшее в таком виде в школьные учебники. Этот культовый статус затмил критические научные оценки историчности Цюй Юаня и атрибуции его текстов, которые сложились во времена поздней Цин и ранней Республики.

Применительно к литературному образованию насаждаемый культ «классики» позволяет решать все более сложную проблему отбора произведений, обостряющуюся в условиях накопления текстов и конкуренции со стороны «возвращённой литературы». Это соответствует общим процессам периода «реформ и открытости» с его поворотом к национально окрашенным ценностям и попыткам заново «пересобрать» китайскую национальную культуру. Сложный конфликт между интерпретацией реалий меняющейся КНР, ростом националистических настроений и желанием встроить и то, и другое в «марксистскую» систему в изводе китайского официоза порождает компромиссный канон, который объединяет в себе самые разные идеологические доктрины.

1. Guo, L. New Curriculum Reform in China and its Impact on Teachers // Canadian and International Education / Education canadienne et internationale: Vol. 41: Iss. 2. Article 6. 2012. 87-105. P. 87.
2. Zhong, Q., Cui, Y., Zhang, H. For revival of the Chinese nation, for every child's growth: Understanding "The compendium for curriculum reform of basic education (Trial ed.)." Shanghai, China: ECNU Press, 2001. P. 3.
3. Павловец, М.Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (106). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/shkolnyj-kanon-kak-pole-bitvy.html> (дата обращения: 16.07.2019).
4. Künzli R. Kanon des Lernens // Göhlich M., Wulf Ch., Zifras J. (Hrsg.). Pädagogische Theorien des Lernens. Basel: Weinheim, 2007. S. 24–25.
5. Путун гаочжун юйюэнь кэчэн бяочжунь (шнянь) дин буфэнь: [Стандарт китайской учебной программы для средней школы высшей ступени (экспериментальный), часть I]. Официальный сайт издательства «Народное образование» (Жэньцзяован). URL: http://old.pep.com.cn/gzyw/jszx/tbjxzy/kbjc/kb/kcbz/201009/t20100909_887977.htm (дата обращения: 12.07.2019).
6. Отметим, что русская литература до 1917 г. также не была отдельным предметом и всегда входила в курс «русского языка» (См.: Вдовин А. Школьный литературный канон XIX века: что читали русские гимназисты? URL: <https://eksmo.ru/test/chto-chitali-russkie-gimnazisty/> (дата обращения: 12.07.2019).

7. *Пань Фу-энь. Ши цзин* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 623–625.
8. Лисао / пер. А. Ахматовой // Антология китайской поэзии. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 149–161.
9. *Кравцова, М.Е. Ли сао* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит. 2008. С. 328–330.
10. *Кравцова, М.Е. Кунцюэ дун нань фэй: [«Павлины летят на юго-восток»]* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2008. С. 317–319.
11. *Пань Фу-энь. Ши цзи* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока Т. 1. Философия / ред. М.Л.Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2006. С. 621–622.
12. *Egan R. Expository Prose* // The Columbia History of Chinese Literature / ed. Victor H. Mair. New York: CUP, 2001. P. 530–532.
13. *Kowallis, J. Interpreting Lu Xun* // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews (CLEAR). 1996. No. 18. P. 153–164.
14. *Goldman, M. The Political Use of Lu Xun* // The China Quarterly. Cambridge University Press on behalf of the School of Oriental and African Studies. 1981. No. 91 (91). P. 446–447.
15. *Lovell J. China's conscience* // Guardian. 12 June 2010, URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/jun/12/rereading-julia-lovell-lu-xun> (дата обращения: 16.07.2019).
16. *Yeh M. Chinese literature from 1937 to the present* // The Cambridge History of Chinese Literature. Vol. 2. / ed. К.-у. Sun Chang and S. Owen. Cambridge: CUP, 2010. P. 595.
17. *Павловец, М.Г. Указ. соч.*

Рецензии

Heng Samrin. The People's Struggle. Cambodia Reborn.

Singapore: Editions Didier Millet, 2018.

Хенг Самрин. Народная борьба. Возрожденная Камбоджа.

Сингапур, 2018.

В январе 2019 г. Камбоджа отметила 40-летнюю годовщину свержения режима «красных кхмеров», ставшего возможным благодаря военной помощи со стороны Вьетнама. К этому времени в экспертном сообществе уже устоялась достаточно взвешенная и объективная оценка как действий Вьетнама, так и в целом событий тех лет, которые были признаны типичным конфликтом периода холодной войны¹. Неожиданно тема вьетнамского военного присутствия в Камбодже всплыла в мае 2019 г. в связи с кончиной видного политического деятеля Таиланда Прем Тинсуланона, который возглавлял правительство в 1980–1988 гг. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун, отдавая дань памяти ушедшему из жизни тайскому политику, написал на своей странице в Фейсбуке, что Таиланд под руководством Прем Тинсуланона был на «передовой линии противостояния вьетнамскому военному вторжению в Камбоджу и насильственному изменению там политического режима»². При этом ни слова не было сказано, что речь идет о режиме геноцида «красных кхмеров», приведшего к гибели более 2 млн человек. Впоследствии Министерство иностранных дел Сингапура опубликовало заявление по поводу высказываний Ли Сянь Луна, в котором говорилось, что «лидеры двух стран решили отставить в сторону все разногласия и сосредоточиться на тесном сотрудничестве на двухсторонней основе и в рамках АСЕАН, хотя в прошлом Сингапур и Вьетнам политически противостояли друг другу и поэтому до сих пор имеют разные взгляды на тот исторический период»³. Разница во мнениях по поводу тех или иных исторических событий является ключевым фактором, стимулирующим развитие общественной мысли любой страны.

Однако важно, чтобы эти мнения опирались на достоверную фактологическую базу.

В этом отношении несомненный интерес представляет изданная в 2018 г. на английском языке книга воспоминаний «Народная борьба. Возрожденная Камбоджа», написанная ключевым участником событий — Хенг Самрином, бывшим подпольщиком-революционером, полевым командиром, возглавившим борьбу против режима «красных кхмеров» в Восточной зоне, ставшим одним из высших руководителей Народной Республики Кампучия — генеральным секретарем Народно-революционной партии Камбоджи (1981–1990 гг.), ныне занимающим пост председателя Национального собрания Камбоджи. На кхмерском языке мемуары Хенг Самрина издавались дважды, в 2013 и 2016 г., и пользовались большим спросом среди читателей.

Хенг Самрин родился в 1934 г. в бедной крестьянской семье в деревне Анлонг Тьерей, расположенной на границе с Вьетнамом. В этом местечке в тот период граница носила условный характер⁴, земельные участки кхмеров перемежались с вьетнамскими наделами, велась активная торговля между общинами, жители, как правило, понимали язык соседей. Впоследствии Анлонг Тьерей входил в состав так называемой Восточной зоны⁵, где существовало самое мощное левое движение в Камбодже. В ряды подпольной Народно-революционной партии Камбоджи (НРПК) вступил в 1961 г. С первых дней революционной активности ориентировался на тесное сотрудничество с представителями Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, одна из баз которого располагалась в провинции Тэйнинь на границе с Камбоджей. По предложению

вьетнамских коммунистов было решено превратить кхмерскую приграничную деревушку Та Ам в опорный лагерь НРПК, где на протяжении 1960-х годов вьетнамцы занимались подготовкой партийных кадров и разрабатывали стратегию борьбы камбоджийских коммунистов. Впоследствии лагерь Та Ам превратился в глубоко законспирированную и особо охраняемую вьетнамскими коммунистами базу, где ежеквартально происходили встречи высшего руководства НРПК (с. 30). Здесь Хенг Самрин познакомился с видным кхмерским коммунистом Со Пхимом, который в 1978 г. возглавил вооруженное восстание против полпотовцев в Восточной зоне. Автор мемуаров убедительно показывает, что хотя коммунистические идеи и основы революционной борьбы были привнесены в Камбоджу из Вьетнама, на его родине уже сформировался сегмент общества, готовый воспринимать левые идеи и претворять их в жизнь. Хенг Самрин демонстрирует это на примере своей семьи и жителей родной деревни. Многие его родственники (два брата, племянник, жена) состояли в партии, так же, как и другие представители Анлонг Тьера. Одновременно Хенг Самрин указывает на те объективные факторы, которые привели к становлению в Камбодже подпольных форм вооруженного сопротивления. Усиление репрессивности режима Нородома Сианука и начало с 1966 г. бомбардировок американской авиацией приграничных с Вьетнамом восточных провинций Камбоджи вынуждало кхмеров покидать родные места, искать убежища в лесах, что в итоге способствовало радикализации значительных групп крестьянства и пополнению ими рядов левого движения. Автор рассказывает, как развивалось левое движение в 1960-е годы, что позволило кхмерским коммунистам выстоять в подпольной борьбе, какие трудности и ловушки встречались на их пути.

В период вооруженной борьбы против проамериканского режима Лон Нола (1970–1975 гг.) Хенг Самрин был назначен сначала командиром батальона, а потом полка в Восточной зоне. По его признанию, все военные операции, особенно в 1970–1972 гг., он осуществлял в тесной координации с 9-ой дивизией Вьетконга, в подчинении которой фактически находился. Вьетнамские военные предоставляли все материально-техническое обеспечение для военных действий и повседневной жизни кхмерских бойцов, осуществляли их военную подготовку, разрабатывали планы совместных военных операций (с. 43–44). Фактически Хенг Самрин признает, что без военной помощи

Вьетнама победа 17 апреля 1975 г. над лонноловским режимом едва ли была возможна. К концу гражданской войны Хенг Самрин уже командовал 126-й дивизией, которая в апреле 1975 г. освобождала Пномпень. Через 3 месяца дивизия вернулась на прежнее место дислокации — в Восточную зону, где, как пишет автор, ее бойцы занимались восстановлением разрушенной после войны инфраструктуры, выращиванием сельскохозяйственной продукции, необходимой для обеспечения дивизии продовольствием, а также патрулированием дорог и границы (с. 61). Рассказывая о жизни при «красных кхмерах», автор останавливается только на внутрипартийной борьбе в руководстве Восточной зоны и на кампании против так называемых предателей партии, которую вел Пол Пот с целью уничтожения здорового сегмента партии, особенно тех коммунистов, которые имели тесные связи с Вьетнамом. Жаль, что Хенг Самрин совсем не дает картину жизни рядовых граждан в Восточной зоне. Общеизвестно, что масштаб политических репрессий в отношении местных жителей, степень их трудовой эксплуатации и уровень обеспеченности продовольствием существенно различались по зонам и во многом зависели от зонального руководства. В этом отношении читателю было бы интересно узнать, как автор, который входил в число руководителей зоны, оценивал условия труда и жизни рядовых камбоджийцев.

Несомненный интерес вызывает рассказ автора о ситуации в стране после ее освобождения от полпотовщины. Хенг Самрин рисует страшные картины разрухи — экономическое опустошение, полную дезорганизацию системы управления, сильнейшее физическое истощение населения, острейший кадровый голод во всех сферах и на всех уровнях государственно-общественной жизни. Он обосновывает необходимость присутствия вьетнамской армии в Камбодже простыми цифрами. Армия вновь созданной Народной Республики Кампучия (НРК) насчитывала лишь 30 батальонов — порядка 6 тыс. бойцов, что было катастрофически мало, чтобы оказывать сопротивление полпотовцам, у которых под ружьем оставалось около 50 тыс. бойцов, и тем самым удерживать власть (с. 105). По мнению Хенга Самрина, два фактора сыграли важнейшую роль в становлении Народной Республики Кампучия — всесторонняя помощь Вьетнама и теснейшее сотрудничество между тремя странами — СРВ, ЛНДР и НРК. Хенг Самрин утверждает, что кхмеры, пережившие режим геноцида, «никогда не забудут

дут помощь, оказанную партией, государством, правительством и армией Вьетнама и других международных друзей» (с. 100).

Отдавая должное роли Вьетнама в восстановлении Камбоджи после разгрома полпотовщины, автор лишь единожды вскользь упоминает СССР (с. 104). Подобная позиция автора вызывает крайнее недоумение. Нигде не говорится о том огромном вкладе, который внес СССР в восстановление экономики и инфраструктуры Камбоджи, в возрождение системы здравоохранения и образова-

ния, в поддержку страны на международной арене. Советский Союз до 1987 г. являлся главным торговым партнером НРК, в советских вузах обучалось более 1 тыс. студентов из Камбоджи⁶. Да и само содержание вьетнамской армии в течение 10 лет на территории НРК было возможно лишь благодаря финансовой помощи Советского Союза. И хотя автор и не написал обо всем этом, хочется верить, что камбоджийцы хранят в своих сердцах благодарность нашей стране за помощь в возрождении их родины.

© 2019

*Н.Н. Бектимирова,
доктор исторических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: nabektimirova@yandex.ru*

1. *Thayer C.A.* Vietnam's intervention in Cambodia Revisited, 1979–2019. Thayer Consultancy Background Brief. 2018. Dec. 18.
2. Phnom Penh Post. 04.06.2019.
3. Ibid. 10.06.2019.
4. Официально граница была проведена французской колониальной администрацией в 1949 г.
5. Административное деление страны на зоны, название которых определялось их географическим положением, окончательно оформилось в период существования Демократической Кампучии (1975–1978 гг.)
6. *Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н.* Королевство Камбоджа: политическая история. М.: Гуманитарий, 2002.

Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Китайские общины в США и Европе: история, культура, религия. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2019.

Стремительный экономический и геополитический рост Китая, готовность этой страны «идти вовне» все в большей степени привлекают внимание исследователей, экспертов и общественности. Все более востребованными становятся исследования, посвященные пониманию культуры Китая и особенностей менталитета его граждан, включая рассмотрение такого значимого фактора, как китайская миграция. Именно поэтому монография Николая и Сергея Кухаренко, посвященная китайским общинам в США и Европе, читается с большим интересом.

Актуальность монографического исследования и закономерно определяемый этим читательский интерес обусловлены, прежде всего, тем, что данная работа стала одной из первых попыток в отечественной науке изучить историю китайской диаспоры в США и Западной Европе, выяснить степень взаимопроникновения этнорелигиозных традиций, раскрыть специфику развития традиционных китайских религиозных верований в иноэтнической среде. В результате исследования были выявлены основные причины и этапы китайской иммиграции в США и Европе, изучен социальный состав иммигрантских потоков и различия в их этнокультурных и религиозных предпочтениях.

По мнению авторов, генезис китайских общин в странах западного мира — уникальное явление, позволяющее проследить адаптацию культурных традиций, обычаев и мировоззрения представителей цивилизации, которая на протяжении тысячелетий формировалась при весьма ограниченном внешнем воздействии, в совершенно иной социокультурной среде. Николай и Сергей Кухаренко прослеживают механизм развития этнических верований в новой этнокультурной среде, выявляют закономерности в сохранении их идентичности или возникновении различий по сравнению с «родительскими» традициями.

В США, например, как стране, сформировавшейся в основном благодаря миграции, сложилась определенная модель этнорелигиозного взаимодействия, в структуре которой китайские сообщества с присущими им верованиями, обычаями и культурными традициями

играли и продолжают играть заметную роль. Исследование положительных и отрицательных сторон опыта взаимодействия американского общества с китайскими этнорелигиозными общинами — малозученная в России, но очень содержательная в научном и практическом плане тема.

Авторы убедительно показывают, что азиатские религии, и китайские в частности, широко представлены в американском обществе. В монографии подробно и детально рассмотрен процесс «американизации» китайских религиозных традиций и изучена степень влияния китайских религий на американскую культуру.

В силу большой зависимости от коллектива, установки на взаимодействие в общине, крепких родственных связей, китайские иммигранты, обосновавшись в других странах, пытались вывезти за собой из родной деревни родственников и знакомых. И, естественно, реконструировать образ жизни, характерный для традиционного китайского общества. Делалось это путем создания своих институтов, в частности религиозных, а также через не-институционализированные религиозные практики.

Необходимость подобного рода институтов и религиозных практик была тесно связана с образом жизни китайцев, с их мировоззренческими установками. Мигрируя в другие страны, они выстраивали там привычную для своего существования среду. Имея глубокую психологическую установку на кооперацию и существование в общине, живя на протяжении веков в обществе с незыблемыми традиционными ценностями, китайские мигранты в противном случае не могли чувствовать себя комфортно в инокультурной среде.

Анализ религиозных процессов внутри китайской диаспоры в США и Европе показал, что традиционные формы народной религии до сих пор занимают важное место в повседневной жизни этнических китайцев. В каждом китайском квартале есть, как минимум, одна кумирня или храм, которые служат не только местом отправления религиозных обрядов, но и местом социокультурной коммуникации.

Тенденцию к диаспоризации, созданию религиозных и других институтов своего

традиционного общества в инокультурной среде, подчеркивают авторы монографии, следует считать проявлением нежелания китайских мигрантов адаптироваться к принимающему их сообществу, стремлением воссоздать вокруг себя традиционное китайское общество в миниатюре.

Переходя к анализу современного положения китайских общин в США и Западной Европе, авторы приходят к нижеследующим основополагающим выводам.

Во-первых, крупномасштабные внутриполитические изменения в Китае во второй половине XX в. привели к снижению уровня религиозности как среди жителей Китая, так и среди китайских иммигрантов.

Во-вторых, среди китайских мигрантов, проживающих в США и странах Западной Европы, традиционные китайские религии постепенно уступают место буддизму и христианству; получают распространение и новые религиозные образования, имеющие в основе традиционные китайские религии.

При отсутствии влиятельных традиционных религиозных организаций и в отрыве от многовековой богатой религиозной истории китайского народа китайские мигранты испытывают определенное тяготение к новым религиозным образованиям. Авторы монографии полагают, что именно эти образования исполняют роль механизма, способствующего осознанию китайскими мигрантами себя как общины, отличной в религиозном измерении и от принимающего сообщества, и от коммунистического Китая.

Пожалуй, самым очевидным примером нового религиозного образования, имеющего в качестве основы традиционные формы китайской религии и активно действующего на территории США и стран Западной Европы, является движение Фалуньгун. Появившись в странах с богатой религиозной синкретической традицией и длительной историей духовных исканий, с одной стороны, а с другой — там, где начиная с середины XX века религиозная жизнь населения находится под контролем государства, движение Фалуньгун стало распространяться быстрыми темпами. Движение поддерживается западными правозащитными организациями.

Читая книгу, нельзя не отметить, что в свете современных процессов этнорелигиозного взаимодействия тема исследования представляет научно-практический интерес и является весьма актуальной. Книга Николая и Сергея Кухаренко будет способствовать более глубокому и системному пониманию этнорелигиозной ситуации не только в США и Европе, но и в России, в особенности — этнорелигиозной ситуации, складывающейся на российском Дальнем Востоке, территории, находящейся в зоне китайских миграций.

Книга читается с неподдельным интересом и наверняка будет полезной не только для исследователей-китаеведов, дипломатов, политиков, но и для любого вдумчивого читателя, кому небезразличны история и культура Китая, а также история и современное состояние международных отношений.

© 2019

*В.Е. Петровский, доктор политических наук,
действительный член Академии военных наук.
E-mail: petrovsk4@gmail.com*

Юбилей ученого

Андрею Владимировичу Островскому — 70 лет

Андрей Владимирович Островский родился 19 декабря 1949 г. в Москве. В 1967 г., после окончания средней школы, поступил в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ им. М.В.Ломоносова (ныне — Институт стран Азии и Африки МГУ), где изучал китайский язык и историю Китая. В 1972 г. по окончании института поступил в аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР. После аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рабочий класс: его место и роль в социально-экономической структуре современного Китая». С 1975 г. работает в ИДВ АН СССР (позднее ИДВ РАН), где прошел путь от младшего научного сотрудника до руководителя Центра экономических и социальных исследований Китая и Восточной Азии и заместителя директора Института.

Годичная научная стажировка в Народном университете Китая (1984–1985 гг.) позволила ему увидеть и почувствовать первые результаты, проводимой в КНР экономической реформы, собрать большое количество различных статистических материалов, которые стали солидной основой для докторской диссертации. Полугодовая научная стажировка в Международном институте стратегических исследований Стэнфордского университета (г. Пало-Альто, США) дала возможность подготовить и защитить в 1990 г. докторскую диссертацию, озаглавленную «Рабочий класс: его место и роль в системе общественного производства КНР». В последующем А.В.Островский приобрёл опыт научно-преподавательской деятельности, работая с 1995 по 1999 г. в Институте России Тамканского университета в Тайбэе (Тайвань), где читал лекции по проблемам российской экономики.

А.В.Островский — автор более 350 научных работ, в том числе переведенных на английский, китайский и вьетнамский языки, включая семь авторских монографий. Под его руководством было подготовлено несколько сборников научных статей по вопросам социально-экономического развития Китая и США, проведения экономической реформы в КНР, перевод коллективной монографии китайских ученых Линь Ифу, Цай Фана и Чжоу Ли «Китайское чудо» о китайской модели экономической реформы.

А.В.Островский является известным экономистом-международником, крупным специалистом по проблемам социально-экономического развития стран Восточной Азии.

а также по вопросам, связанным с проведением экономических реформ в России, развитием международного торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В его работах всесторонне анализируется опыт экономической реформы в Китае, ее влияние на развитие социально-экономической и социально-классовой структуры китайского общества. На основе сопоставления методов российских и китайских реформ А.В. Островским была обоснована концепция использования отдельных аспектов китайского опыта в России и в развитии торгово-экономических связей РФ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В последние годы А.В. Островский исследует эволюцию социально-экономической стратегии Китая в XXI веке, включая ее внутренний и международный аспекты, и в связи с реализацией курса на превращение Китая в мощную инновационную державу. Под его руководством Центром социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН проводятся ежегодные научные конференции по проблемам развития китайской экономики на современном этапе и в обозримой перспективе, выпущена серия сборников научных статей по итогам этих конференций.

Большое внимание А.В. Островский уделяет изучению опыта рыночных преобразований в России, Китае и во Вьетнаме, а также исследованию проблем российско-китайского торгово-экономического взаимодействия, в том числе в сотрудничестве с китайскими и вьетнамскими учеными.

Он активно участвует в подготовке научных кадров высшей квалификации. Под руководством А.В. Островского было защищено 7 кандидатских и 1 докторская диссертации. В 2009 г. ему было присвоено научное звание профессора. В настоящее время А.В. Островский является заместителем директора Института Дальнего Востока РАН, руководителем Центра социально-экономических исследований Китая, заместителем председателя Ученого совета Института, заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». Кроме того, А.В. Островский является академиком Российской Академии естественных наук (РАЕН) и действительным членом Международной академии глобальных исследований (МАГИ), регулярно выступает с лекциями по Китаю в ряде вузов страны, в ведущих зарубежных вузах. Он является также членом Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян (КНР) и почетным профессором ведущих вузов Китая — Фуданьского университета в Шанхае, Университета Цзяогун в Пекине, Университета Внутренней Монголии (КНР), Юго-Западного Финансово-экономического университета в г. Гуйян (пров. Гуйчжоу, КНР) и Института управления г. Яньтай (пров. Шаньдун, КНР).

А.В. Островский постоянно принимает участие в научных конференциях и практических мероприятиях, регулярно выступает в средствах массовой информации по проблемам развития российско-китайских отношений и опыта китайской экономической реформы; активно участвует в международной деятельности: с 1982 г. является членом Ассоциации китаеведов Российской академии наук (АКИТ РАН), а с 1994 г. — членом Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК); в 2000–2006 гг. избирался членом правления Европейской ассоциации китаеведения, в 2000–2004 гг. исполнял обязанности заместителя председателя правления ЕАК.

За свои научные достижения А.В. Островский был награжден почетной грамотой Федерального Собрания РФ, неоднократно награждался почетными грамотами Института Дальнего Востока РАН.

Дирекция ИДВ РАН, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Андрея Владимировича с юбилеем и искренне желают ему доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

К 70-летию В.М. Мазырина

25 декабря 2019 г. исполнилось 70 лет руководителю Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессору ИСАА МГУ им. Ломоносова Владимиру Моисеевичу Мазырину. Он родился в Москве. В 1967 г. поступил в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ, который окончил с отличием в 1972 г. В институте заинтересовался научными исследованиями и по его окончании сразу поступил в аспирантуру. В 1975 г. Владимир Мазырин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную политической борьбе в Южном Вьетнаме в 1963–1975 гг., одним из первых используя при ее подготовке такой метод исследований, как контент-анализ прессы. После защиты диссертации В.М. Мазырин год проработал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, а затем был командирован в Торгпредство СССР в Ханое. Профессионализм

Владимира Мазырина получил высокую оценку, и через три года он завершил командировку в должности начальника отдела.

По возвращении в Москву В.М. Мазырин пять лет проработал в Институте международного рабочего движения, а затем перешел в возглавлявшийся тогда академиком Е.М. Примаковым Институт востоковедения АН СССР, где принял участие в создании ряда коллективных монографий по Вьетнаму. С 1985 по 1990 г. В.М. Мазырин — сотрудник советского посольства в Ханое: атташе по науке, затем первый секретарь. Одной из его задач было укрепление связей с вьетнамскими учеными, с постоянным партнером СССР в этой области — Комитетом по общественным наукам СРВ, впоследствии ставшим Вьетнамской академией общественных наук (ВАОН).

По возвращении на родину В.М. Мазырин четыре года работал в фирме внешне-торгового объединения «Технопромэкспорт» МВЭС, занимавшейся погашением долгов Вьетнама России, что позволило ему на практике познакомиться с бизнес-процессами. В 1994 г. он начал преподавать в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ. В начале 2000-х годов дважды был на стажировке в Центрально-европейском университете в Будапеште. В 2007 г. вышла его монография «Реформы переходного периода во Вьетнаме: динамика, направления, результаты (1986–2006 гг.)», в которой отражены перемены в политической системе, обществе и экономике СРВ после начала политики обновления («Дой мой»).

В 2007 г. В.М. Мазырин пришел работать в ИДВ РАН и вместе с Е.В. Кобелевым участвовал в создании специального подразделения Института — Центра изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС). В 2012 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Трансформация вьетнамской экономики в 1986–2010 гг.: проблемы и пути их решения», на ос-

новании которой в 2013 г. издал четвертую индивидуальную монографию — «Вьетнамская экономика сегодня», которая пока остается единственным комплексным исследованием в России по современной экономике СРВ. В том же году занял должность руководителя Центра. С 2010 г. Центр проводит конференции, в которых участвуют не только представители ведущих научных и образовательных учреждений России, но и зарубежные ученые.

С 2018 г. ЦИВАС начал выпускать двуязычный ежеквартальный электронный журнал «Вьетнамские исследования», главным редактором которого стал В.М. Мазырин. Журнал входит во все российские научные базы данных и в престижную зарубежную базу Web of Science, печатает статьи российских, вьетнамских, европейских и американских авторов. Как главный редактор Владимир Моисеевич старается обеспечить высокий научный уровень публикуемых в журнале статей.

Важной частью жизни В.М. Мазырина является преподавание. С 2005 г. он доцент, с 2014 г. — профессор ИСАА МГУ, преподает на кафедре экономики и экономической географии стран Азии и Африки. К этому виду деятельности В.М. Мазырин подходит с такой же ответственностью, как к научной работе и к деятельности руководителя центра ИДВ. «Я стараюсь развивать у своих студентов аналитические способности, умение искать информацию, работать с ней и делать выводы, осмысливать проблемы и выявлять тенденции — приемы научной работы, которые пригодятся им в любой работе и в жизни», — говорит профессор Мазырин. 8 его аспирантов, среди которых один — гражданин СРВ, блестяще защитили диссертации, работают в министерствах и ведомствах, занимают важные посты, помнят и ценят своего научного руководителя. Будущее российского вьетнамоведения — один из вопросов, который очень беспокоит Владимира Моисеевича.

В.М. Мазырин — ведущий российский специалист по экономике Вьетнама, автор более 100 научных работ, изданных на русском, английском и вьетнамском языках. Большой вклад В.М. Мазырина во вьетнамоведческую науку и укрепление связей с вьетнамскими учеными были достойно оценены: он награжден памятной медалью Академии общественных наук СРВ «За вклад в развитие общественных наук», а в 2019 г. премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук вручил ему орден Дружбы.

Коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Владимира Моисеевича с юбилеем, желают ему здоровья, долгих лет, новых книг и новых проектов, новых свершений во славу российской науки!

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2019 год

Поздравление Галине Веннаминовне Куликовой ..... № 5(2)

К 70-летию КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

От главного редактора ..... № 5(1)

Е.С. Баженова. Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ ..... № 5(1)

Л.Д. Бони. Китайская деревня накануне 70-летия образования КНР (Решающая битва за сяокан) ..... № 5(1)

А.О. Виноградов. КНР — страны Европейского союза ..... № 5(1)

А.С. Давыдов. Год 2019: «Большая тройка» в череде юбилеев ..... № 5(1)

Ю.А. Дрейзис. Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время ..... № 5(1)

П.Б. Каменнов. Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество ..... № 5(1)

Г.В. Куликова. Китай в моей жизни ..... № 5(1)

Ли Хуэй, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ. Золотое десятилетие китайско-российских отношений ..... № 5(1)

А.В. Ломанов. Международные исследования в институтах Китайской академии общественных наук ..... № 5(1)

С.Г. Лузянин. Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г. .... № 5(1)

И.В. Моргулов. Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития ..... № 5(1)

А.В. Островский. Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.) ..... № 5(1)

В.Я. Портяков. Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики ..... № 5(1)

Е.Н. Сафронова. КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока в 2018 г. .... № 5(1)

П.В. Троцинский. Законодательное развитие нового Китая ..... № 5(1)

И.В. Ушаков. Экологическая цивилизация: мечта или мираж?

С.В. Уянаев. Внешняя политика Китая в год 70-летия образования КНР ..... № 5(1)

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений ..... № 3

Вьетнамо-китайские отношения: трудный поиск согласия ..... № 2

К 40-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КНР И США

- А.В. Волошина.* Китай в «тихоокеанском повороте» США..... № 2
- А.С. Давыдов.* Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей..... № 2
- Ю.А. Дубинин.* К истории установления современных американо-китайских отношений..... № 2
- Я.В. Лексютина.* «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства ..... № 2
- В.Е. Петровский.* Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика?..... № 2
- С.М. Труш.* Д. Трамп и Китай: промежуточные итоги ..... № 2

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Н.И. Бедарева.* Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений..... № 2
- А.М. Каптуненко, В.В. Вишнякова.* Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея..... № 3
- В.В. Малявин.* К пониманию глобальной стратегии Китая..... № 6
- А.В. Семёнов, А.В. Цвык.* «Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая ..... № 6
- Ф.Г. Стругач.* Япония в классических американских геополитических теориях ..... № 3
- А.М. Телешевская.* Деловые культуры Востока: традиции и современность ..... № 5(2)

ПОЛИТИКА

- К.В. Асмолов.* Взаимоотношения в китайско-корейском «треугольнике»..... № 2
- А.В. Афонасьева.* О китайском бизнесе в России и перспективах его участия в инициативе «Один пояс, один путь» ..... № 5(2)
- Ван Хуань.* КНР – РФ: возможности совместного освоения Северного морского пути..... № 6
- А.К. Галимзянова.* Китайско-германские отношения: стремление к эталону..... № 6
- М.Ю. Гутенев.* Национальные интересы Южной Кореи в Арктике..... № 1
- А.С. Давыдов.* КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства ..... № 4
- Н.А. Замараева.* КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане ..... № 3
- О.И. Казаков.* К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме ..... № 1
- В.О. Кистанов.* Япония и Китай: новая эра в отношениях или конъюнктурное сближение? ..... № 1
- Б.М. Коидорский.* Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути»..... № 2
- Ли Хуэй, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ.* Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир! ..... № 1
- С.К. Песцов.* Российско-китайские отношения: внешние интерпретации и оценки ..... № 5(2)
- В.Я. Портяков.* О современной внешней политике КНР..... № 1
- М.А. Терских.* Подходы Вьетнама к «Индо-Тихоокеанским стратегиям» ..... № 4

<i>А.В. Цвык, И.В. Сорокина.</i> Политика КНР в странах Центральной и Восточной Европы	№ 4
<i>Э.З. Ширгазина.</i> «Мягкая сила» Китая и страны БРИКС	№ 6

ЭКОНОМИКА

<i>В.В. Акимова, И.С. Тихоцкая.</i> Подъем солнечной энергетики в Китае и Японии	№ 3
<i>М.В. Александрова, О.А. Татуева.</i> Особенности развития Экономического пояса реки Янцзы	№ 6
<i>М.В. Александрова, Хань Сюэ.</i> Формирование экономического региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй	№ 5(2)
<i>В.Д. Андрианов.</i> Особенности формирования и развития финансовой системы Брунея	№ 1
<i>В.Д. Андрианов.</i> Сингапурский банк развития как инструмент формирования новой индустриальной экономики	№ 4
<i>Г.Б. Бульчев, И.А. Коргун.</i> Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР	№ 5(2)
<i>К.А. Гемуева.</i> Иностраный капитал на рынке недвижимости Великобритании (на примере инвестиций из Большого Китая)	№ 6
<i>Я.В. Дёмина.</i> Страны Восточной Азии: конкурентная девальвация и формирование золотовалютных резервов	№ 4
<i>Л.В. Захарова.</i> Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации	№ 2
<i>О.М. Карпова, И.А. Майбуров.</i> Электронная таможня в России и в Китае	№ 4
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Развитие передовой обрабатывающей промышленности Китая	№ 5(2)
<i>Д.Д. Лебедева.</i> Китайская система планирования на современном этапе	№ 3
<i>Ли Янь, Сюй Сянцян.</i> Экономический имидж Китая в российских социальных сетях	№ 6
<i>Я.В. Мищенко.</i> Торгово-экономическое сотрудничество Японии и стран АСЕАН: двусторонние и многосторонние форматы	№ 2
<i>З.А. Муромцева.</i> 40-летие реформы и проблематика общей факторной производительности в КНР	№ 6
<i>В.О. Намжилова.</i> Экономическое развитие Автономного района Внутренняя Монголия в начале XXI века	№ 3
<i>А.В. Островский.</i> Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге	№ 2
<i>С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо.</i> КНР: совершенствование инфраструктуры для «зеленого» автотранспорта	№ 1
<i>С.Л. Сазонов, К.А. Петрунько.</i> Роль автотранспортных коридоров в проекте «Пояс и путь»	№ 5(2)
<i>Б.А. Хейфец, Н.С. Степанов.</i> Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия	№ 6
<i>В.В. Чуванкова.</i> Стимулирование малого и среднего бизнеса в КНР в новых условиях развития глобальной экономики	№ 5(2)
<i>С.Г. Ше.</i> О некоторых элементах организации предпринимательской деятельности в Южной Корее	№ 4
<i>А.В. Шурубович.</i> Экономические отношения Белоруссии и Китая: состояние, тенденции, проблемы	№ 2

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Сонг Бьонг Джик.</i> Новые перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации на Дальнем Востоке	№ 4
--	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- В.И. Балакин.* Выбор оптимальной парадигмы интеграции в Евразии..... № 3
А.К. Галимзянова. Особенности политического лидерства: Си Цзиньпин
и Ангела Меркель..... № 1
М.В. Жариков. К вопросу об эффективности гипотетической
коллективной валюты для стран БРИКС..... № 4
Сунь Сюэнь. О некоторых аспектах геополитических отношений
в Арктике..... № 3

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Н.Н. Аблажей, Ли Дань.* Государственная политика КНР в области
сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД..... № 1
Н.В. Анисимцев. О гражданско-правовых аспектах модернизации
Тайваня..... № 3
И.И. Грузинов. Элементы традиционной китайской идеологии в
современном идеологическом курсе КПК..... № 3
С.В. Кривохиж. Соотношение категорий «суверенитет» и «права
человека»: позиция Пекина..... № 4
А.А. Семенов. Неправительственные организации в КНР с начала
осуществления политики реформ и открытости..... № 1
Н.А. Слука, Т.Х. Ткаченко. «Китай вызывает потрясения в западном
мире...»..... № 4

ИСТОРИЯ

- А.В. Ганин.* «Я решил... вести подготовку к новому освободительному
движению...» Генерал И.М. Зайцев и подготовка белоэмигрантами
вооруженного вторжения на советскую территорию в 1923 г..... № 1
В.Г. Дацышен, Дай Цзяньбин. Вице-консул в Гуанчжоу А.И. Хассис —
дипломат и человек..... № 1
А.С. Ипатова. К 400-летию взаимоотношений России с Китаем.
Миссия И. Петлина в Китай (1618–1619)..... № 5(2)
Е.Г. Калкаев. Консульства Китайской Республики на Дальнем Востоке
СССР и в Сибири в период «большого террора»..... № 5(2)
Д.С. Кулешов, С.С. Цуканов. Борьба за фронтир: противостояние
спецслужб и автохтонного населения на советском Дальнем Востоке
в 1920-х годах..... № 1
Г.М. Локишин. К 50-летию важнейшего сражения вьетнамо-американской
войны..... № 1
Н.Л. Мамаева. К 100-летию «Движения 4 мая» 1919 г..... № 6
Т.А. Орницкая. Деятельность Коминтерна на Дальнем Востоке
(1920–1922 гг.)..... № 6
А.В. Пацков. Чжан Тайлэй и распространение большевизма в Китае..... № 4
Г.Н. Романова. «Открытие» Китая капиталистическим миром и начало
процесса модернизации страны (вторая половина XIX в.)..... № 2
О.Д. Сандамирская. Освещение в прессе Великобритании, Франции и
США политической ситуации в Японии в середине XIX века..... № 3
И.Н. Сотникова. Из когорты первых: Юй Сюсун..... № 5(2)
С.А. Спартак. Восточная экспансия России на рубеже XIX–XX веков и
отношение к ней в Америке..... № 3
Тан Шичунь. Советские юристы в Китае (1949–1960)..... № 6
Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов. И.М. Майский и советско-японские
отношения в 1927–1929 гг..... № 3

<i>Е.В. Яковкин.</i> «Убит под Номонханом»: создание культа героя как пример антисоветской пропаганды в среде российской дальневосточной эмиграции (1939–1945 гг.)	№ 2
--	-----

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

<i>А.И. Картунова.</i> Из воспоминаний.....	№ 4
---	-----

ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Т.Л. Гуралева.</i> Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке.....	№ 4
<i>Ю.А. Дрейзис.</i> Школьный литературный канон в системе китайской средней школы высшей ступени.....	№ 6

РЕЛИГИЯ

<i>М.А. Хаймурзина.</i> Конфуцианство как гражданская религия: проблемы и перспективы.....	№ 3
--	-----

КУЛЬТУРА

<i>А.И. Донченко.</i> Значение традиционной китайской каллиграфии в современном обществе	№ 2
<i>О.И. Завьялова.</i> Путунхуа: от «языка чиновников» к языку среднего класса.....	№ 2
<i>Н.В. Захарова.</i> Образ певички (гетеры) в литературе Китая (от новелл эпохи Тан к прозе эпохи Цин).....	№ 1
<i>А.С. Исаев.</i> Сотрудничество Китая с СССР и Россией в области кинематографии (1949–2019 гг.).....	№ 2
<i>В.В. Самойленко.</i> Современное состояние традиционной китайской медицины: история формирования.....	№ 5(2)
<i>В.В. Самойленко.</i> Глобализация традиционной китайской медицины	№ 6
<i>Н.А. Самойлов, Чэнь Бин.</i> Кинокомпания «Маньин» и ее роль в политике Японии на территории Маньчжоу-го.....	№ 5(2)
<i>Н.А. Чеснокова.</i> Придворные геоманты в Корее в период Чосон (1392–1897).....	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Виноградов.</i> Конференция в Нанькайском университете «Российское китаеведение: традиции и современность» и первое заседание рабочей группы по переводу на китайский язык и изучению десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»	№ 4
<i>Н.Ю. Демидо.</i> Ежегодная научная конференция ЦПИП ИДВ РАН «70 лет современному китайскому государству»	№ 4
<i>Л.В. Захарова, К.А. Чирков, Ю.В. Кулинецв, А.Ч. Мокрецкий.</i> «Восточная Азия в меняющемся мире». VI Международная научная конференция молодых востоковедов	№ 2
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Ежегодная научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «40 лет экономических реформ в КНР»	№ 3
<i>Е.И. Крапина, Е.А. Лапшина.</i> Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2018 году	№ 1
<i>Е.А. Лапшина.</i> «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы» (XXIII Международная научно-практическая конференция).....	№ 1

<i>С.Б. Макеева, Е.В. Кремнёв.</i> II Готлибовские чтения «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР».....	№ 1
<i>К.К. Меркулов.</i> Публикации китайских экспертов об актуальных проблемах нового международного порядка и внешней политики КНР.....	№ 1
<i>С.Н. Погодин, Ли Цзинчэн.</i> Освещение деятельности Чжоу Эньлая в российской и китайской историографии.....	№ 4
<i>О.Н. Попова.</i> Список литературы о Китае, изданной в России с 2017 г. по май 2019 г.....	№ 5(2)
<i>В.Я. Портяков.</i> Новая литература об экспериментальных зонах свободной торговли Китая.....	№ 5(2)

РЕЦЕНЗИИ

<i>И.Н. Бектимирова.</i> Хенг Самрин. Народная борьба. Возрожденная Камбоджа.....	№ 6
<i>А.Н. Карнеев.</i> Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира.....	№ 1
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики.....	№ 2
<i>А.Е. Лукьянов, Л.В. Стеженская.</i> Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си.....	№ 2
<i>А. Петров.</i> Макмахон Д. Великая китайская стена долга. Теневые банки, города-призраки, массированные кредиты и конец китайского чуда.....	№ 1
<i>В.Е. Петровский.</i> Китай и развивающийся мир: диалектика отношений (Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки).....	№ 3
<i>В.Е. Петровский.</i> Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Китайские общины в США и Европе: история, культура, религия.....	№ 6
<i>М.А. Потапов.</i> Живая летопись китайских реформ.....	№ 1
<i>Е.И. Сафронова.</i> Российско-китайский диалог и «Большое евразийское партнерство»: новая идеология отношений?.....	№ 4
<i>А.Г. Юркевич.</i> Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы.....	№ 5(2)

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Елены Степановны Баженовой.....	№ 4
Юбилей Вячеслава Ивановича Балакина.....	№ 4
К юбилею Виктора Николаевича Барышникова.....	№ 4
Юбилей Анды Семеновны Ипатовой.....	№ 1
Анастасии Ивановне Картуновой — 95 лет.....	№ 1
К 70-летию В.М. Мазырина.....	№ 6
Юбилей Зои Андреевны Муромцевой.....	№ 5(2)
Андрею Владимировичу Островскому – 70 лет.....	№ 6
Сергею Леонидовичу Сазонову — 60 лет.....	№ 4
Юбилей Валентины Васильевны Чуванковой.....	№ 5(2)

Contents.....	№ 1–6
Summary.....	№ 1–6

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2019 год.....	№ 6
---	-----

Contents

POLITICS

A. Galimzyanova. Sino-German Relations: in Pursuit of the Paragon

E. Shirgazina. "Soft Power" of China and BRICS Countries

Wang Huan. China-Russia: Opportunities for Joint Development of the Northern Sea Route

ECONOMY

B. Kheyfets, N. Stepanov. «Belt and Road Initiative 2.0» and Russia

Z. Muromtseva. The 40th Anniversary of Reform and Problems of General Factor Productivity in China

M. Alexandrova, O. Tatueva. Features of the Development of the Yangtze River Economic Belt

Li Yan, Xu Xiangqian. China's Economic Image in Russian Social Networks

K. Gemueva. Foreign Capital in the UK Real Property Market (on the Example of Investments from Greater China)

THEORY AND METHODOLOGY

V. Maliavin. Understanding China's Global Strategy

A. Semenov, A. Tsvyk. The "Community of a Shared Future for Humankind" in China's Diplomatic Discourse

HISTORY

N. Mamaeva. To the 100th Anniversary of the "May 4 Movement" of 1919

T. Ornatskaya. Activities of the Comintern in the Far East (1920–1922)

Tang Shichun. Soviet Lawyers in China (1949–1960)

CULTURE

V. Samoylenko. Globalization of Traditional Chinese Medicine

N. Chesnokova. Court Geomancers in Korea during the Joscon Period (1392–1897)

EDUCATION

Yu. Dreyzis. School Literary Canon in the Chinese Higher Secondary School System

BOOK REVIEW

N. Bektimirova. Heng Samrin. The People's Struggle. Cambodia Reborn

V. Petrovsky. Kukharenko N., Kukharenko S. Chinese Communities in the USA and Europe: History, Culture, Religion

SCHOLAR JUBILEE

Andrey Vladimirovich Ostrovsky — 70 Years

The 70 Years Jubilee of V. Mazyrin

Contents of the Journal "Problems of the Far East" for 2019

Contents

Summary

Summary

A. Galimzyanova. Sino-German Relations: in Pursuit of the Paragon

The article discusses the current state of Sino-German relations. It is shown that there are certain benefits as well as difficulties in cooperation between two countries. The author analyzes the state of bilateral cooperation between them in 2017 and concludes that, in general, China's relations with Germany are constructive and friendly, and are constantly aimed at strengthening the strategic dialogue.

Key words: China, Germany, EU, Xi Jinping, Angela Merkel, international relations, foreign policy, "One belt, One road", "Made in China 2025", "Industry 4.0".

E. Shirgazina. "Soft Power" of China and BRICS Countries

Cooperation with the BRICS countries is one of the key directions of China's external policy. The importance of this format of interaction between the five countries for China is complemented by the remaining challenges for effective joint activity. At the same time, in the conditions of increasing instability in international relations, the relevance of the use of "soft instruments" is going to increase. The article analyzes the essence of the concept of "soft power", its specificity for Beijing and the range of instruments of its application by the PRC in the partner countries, as well as their effectiveness at this stage.

Key words: China, "soft power", BRICS, diaspora, "One Belt, One Road".

Wang Huan. China-Russia: Opportunities for Joint Development of the Northern Sea Route

The Arctic region is one of the priority areas of strategic cooperation between China and Russia. The initiative of joint development of the Northern sea route is an integral part of cooperation between the two countries in the implementation of the "One belt, One road" initiative. The article attempts to analyze the capabilities of China and Russia in this area. The author comes to the conclusion that this initiative is not only a program of mutually beneficial cooperation, but provides unique opportunities, gives an even greater impetus to the economic and regional development of both countries. Difficulties and challenges arising in the process of joint development of the Northern sea route are easily solved due to the advantages of complementarity and mutual consultations. The Northern sea route will certainly stimulate further cooperation and development of China and Russia.

Key words: China, Russia, the Northern sea route, Arctic, "Ice silk road", "One belt, One road".

B. Kheyfets, N. Stepanov. "Belt and Road Initiative 2.0" and Russia

The article analyzes the 6-year period of the implementation of the global Chinese project "One Belt, One Road" (OBOR) or "The Belt and Road Initiative" (BRI). Its positive aspects are highlighted, especially the expansion of the number of participants and their areas of interaction, the creation of a powerful financial base, the creation of new cross-border transport routes, increased trade and investment among the project participants. However, many problems were identified, among which the opacity of the BRI projects, insufficient consideration of national interests and local needs of China's partners, the "debt trap" of Chinese loans, exacerbating the

economic problems of many participants in the BRI. The possible ways of deepening Russian-Chinese cooperation at the new stage of development of BRI 2.0 are proposed.

Key words: The Belt and Road Initiative (BRI), "soft power", hybrid economic partnership, debt trap, pairing with the EAEU, the fourth industrial revolution, Northern Sea Route (NSR).

Z. Muromtseva. The 40th Anniversary of Reform and Problems of General Factor Productivity in China

An important milestone in the reform of the public sector of the PRC was the decision of the CPC Central Committee Plenum to create a system of modern enterprises. Adopted in 1993, this decision, firstly, turned into an alternative to almost coinciding with it in time collateral auctions and total deindustrialization in the Russian Federation, and secondly, anticipated the idea of industrialization of a new type (knowledge-based economy relied upon resource conservation, modernization, environmental protection). 24 years later, these innovations were developed and interpreted in-depth: the XIX Congress of the CPC set the task to increase the overall factor productivity, formed regardless of the cost of labor and capital due to long-term scientific and technological innovations affecting its cost. The growth of overall factor productivity seemed to determine the success of the further path, but the unpredictability of the world economy was complicated by China's rivalry with the United States.

Key words: reform of state enterprises, institutionalization of technical-technological and innovative-informative development, social capital, total factor productivity, new economy index.

M. Alexandrova, O. Tatueva. Features of the Development of the Yangtze River Economic Belt

Due to the warm and humid climate, the fertility of the land, the abundance of water and mineral resources, the Yangtze basin has become one of the important areas of the spread and development of Chinese civilization. The benefits of geographical location favored the fact that at the end of the 19th Century a significant part of foreign capital was accumulated in its delta. Along the Yangtze Japanese aggression and civil war were mostly unfolded. Here, during the period of the two first successful five year plan, the first objects of industrialization were laid with the help of the USSR. The article focuses on the 40-year stage of reforms and openness when in this region from industrialization with a turn to high-tech production took place.

Key words: Yangtze river economic belt, spatial distribution, high-tech industries, transport corridor, regional development imbalances.

Li Yan, Xu Xiangqian. China's Economic Image in Russian Social Networks

Due to the continuous deepening of Chinese-Russian trade and economic cooperation, Chinese enterprises are increasingly engaged in economic activities in Russia. Misunderstandings and conflicts caused by these economic activities are inevitable. To cope with this challenge, it is necessary to understand the current perception of the Chinese economy by the Russian public. With the development of Internet technologies, social networks in Russia have become the main tool for communication and obtaining information. Public discourse on Russian social media is an important way to understand the Russian public's current perception of China's economy. In accordance with the characteristics of the public discourse in the social network "In contact", the article describes and summarizes the economic image of China in Russia on four topics: China's domestic macroeconomics, Chinese enterprises and goods, Chinese-Russian trade and economic cooperation, China and the world economy.

Key words: Russian social network, China's economic image, public discourse, discourse analysis.

K. Gemueva. Foreign Capital in the UK Real Property Market (on the Example of Investments from Greater China)

The article deals with the structure and features of the UK real estate market. The main changes in the taxation of real estate and transactions with it are indicated. The assessment of foreign capital participation in the real estate market of Great Britain is given. The analysis of investments of businessmen from Greater China, aimed at development projects, hotel, office and retail real estate in the UK is presented. The factors influencing the activity of investors from Greater China in the UK property market are listed.

Key words: UK real estate, China, Hong Kong, real estate construction, hotel real estate, office real estate.

V. Maliavin. Understanding China's Global Strategy

The paper deals with the basic principles of China's modern foreign policy and global strategy in their relation to the intellectual foundations of traditional Chinese philosophy, culture and politics. The author claims that traditional Chinese worldview including strategic thinking, was based on the idea of change or transformation (*hua, yi* etc.). This idea asserted what may be called togetherness, or mutual complementarity, of things as well as concealed continuity of polarities. Opposition of subject and external world was excluded. The consequence was the concept of two non-dual world orders. From this perspective the author examines the historical significance of modern China's global goals, such as "the community of shared future" and "the new world of All-Under-Heaven" as well as affinities between Chinese and modern Western thought.

Key words: global strategy, metaphysics of change, the community of shared future, new All-Under-Heaven, supreme globality.

A. Semenov, A. Tsvyk. The "Community of a Shared Future for Humankind" in China's Diplomatic Discourse

The article is devoted to the problem of diplomatic discourse of China. The authors conclude that there is no consensus among experts as to whether Chinese diplomatic discourse is difficult to understand in Western countries and what it should be. They attempt to analyze one of the basic concepts of China's modern diplomatic discourse — the "Community of a Shared Future for Humankind" — at the linguistic, cognitive and pragmatic levels of its understanding.

Key words: China, foreign policy, diplomatic discourse, the concept of "Community of a Shared Future for Humankind", Xi Jinping.

N. Mamaeva. To the 100th Anniversary of the "May 4 Movement" of 1919

The article gives the author's view on the most important event in the history of China in the first half of the twentieth century — the "May 4 Movement" of 1919. The causes and consequences of this movement are presented against the background of the "Movement for a new culture (1915–1925)" and taking into account the influence of Westernization ideas on China, as well as the experience of the October Revolution of 1917 in Russia. The interrelation of internal events and external influences on China is shown. As history has shown, it was a turning point in the social life of China and raised the question of the future path of development of the country. Modern assessments of the "Movement for a new culture" and the "May 4 Movement" of 1919 update and supplement existing ideas about the causes and content of the "May 4 Movement" of 1919.

Key words: "May 4 movement" of 1919, "Movement for a new culture", "the emancipation of the individual", Soviet Russia, Westernization, the influence of the ideas of the October Revolution on China.

T. Ornatskaya. Activities of the Comintern in the Far East (1920–1922)

In March 2019, the 100th anniversary of the Communist International, which made a huge contribution to world politics, was celebrated. The article is devoted to the activities of the Comintern in the context of the foreign policy of the Far Eastern Republic in 1920–1922, to contribution of the Eastern sections of the Comintern in the decision of foreign policy problems in the Far East during the confrontation of US and UK with Soviet Russia in the early 1920s.

Key words: Far East, foreign policy, Communist International (Comintern), V.I. Lenin, Far Eastern Republic.

Tang Shichun. Soviet Lawyers in China (1949–1960)

Working in China in the 1950s Soviet lawyers made a significant contribution to the theory and practice of higher legal education, the functioning of public authorities, took part in the preparation of new laws for the New China. During their stay in China they studied the Chinese political system and the system of law. Returning home, they prepared a number of scientific articles and monographs, contributed to the development of Soviet Sinology.

Key words: China, the USSR, history, jurisprudence, legal education, Soviet lawyers.

V. Samoylenko. Globalization of Traditional Chinese Medicine

The process of globalization of traditional Chinese medicine (TCM) began at the end of the last century and was initiated by the Chinese government. However, significant progress in the promotion of TCM has been achieved only in recent years, due to a large-scale campaign to open TCM centers around the world and the inclusion of TCM drugs in Western pharmacopoeias. The article analyzes the main stages of TCM globalization.

Key words: China, traditional Chinese medicine, reflexology, World federation of Chinese medicine, globalization.

N. Chesnokova. Court Geomancers in Korea during the Joseon Period (1392–1897)

Geomancy, known in Korea as the 'p'ungsu chiri seol theory' first was explained to Korean people in the works of a Buddhist monk Doseon (827–898). The theory was a synonym for traditional Korean geography, and soon became popular and wide-spread. The article focuses on the role of a geomancer in Korea during the reign of the Joseon dynasty (1392–1897) and explores who the Joseon geomancers were: what social background and status they had, what education they were expected to have and what their duties were. In the end of the article the author gives a list of examples explaining the influence and importance of the p'ungsu chiri seol theory for Korean history and culture.

Key words: Korea, Joseon, geomancy, p'ungsu chiri seol, geomancers, ideology, jigwan, jungin.

Yu. Dreyzis. School Literary Canon in the Chinese Higher Secondary School System

The article gives a description of the school literary canon as it is presented in officially sanctioned educational aids for senior high schools (gaozhong) of the PRC. China is currently pursuing an unprecedented nationwide reform of the school curriculum (K-12). As a result, the composition of the school literary canon is also changing, reflecting important changes in the relation of the cultural focus and periphery.

Key words: Chinese literature, Chinese poetry, literary policy, literary market, contemporary literature.

Ткаченко Вадим Павлович
31.01.1932–11.11.2019

11 ноября 2019 г. на 88-м году жизни скончался видный российский ученый-востоковед, основатель и первый руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН Вадим Павлович Ткаченко.

В.П. Ткаченко родился 31 января 1932 г. Завершив в 1955 г. учебу в МГИМО, он начал свой трудовой путь на дипломатическом поприще. В 1957–1962 гг. работал в Посольстве СССР в КНДР. В 1962–1991 гг. — в аппарате ЦК КПСС, где прошел путь от референта до заместителя заведующего отделом. В.П. Ткаченко много делал для развития отношений с КНДР и отстаивания наших интересов на Корейском полуострове. В 1991 г. Вадим Павлович пришел работать в ИДВ, где возглавил Центр корейских исследований, защитил кандидатскую диссертацию и получил признание как ведущий специалист и организатор исследований по современной корейской проблематике.

Перу В.П. Ткаченко принадлежат многочисленные публикации в России и за рубежом. Он был участником многих российских и зарубежных научных конференций, где его глубокие доклады по проблемам положения в Корее и в США всегда вызывали огромный интерес. Проблемы урегулирования на Корейском полуострове рассматривались В.П. Ткаченко прежде всего под углом обеспечения национальных интересов России. Некоторые итоги исследований по этой проблематике обобщены в его монографии «Корейский полуостров и интересы России», выпущенной в 2000 г. издательством «Восточная литература». Среди практических работников и в научной среде В.П. Ткаченко пользовался заслуженной репутацией знатока истории и современного положения на Корейском полуострове. Ему были присущи обширнейшие личные познания о Корее, умение анализировать любую ситуацию с точки зрения российских интересов, способность убедительно обосновать собственное видение проблемы.

Вадима Павловича отличало сочетание высокой требовательности к себе и к коллегам с неизменной доброжелательностью, готовностью помочь идеями, знаниями, дать конструктивный совет. Глубокая увлеченность делом и замечательные личные качества — открытость, искреннее внимание и уважение к окружающим обеспечили ему высокий авторитет и уважение коллег.

После ухода в 2004 г. на заслуженный отдых В.П. Ткаченко не прерывал контактов с ИДВ. Он часто присутствовал на заседаниях Центра корейских исследований, продолжал выступать с интереснейшими докладами на проводимых в ИДВ общероссийских конференциях корееведов.

Большую и полезную работу В.П. Ткаченко вел как член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». Многие материалы журнала по корейской тематике были опубликованы благодаря его инициативе и заинтересованному деловому участию.

Светлая память о Вадиме Павловиче Ткаченко навсегда сохранится в сердцах его коллег и учеников.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

История

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

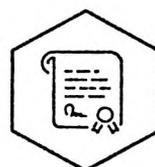
17 АВГ 2020

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политической анимации, Китайский разговорный клуб и др.).

27 ИЮЛ 2020

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Индексирование издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Евгене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук

(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2019 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 30.12.2019 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/6а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+